

ТИМОТИ РАЕНДНАЙД

БАР 32

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Тимоти Ранендхайд

Бар 32

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55101177

SelfPub; 2020

Аннотация

Томас Хэйз был простым парнем, который любил, дружил, занимался фотографией. Он стал другим, когда столкнулся с предательством. Когда из его жизни ушла любимая девушка, забрав часть души парня вместе с собой. Она забрала цвета и звуки, что наполняли его мир. Боль, обида и гнев – все, что есть в его душе после утраты любимой. Во второй раз было больнее. И Томас решает отомстить, теряя самого себя в погоне за справедливостью. Содержит нецензурную брань.

ПРОЛОГ

– Не трогай его, Уилл, – попросила девушка еще раз, пытаясь схватить парня за руку. Тот был настойчив и решителен, даже если его решения были крайне глупыми.

– Эй, пацан, стой! – Уилл не слушал подругу. Его взгляд был полон злости и уверенности в себе. – Я с кем говорю? – он дернул впереди идущего за плечо.

Томас надеялся, что сможет уйти. Он торопился и совершенно не хотел ввязываться в какие-то разборки, тем более на территории школы. За территорией, – пожалуйста. Сейчас же ему не были нужны проблемы с директором и родителями, увы, это было неизбежно.

Коридор был безлюдным, и слова Уилла, парня на год младше Тома, раздавались басистым эхом. Томас был на голову ниже, поэтому ему приходилось смотреть снизу. Особенно сложно было, когда Уилл подошел вплотную. Да так близко, что Томас чувствовал его мятное дыхание.

– Ты пялился на нее сегодня во время тренировки, – это не было вопросом.

– Я не пялился, – проворчал Томас. – Я могу идти?

– Рот закрой! – гаркнул спортсмен. – Ты ответишь за то, что распускаешь свои извращенские глаза на мою девочку, ... парень? – он наклонился к Тому с презрительным прищуром.

– Уилл... – попросила девушка. Но ни один из них будто бы не слышал ее.

– Ты сам себя слышишь? – усмехнулся Томас. – Извращенские глаза? Как это?

– Закуси язык, урод, – вновь повысил голос Уилл. – Ты пялился на нее!

– Я сказал, нет, – повторил юноша. – Да даже если бы и так, то и что с того? Мне нужно было извиниться перед тобой, что ты такой неуверенный в себе? За то, что ревнуешь свою девушку к такому неудачнику, как я? Не уверен, что она вообще твоя девушка.

Томасу следовало чаще держать свой рот на замке или обходиться лишь парой дежурных фраз, а не бросаться с оскорблениями прямо на врага. На того, кто явно не будет разбираться в ситуации. На того, кто пришел не говорить, а бить.

Уиллу не нужно было разбираться в том, кто на кого пялился. Он был убежден в своем и, как типичный твердолобый спортсмен, хотел решить все кулаками. Ведь это так почетно – защитить не пострадавшую ни от чего девочку от хилого парня из старшего класса.

В глазах Уилла горела ярость, будто Том был виноват во всех проигрышах школьной команды по футболу.

– Я могу?..

Том не успел закончить фразу, как неожиданно лоб Уилла оказался между его бровей. В глазах заискрилось, Том пошатнулся, оступился и свалился на пол. Уилл встал сверху, стал обрабатывать кулаками, а Томасу ничего не остава-

лось, кроме как закрывать голову руками. Он почувствовал привкус крови на губах и попытался оттолкнуть спортсмена, но тот несдвигаемым камнем висел над ним.

– Уилл! – звучал голос девушки сквозь удары. Томас видел ее светлые локоны, когда она всеми силами пыталась оттащить парня. Он поддался и лишь напоследок пнул Томаса по ребрам. Они и без того болели.

– Если еще раз... – бросил предупреждение Уилл, уходя. Томас не слышал больше. Он попытался подняться, но голова шла кругом. Казалось, ему уже стоит привыкнуть к тому, что его бьют по ней. Но голова отказывалась принимать это. И, наверное, ему уже стоило пойти куда-нибудь, где его научат махать кулаками.

Он забрел в туалет, бросил сумку у двери. Никого не было, все уже разошлось домой. Один Том оставался работать над школьной газетой. Как раз отбирал фотографии с прошедшей игры школьной команды. «Нужно было нарисовать членна лице Уилла в фотошопе», – мельком подумал он.

Том облокотился на раковину, уронил голову и тяжело вздохнул. В висках стучало, по верхней губе медленно сползала струйка крови. Он поднял глаза на себя в отражение и сморщился: милый мальчик лет 14 смотрел на него, но никак не выпускник нынешнего года. Глаз явно заплачет на утро, на лице будет как минимум два крупных синяка: на лбу и под глазом.

Он открыл кран, стал умываться и пытаться остановить кровь из носа. Из-за шума воды он не заметил, что кто-то вошел.

– Томас? – послышался знакомый голос.

Том обернулся. Перед ним стояла та самая виновница его избиения. Ее голубые большие глаза выражали сочувствие и раскаяние. Белые локоны – единственное, что Том видел – были немного растрепаны. На лице здоровый румянец, дыхание неровное. Она бежала.

– Я дошла до мужского туалета, тебя там не было, – сказала она, подходя ближе. Она намочила вату, что держала в руке, и аккуратно, как бы боясь, заткнула ноздрю юноши. – Потом услышала воду в женском, решила проверить.

– Перепутал, – отмахнулся Том. – Спасибо.

– Я Лиа, новенькая, – она улыбнулась. Том заметил ямочки на ее щеках. Конечно же, он знал, кто она такая. Конечно же, он смотрел на нее сегодня. – Уилл немного вспыльчивый.

– Твой бойфренд не то, чтобы немного вспыльчивый, он очень агрессивный, – исправил Том. – Я знаю его с младших классов, и я не первый, кого он бьет просто так, лишь бы избить.

– Он не мой бойфренд, – улыбнулась Лиа. Улыбка была скорее печальная, нежели смущенная. – Он с чего-то решил, что я его подруга, хотя я ему прямо говорю, что это не так. Он неплохой, но...

– Но у всех свои причуды, я знаю, – фыркнул Том.

– Прости за это, – она коснулась рукой покрасневшей щеки Томаса. – Болит?

Он отстранился. Из-за смущения.

– Ничего страшного. Я люблю боль.

ГЛАВА 1

1

Лиа уже три года жила в Найтл-Лейке, и лишь сегодняшней ночью ей удалось выбраться из дома. Ее семья поселилась на окраине города, откуда девушку ни разу не выпускали в ночь. Но теперь ей уже 18, она живет в общежитии университета, в который поступила, и теперь вольна, как птица. Фиби, ее новая подруга, дама активная, постоянно знающая о любых тусовках города. С ними в компании и Уилл, тот самый парень, что еще в школе пытался за ней ухаживать. Он «по чистой случайности» поступил в тот же самый университет, что и она. С ними Калеб, старый приятель Фиби. Фибс как-то шутила, что он гей. Возможно, это и так.

Они ехали на машине Калеба, ведь тот за всю свою жизнь и капли алкоголя в рот не брал. Фиби продолжала краситься, попутно обсуждая с Калебом то, что они обязательно найдут ему парня на этой вечеринке. Как оказалось, Фиби не раз была в «Баре 32», но никому не рассказывала, что там было. Казалось бы, что может быть интересного в обычном клубе, куда приходят потанцевать и выпить? Но Фибс уверяла, что такого они еще нигде не увидят.

– Ну опиши одним словом, – протянула Лиа.

– Иерархия, – произнесла подруга, словно смакуя слово на языке.

– Ты такие слова умные знаешь? – усмехнулся Уилл.

– Если бы ты, дорогой, ходил на историю, то тоже бы знал.

Они обменялись недовольными взглядами и тут же рассмеялись.

– Фиби, хватит трогать зеркало заднего вида! – чуть ли не завопил Кaleb. – Оно не для твоей косметики.

– А для чьей? Твоей? – рассмеялась Фиби и провела помадой по губе Калеба, оставив неровный красный след.

Все рассмеялись, один Кaleb начинал пыхтеть от недовольства.

Лиа посмотрела в окно. Она гуляла по этим улицам днем, и они совершенно не были похожи на то, что она видела сейчас. Яркие огни вывесок и фонарей отражались в ее восхищенных синих глазах. Мимо проносились машины, и, казалось, ночью город гораздо живее, чем днем. Постепенно они уехали на другой конец города, слушая громкую музыку и подпевая любимым певцам. Уилл пил пиво, предлагая его подругам, и те не отказывались. Лиа чувствовала такую свободу сегодняшнего вечера, что не променяла бы это ни на что другое.

Постепенно она замечала, как архитектура зданий начинала заметно меняться. На смену высоким светящимся зданиям пришли низкие домишки бедных районов.

– Тут как в ниггерских фильмах, – буркнул Калев, точно следуя направлению маршрута.

– Ага, сейчас еще пулю гангстеров словим, – поддержал его Уилл. – Или барыг встретим.

Фиби сделала музыку в машине тише и жестом сказала всем слушать. Она открыла окна, и тогда ее приятели услышали звуки доносящейся музыки.

– Слышите музыку? – все кивнули. – Нам туда.

У Лии от волнения вспотели ладошки и пересохло в горле. Она взяла у Уилла бутылку пива и сделала несколько глотков. Вкус был отвратительный, но пиво как ничто другое утоляло жажду. Она вздохнула и вновь прислонилась к окну, чувствуя, как с каждым метром басы музыки отзывались в ее сердце.

Они завернули за угол, когда музыка стала настолько громкой, насколько это возможно. Калев стал тихо ругаться, что «вечно у этих всратых клубов не найти место для парковки», Фиби смотрела на Лию и с хитрым и довольным лицом спрашивала ее «волнуешься?» или «готова?». Уилл был безмятежен и расслаблен, как, впрочем, и большую часть времени.

Калев оставил машину аж за квартал, и, когда они уезжали, Лиа чувствовала, как будто что-то важное отдаляется от нее. Но ведь это чувство было глупым и необусловленным: они вернутся к тому клубу. Пришлось идти пешком мимо потрепанных желтых домов, лающих собак и де-

тей, что смотрели на них из-за забора. Лии все казалось, что этот район – чертовски стремное место всего города. Как их только сюда занесло? Ведь в центре много клубов. Однако Фиби настолько была уверена в неповторимости этого места, что смогла убедить даже непреклонного Калеба отвезти их и пойти вместе.

Уилл закурил, и Лиа отошла от него на несколько шагов. Вечерний ветер потихоньку проникал под кофту девушки, и по спине ползли мурашки. Лиа поежилась, Уилл поспешил укрыть ее своей толстовкой. От нее пахло табаком, но девушка не могла позволить себе отказаться. Он был мил с ней, а она постоянно его морозила. Оставалось лишь потерпеть еще пять минут, чтобы снять со своих узких плеч эту огромную кофту.

Фиби летела впереди всех. Ее кудрявые волосы в такт шагам хлопали по спине. Кaleb шел, молча вглядываясь в здания. Он с неподдельным интересом изучал дома и забавно вздрогнул, когда рядом с ним за забором гавкнула собака. Они дошли быстро. У входа их уже ждали приятели-спортсмены Уилла, что громко смеялись и курили.

Лиа остановилась у самого входа, подняла глаза. Вверху светилась неоновая вывеска «Бар 32», но само здание не выглядело лучше, чем все остальные. У входа стояли люди: кто-то дышал воздухом, кто-то ругался, кто-то стоял побитый. Лиа сжала и разжала пальцы и пошла внутрь за друзьями, попутно снимая с плеч кофту Уилла.

– Добро пожаловать в «Бар 32», – сказал парень, что стоял рядом с окном оплаты входа. Его речь была немного неразборчива, явно парень был поддат. – Веселого отдыха и приятного время-ик-препровождения.

А внутри темно-синий неон, гремящая музыка и вспышки прожекторов. Слишком много людей, все подвыпившие, танцующие, толкающиеся. Лиа приняхалась: воздух пах чем-то сладким – и именно из-за этого девушка увидела туман в зале. Огляделась, – увидела вейперов в толпе, выдыхающих клубы густого пара.

Компания медленно пробиралась за Фиби сквозь толпу, когда все резко и неожиданно стали толпиться и пихаться, образовывая в центре какой-то круг. «Танцевальные баттлы? Это весело», – отметила Лиа. Но каково было ее разочарование и удивление, когда она вместо двух танцоров увидела двух парней, словно вышедших на боксерский ринг.

Фиби ловко пробралась вперед – туда, где лучше видно, туда, где шанс получить нечаянно в лицо увеличивается в несколько раз. А потом быстро вернулась назад, схватила Лию за руку и потащила за собой. Толкаясь, они протиснулись к самой границе круга, и у Лии захватило дыхание.

Она видела драки, но какое-то волнение все равно присутствовало. Каждый раз, как кто-то кого-то бил – ее сердце обливалось кровью. И этот раз не исключение. Еще и слегка приглушенный технохаус отдавался ударами в ее груди.

Лиа видела двух парней, борющихся на полу. Один, тот,

что пониже, поднялся на ноги и дал второму шанс встать. После чего второй яростно бросился на оппонента, пытаясь ударить того в челюсть. Но парень выставил вперед руку, схватил кулак. Второй рукой схватил запястье, поднырнул и ударил плечом в грудь противника. Выпрямился и потянул второго парня, перекинув его через себя – на пол спиной. Тот упал и лениво постучал рукой по полу – сдался.

Толпа загудела.

– Никто не удивляется, что он побеждает, – сказала Фиби на ухо Лии. – Я не знаю, как его зовут, но он никогда не проигрывает и не сдается. Каждый бой остается за ним, но все равно все продолжают бросать ему вызовы в надежде забрать клуб себе. Как думаешь, в чем его секрет? Он не похож на профессионального боксера...

Он повернулся лицом к ним. Лиа узнала его.

– В том, что он любит боль, – проговорила она.

2

Томас так и не понял, из-за чего был брошен этот вызов. Но это его и не волновало. Выпитое приглушало чувство боли, и Том сам бы сейчас вызвал кого-нибудь, лишь бы почувствовать тяжелые удары. Ему так хотелось ощутить себя живым.

Его поглощало чувство не проходящего эмоционального голода, нехватки и обделенности. Уже год, как из его жизни исчезли запахи и звуки. Условно, конечно. Но его жизнь шла лишь на половину, хотя многие из его сверстников могли бы

позавидовать тому, что он имеет. Особенно те, кто недооценивал его в школе или на первом курсе колледжа. Да и черт со вторыми, большинство из них сейчас пропивают деньги в его клубе. В клубе, что он поднял с нуля своими силами. И все же ему постоянно чего-то не хватало.

Он пытался глушить эту пронзительную тишину внутри выпивкой, жижей с большой долей никотина, громкой музыкой, наркотиками, сексом, драками. Он превратил свой клуб в нечто, напоминающее бар и бойцовский клуб. И только если первое правило бойцовского клуба известно всем, кто смотрел фильм или читал книгу, то тут правил не было.

Он был свободен, ничто не держало его, и все же Том застрял в этом месте, в этом состоянии. И ничто не помогало. Ему не нужны были заменители этого мира, и все же он раз за разом прибегал именно к ним. Его противник сдался, и Томас, вытирая пот со лба, поднялся на небольшое возвышение и поглядел на толпу. За долю секунды он увидел знакомые синие глаза и светлые длинные волосы в толпе, освещенные холодным светом неона. Она – та девочка из школы, из-за которой его побили под конец учебного года. И она узнала его. И ее друг тоже, что, удивительно, до сих пор тусуется вместе с ней.

– Ты... – процедил Уилл, и Том только по его губам понял, что тот сказал. – Я смотрю, ты драться научился, – он подошел к Томасу достаточно близко, но не вплотную. Том стоял на возвышении и смотрел Уиллу прямо в глаза. – Так,

может, закончим наш разговор?

– Ты настолько неугомонный, что хочешь второй раз опозориться перед девушкой, которая тебе нравится? – громко и четко сказал парень, жестом попросив диджея убавить громкость. – Если хочешь произвести впечатление на хорошую девочку, то на свидание ее позови, а не бей «извращенцев» на ее глазах. Можешь не надеяться, что это сделает тебя героем для нее. Ты выглядишь жалко, пытаешься самоутвердиться за счет тех, кто слабее тебя.

– Ты признаешь, что слабее меня? – усмехнулся Уилл.

– Тебе так важно знать, признаю ли я это? – продолжал Томас. – Тебе мало того, что ты испортил мне фотку на выпускной альбом? Мне пофиг, а вот мама моя расстроилась.

Он провоцировал Уилла. Хотел, чтоб тот разозлился. Чтоб толкнул его или повысил голос. Хотел вывести его из себя, ведь знал, что получит небольшое, но удовлетворение от этого.

– Знаешь, что самое забавное, Уилли? Что ты встречался с моей бывшей девушкой, обзывал ее шлюхой, хотя был у нее первый. Что отправлял ее обнаженные фотки своим друзьям, лишь бы показать им, «какая цыпочка тебе досталась». Ты не хотел защищать ее, когда ее пытались изнасиловать. Тебе было все равно. И теперь я ненавижу тебя еще больше за то, что ты такой урод и просто не можешь оставить ни меня, ни Лию в покое.

Томас говорил и чувствовал, как закипает внутри. Он

ненавидел этого подонка с того момента, как узнал обо всем этом. К сожалению или к счастью, Том еще не был наслышан о его деяниях тогда, когда Уилл бил его в школьном коридоре.

– Элисон тупая дура и шалава, которая отчаялась после расставания со мной и, лишь бы не чувствовать одиночества, кинулась в постель к тебе, – отвечал Уилл.

Томас и Элисон расстались год назад. Она забрала с собой всю его душу, и теперь ее имя болезненно отозвалось в его сердце и сознании. Том закипал, Том загорался. Он ненавидел Уилла с каждым словом все больше и больше, но продолжал говорить, вместо того чтобы ударить.

– Мне так жаль твоих родителей, – сказал Томас. – Наверное, им горячо обидно, что выросло такое чмо вместо сына. Ты возомнил себя классным. Я погляжу, за твоей спиной компания таких же отбитых спортсменов, как ты. Но уважение тебе за то, что ты не прячешься за их спинами. И все же, принцесса, в отличие от тебя, у меня хотя бы есть яйца.

Уилл не выдержал и пихнул Томаса в грудь. Том сделал шаг назад, рассмеялся, покачивая головой и, внезапно, схватившись за плечи Уилла, ударил его головой – отомстил за тот раз. Уилл пошатнулся, но не упал, схватил Тома за ремень и куртку и повалился на пол. Его компания бросилась помогать: запинывать Тома или держать его руки, пока Уилл бьет его по лицу.

К сожалению для «отбитых», многие, кто отдыхал в этом клубе не первый раз – приятели Тома, что бросились в атаку на спортсменов с криками и безудержной злостью. Вся толпа превратилась в бушующее море, готовое поглотить всех, кто по своей глупости сунулся.

Уилл все еще держал Тома за ремень, но вторую руку отпустил и стал бить противника по лицу. Томас подставил лицо под удар, схлопотав дважды, прежде чем удалось схватить Уилла за оба запястья. Теперь их руки заняты, и мастерство Тома, наработанное двумя годами, не играло никакой роли. Их драка превратилась в испытание выносливости среди всего балагана, что разросся вокруг.

Томас попытался повалить Уилла, но усталое, расслабленное от алкоголя тело не позволяло этого. Они продолжали бороться, и Томас сквозь зубы продолжал говорить о никчемности спортсмена, выводя того из себя еще больше. Том улыбался и смеялся, но на его лице начинала появляться усталость.

Уилл освободил одну руку и тут же ею стал бить юношу по лицу. Он освободил и вторую, взял того за ворот футболки, торчащей из-под куртки, приподнял и со всей силы ударил затылком о пол. Томас понял, что будет за долю секунды до удара и успел подставить руку под затылок. Он схватил руки Уилла, сорвал их со своей одежды и еще раз ударил того головой по лицу. Удар был не таким сильным, как первый, и не таким точным, но этого хватило, чтобы вырваться.

Они с Уиллом поднялись одновременно, но не бросились друг на друга вновь – их стороны растащили их друг от друга. Томас глазами нашел среди спортсменов Лию и посмотрел на нее. Ее взгляд был точно такой же, как в тот день в школе. Такой знакомый.

– Вот теперь я пялюсь на НЕ твою девчонку, Уилли, – крикнул Томас. – И что ты мне сделаешь?

Уилл дернулся, но его остановили. Томас убрал руку своего друга Питера с груди и пошел в сторону противоположной команды. Все стояли насторожено, и никто не бросался на незащищенного юношу. Он подошел к Лии, улыбнулся ей, поприветствовал.

– А вас, девушки, я приглашаю пройти со мной в VIP-зону, – его голос звучал спокойно, и теперь он уже не отрывал глаз от светловолосой девушки, что смущенно глядела на свою подругу.

3

– Так ты сам основал этот клуб? – спросила Фиби, откровенно кокетничая с Томасом. За несколько минут она успела выпросить место в VIP-зоне еще и для Калеба, ведь тут стояли кальяны, и был мальчик, похожий на гея, который явно понравился бы их другу. Лии казалось, что когда-нибудь эти шутки перейдут все границы.

– Не без помощи моих друзей, – отвечал Томас. Его голос был равнодушен и чересчур спокоен. Лиа просидела с ним около получаса в одном помещении и понимала, что он вовсе

не похож на того мальчика, что она знала в школе. Еще в выпускном классе он был хилым парнишкой, похожим больше на ребенка, чем на выпускника. А теперь перед ней красивый парень со взрослым лицом, который даже подрос на пару сантиметров, сменил прическу и стал одеваться еще лучше, чем в школе. По егоговору можно было сказать, что и его голос «доломался».

Рядом с ним на диване, закинув на его колени ноги, сидела девушка, кажется, Рейчел. Она курила и почти не участвовала в разговоре. Среди всех она выделялась своей внешностью. В отличие от светлых Тома и Лии, она была смуглой, темноволосой и кареглазой. С большими губами и густыми бровями. Даже Фиби на ее фоне казалась блекловатой.

– А ты все еще тусуешься с этим болваном? – спросил Томас, и до Лии не сразу дошло, что вопрос адресован ей. Она поглядела на парня: он сидел, развалившись на диване, парил и медленно потягивал что-то из бутылки. Его взгляд буквально был прикован к ней.

– Уилл не плохой, – ответила она, но тут же поежилась от того, что произошло сегодня: от слов Томаса про Уилла, про то, как повели себя спортсмены. – Он просто поступил в тот же университет, что и я. И подружился с Фиби как-то одновременно со мной. Вот мы и тусуемся в одной компании.

– Ты не давай ему только, – сказал Том, а затем сделал долгую затяжку и выдохнул сладкий пар.

– Что? – опешила девушка.

– Не спи с ним, – повторил Томас.

– Может, она сама разберется, с кем спать? – бросила Рейчел. – Или ты запал?

– Иди ты, Рид, – покачал головой Том. Уголок его губ дрогнул, но это не было похоже на улыбку. – Уилл тот еще говнюк, а Лиа девчонка неплохая. Чувствуешь связь?

– Ну да, ты опасаясь того, что он замутит с ней быстрее, чем ты, – продолжала издеваться девушка.

Лиа допила из бокала шампанское, которым Томас угостил их, и налила себе еще, лишь бы отвлечься от неловкого разговора.

– Знаешь, то, что он угостил вас шампанским за свой счет – многое значит, – Рид глянула на девушек. – Он даже меня не угощает, даже скидочку не делает.

– А мне делает! – прокричал кто-то недалеко. Лиа наклонилась посмотреть, и увидела того парня, что Фиби приметилла для Калеба.

– Что он тебе делает, Питти? – рассмеялась Рейчел.

Лиа заулыбалась, а затем краем глаза заметила, что Том смотрит на нее пристально и внимательно. В его глазах не осталось ничего от того парня, что она знала в школе. Тогда он был смущающимся и гораздо менее уверенным. Сейчас же его лицо не выражает никаких эмоций, кроме жуткого холода и доли заинтересованности. А может, это игра света в его голубых глазах.

Лиа смотрела на него молча, время от времени побеждено отводя взгляд, пока Томаса не отвлекли. До этого его не волновали ни разговоры, ни вопросы, ни какие-то слова. Он отвечал, но вскользь, все не отпуская девушку из своего пристального взгляда.

– Он на тебя пялится, – прошептала Фиби на ухо.

– Я знаю, – стесненно ответила девушка. Но после еще пары выпитых бокалов игристого вина Лиа сама начала играть с Томасом в гляделки. И это смогло вызвать мимолетную улыбку на его каменном лице.

Питер, предполагаемый гей и друг Тома, наклонился к нему и что-то прошептал. Лиа на долю секунды увидела в глазах Томаса неподдельный страх. Но он тут же вновь сменился спокойствием. Том встал, допил то, что оставалось у него в бутылке, сделал затяжку, протянул мод Лии и ушел, оставляя за собой облако пара.

Его не было долго, но Лиа знала, что он ушел на улицу.

– А что случилось? – спросила она Рейчел.

Та глянула на нее с улыбкой, делая затяжку самокрученной сигареты.

– Его бывшая пришла повидаться спустя год, – ответила Рид. – На самом деле, плохи его дела.

– В каком смысле?

Но на этот вопрос Рид не ответила, лишь опрокинула голову назад и выдохнула дым.

– Сходи за ним, – предложила Фиби. – Подойди к нему

сзади, обними, спроси, что случилось. Встречаться с бывшими – это горелое дело.

– Твоя подруга умные вещи говорит, – поддержала Рейчел. – Он, конечно, не признается тебе в том, что благодарен, но я поблагодарю тебя от всей души за его спасение.

– А почему ты сама этого не сделаешь? – спросила Лиа, сомневаясь в разумности этого плана.

– Элисон знает меня, как облупленную, – закашлялась Рид. – Она не поверит, что я сплю с ее бывшим. А ты миленькая, и тебя она не знает. Давай, руки в ноги, и дуй спасать его. Ты же явно не равнодушна.

«Еще чего, – подумала Лиа. – Я его толком не знаю, а нас уже сводят. Но была не была, может, я его последний раз вижу, чтоб опозориться».

4

Томас вышел из клуба с черного хода быстро, пусть и нехотя. Он спустился по лестнице, стараясь смотреть куда угодно, кроме нее. Но, подойдя ближе, ему уже некуда было прятать свои глаза.

Элисон улыбалась ему робко, смотрела по-доброму зелеными глазами, что дурманили разум Томаса куда сильнее наркотиков или алкоголя. Он видел много глаз, но эти... Эти заставляли его жить, а теперь стали тем, что он так хотел возненавидеть. Стали тем, из-за чего он пошел ко дну. Она курила. Начала, когда они расстались. Томас не понимал, с чего бы. Ведь именно она его бросила. По слу-

хам, ушла к другому, кто, казалось, был лучше его во всем. Был полноценным, был уверенным, был смелым и решительным. Не страдал от эмоциональной нестабильности, не ставил проблемы с семьей и прочие выше хотелок своей девушки. Кто покупал ей цветы, кто катал ее на машине, кто дарил ей все самое дорогое.

И все же Том сходил с ума от присутствия рядом с ней. Ему хотелось упасть к ней в объятия, прижаться, запустить руку в эти черные волосы. Ему было омерзительно слышать, что говорил про нее Уилл, какие слухи распускали про нее. И что-то из этого ведь могло быть правдой. Но он не верил, не хотел верить, не мог поверить.

– Привет, Томми, – проговорила она, туша окурков ногой. – Поговорим?

Томми. Его будто бы с цепи сорвало. Вся та нежность, что оставалась в нем, перекрылась ненавистью, что он пытался воспитать в себе, чтобы забыть ее. И ведь он забыл, уж год прошел. И вот она стоит перед ним снова, хочет поговорить, хочет вернуться.

– А зачем, Элисон? – Том убрал руки в карманы брюк и пожал плечами. – Ты пришла ко мне спустя год, чтобы поговорить? Для чего, Элисон? Скажи мне. Скажи мне, почему ты обманула меня, обвела вокруг пальца, развела меня? Для чего пряталась за любовью, если от меня не было толка? Ты ведь нашла себе лучше...

– То, что говорят про меня, – бред. Мы расстались, потому

что не могли терпеть друг друга. Ты кучу раз говорил это, но никак не мог собраться с силами...

– Ах, так ты, значит, просто сделала все за меня? – нервно улыбнулся Том. – Ну спасибо, я же так этого просил, прямо умолял тебя решить все за меня. Знаешь, почему я не уходил? Потому что любил тебя. Я хотел бы упасть тебе в руки сейчас, но ты, чего хочешь ты?

Они замолчали, смотря друг на друга. Томас ждал, пока она что-нибудь скажет, чтобы придраиться к этим словам, пока ее зеленые глаза не свели его с ума, пока не сделали его слабыми. Она смотрела на него, и Том видел, как ее глаза начинают слезиться.

«Нет, только не плачь, прошу» – мысленно простонал он.

– Я хочу вернуться к тебе, – прошептала она.

И Том сорвался.

– Вернуться? Ты нагулялась и решила вернуться? Что, оказалось, что есть люди хуже меня?..

– Я поняла, что не могу без тебя...

Чьи-то руки обволокли его сзади, остановились на груди, и чье-то тихое дыхание послышалось сбоку. Том мельком глянул, но не придавал этому значения. И вовсе сделал вид, что не заметил, продолжая говорить.

– За год? За год, пока ты шлялась и спала непонятно с кем? Пока тусила, курила и бухала? Ты ведь этого и хотела, тебе же все не хватало свободы. Тебе хотелось тусить с парнями, чтобы я не возникал. Тебе же хотелось проводить вы-

ходные с подругами в клубе и ночевать неизвестно где, чем провести вечер со мной? Знаешь что, Элисон? Ты – худшее, что случилось в моей жизни. Проваливай отсюда и больше никогда не появляйся в моей жизни.

– Мне больно слышать такое, – сказала Элисон, опустив глаза вниз. – Когда-то ты говорил другое.

– Ты тоже говорила, что любишь меня, – бросил напоследок Томас.

Он подыграл Лие, обнял ее за талию и пошел обратно в клуб. А внутри бушевал пожар, который ему срочно нужно было потушить. «Ты же хотел чувствовать, – укоризненно подумал Том, – вот, получи. И впредь будь осторожнее в своих желаниях».

– Тебе завтра на учебу? – спросил парень. Девушка отрицательно покачала. – Тогда мы сейчас нажремся, как перед концом света.

ГЛАВА 2

1

Сон был теплым, сладким, каким-то даже по-детски крепким. Лиа чувствовала себя отдохнувшей и бодрой, первые несколько секунд считая, что проснулась после хорошего сна. А во сне этом она была той, кем запрещали ей быть родители. Она пила, веселилась, танцевала, пыталась парить и каждый раз кашляла и захлебывала паром. Она думала, что откроет глаза, а перед ней уже привычная картина: Фиби красится перед новым днем. Или примеряет одежду, ворча,

что носить нечего.

Только вот стоило открыть ей глаза, как девушка поняла, что это был вовсе не сон. Свет был слишком ярок, она зажмурилась. И в этом свете этот «сон» развеялся без следа, мелькали какие-то обрывки, что никак не воссоединялись воедино. Но секундного взгляда хватило, чтобы понять, что спит она не в своей постели и даже не в общежитии. Девушка резко поднялась и тут же пожалела из-за головной боли, что тяжелым грузом ударила ее.

«Так, я не помню, как оказалась непонятно в чьей постели...»

Первым делом она проверила, одета ли. На ней было нижнее белье и джинсы, но не было кофты. Паника. Она не помнила почти ничего после того, как вернулась с Томасом с улицы. Лиа огляделась.

Комната была просторной и светлой, прямо перед ней было большое окно. Она резко поднялась на ноги и подошла к нему. На улице вовсю светило солнце, были видны одинаковые скромные дома, расписание граффити. Значит, она все еще в этом квартале. Прожужжал телефон, стоявший на зарядке.

Фиби: подруга, ты как? живая?

Лиа: Да, и тебе доброе утро. Ты где?

Фиби: я вчера познакомилась с одним молодым человеком...

Лиа: Так где ты?

Фиби: я у него, не переживай.

Лиa: Окей

Фиби: ты уже в общежитии?

Лиa: Нет

Фиби: напиши, как поедешь. целую.

Лиa: Окей

На кровати лежала чистая футболка. На два размера больше того, что носила девушка, но это лучше, чем искать хозяина дома в одном лифчике. Лиa открыла дверь. Откуда-то доносилась тихая музыка и шипение сковороды. Пахло вкусно, и живот заурчал. И все же больше ей хотелось сейчас холодной воды.

«Ты вчера знатно напилась, – с долей гордости подумала девушка. – Можно считать, теперь ты своя среди остальных. А то раньше дразнили...»

Она, хмурясь, повернула в открытую дверь и увидела Томаса, старательно что-то жарящего у плиты. Кухня была небольшой и куда скромнее комнаты. Парень обернулся не сразу, лишь когда Лиa отодвинула стул и села на него.

– Доброе утро, – проговорил он и тут же поставил перед ней стакан с чистой водой.

Девушка опустошила его быстро, отмечая, как же чертовски вкусна простая вода.

– Том? – спросила она.

– Мм?

– Вчера... между нами что-то было? – вопрос был нелов-

ким, и она бы засмушалась еще больше, если бы Томас смотрел на нее.

– Ты бы запомнила, – сказал он, едва слышно хмыкнув. – Ты ничего не помнишь?

– Едва ли, – вздохнула Лиа. – Я помню, но очень смутно, и...

– Если что-то и было, то на девственность твою я не покушался, это точно, – медленно, растягивая слова, сказал Томас и поставил перед девушкой большую тарелку жареных яиц с беконом и две вилки.

– А почему ты так уверен, что я девственница? – сорвалось с уст девушки.

– Ты сама меня вчера в этом уверяла, – отвечал парень, садясь напротив нее. – Приятного аппетита.

– И тебе. А где все остальные?

Лиа лениво отрезала кусочек бекона и положила его в рот, глядя на Томаса. Он равнодушно жевал яйца, все не сводя глаз с девушки. Она думала, он такой смелый лишь под алкоголем. Но и сейчас Том был также спокоен и немного заинтересован.

– Разъехались, – коротко бросил Том.

«Кажется, я ему не нравлюсь. Вчера он говорил куда больше, нежели сейчас. Неужели я из тех, кто интересен только под алкоголь?».

– А где моя кофта?

– Постиранная висит в ванной. Ты вообще ничего не пом-

нишь?

– Я помню все хорошо до момента, как мы начали играть в алкопонг. Ты попадал больше всех и все помнишь?

Томас усмехнулся.

– Самая лучшая память у Рейчел, а она любит звонить, пока гуляет с собакой. А собака любит гулять по десять раз за утро.

Лиa улыбнулась, Томас тоже. Но все равно Лиe казалось, что в его глазах не хватает какой-то искры, искренности. И все же не ей копатьcя у него в голове.

– Я помню какие-то обрывки, – добавила Лиa.

– Рассказывай, что помнишь. Я дополню.

2

Лиa была польщена, что все время внимание Томаса было приковано к ней. Но после встречи с Элисон он отдалился. Они сидели на противоположных диванах, и все же его взгляд был прикован уже к другой девушке. Он улыбался ей, пусть и как-то натянуто, но улыбка его казалась хищной в неоновом свете клуба.

Позже они начали разговаривать, когда Томас оставил девочек одних. Время отсутствия Тома могло тянуться вечно, если бы Рейчел не закричала: «Готовьте стаканчики, неудачники, сейчас мамочка надерет вам задницы в алкопонге!». Ждать долго не пришлось, как на двух сдвинутых столиках выстроились бумажные стаканчики.

– Пойдем, – подскочила Фиби и потащила Лию за собой.

– А что нужно делать? – спросила девушка у подруги на ухо, чтобы никто не подумал, какая она глупая.

– Кидаешь шарик и в какой попадешь – содержимое того и пьешь, – ответила Рейчел, которая стояла недалеко. «Черт» – мысленно выругалась Лиа. – Показать, как надо?

Рид прицелилась и бросила. Шарик отскочил от стола и упал в один из наполненных чем-то стаканов.

– Выглядит просто, – отметила Лиа, взглядом сопровождая все движения Рейчел: вот она тянется к стаканчику, опрокидывает его, опустошает, достает мокрый шарик и ставит стакан на место. Другая девушка быстро заполнила его снова. – Держи, красотка. Твой черед.

Лиа сжала шарик и встала на место Рейчел. Прицелилась, стараясь не думать о том, как может опозориться. Она кинула: шарик полетел и попал в один из стаканчиков. Радуюсь, девушка тут же схватила его и быстро выпила. А потом сморщилась, запищала. Рейчел и Фиби засмеялись.

– Что там? – спросила Фибс.

– Это явно было не шампанское, – проговорила Лиа, пытаясь взглядом найти то, чем бы закусить.

Рид протянула ей дольку шоколада. Она положила ее на язык и показала Рид шарик, спрашивая, кому? Рейчел кивнула куда-то назад, и, обернувшись, Лиа увидела стоящего за ней Томаса. Он взял шарик из ее рук, нечаянно прикоснувшись к ее пальцам подушечками своих. Девушка на момент задержала дыхание и выдохнула лишь тогда, когда Том

отошел к столу.

Он не целился, а лишь легкой рукой бросил шарик. Тот, конечно же, попал. «Какой-то он слишком идеальный» – надув губы, подумала Лиа. Он выпил и протянул шарик Фиби.

– Я лучше посмотрю, – отмахнулась подруга.

– Да ладно тебе, – настаивал Том. – Давай.

– Ты хочешь меня сподить? – улыбнулась она.

– Может, и так.

– Тогда лучше брось сам, а я выпью.

Томас воспринял это всерьез, бросил и попал.

– Пей, – указал он рукой на стол. – Рейчел, кидай.

Как потом оказалось, играют по четыре человека, и команда постепенно меняется, когда кто-то в ходе выбывает. Лиа хотела бы закончить игру после первого броска, но Рейчел с таким довольным лицом протягивала ей шарик, что она не могла отказать. Да еще и Томас, который стоял рядом с ней. И Фиби, которая бы стала упрекать Лию в трусости, хотя сама всегда боялась участвовать в играх.

Четвертым игроком стал Питер, которого Рейчел буквально уломала. Тот отнекивался, говоря, что не любит эту игру, что не попадает и «что вы вообще меня трогаете, я курю кальян и никому не мешаю». Сошлось все к тому, что Рид взяла его на слабо.

Спустя пару-тройку попаданий (после, конечно же, пары промахов) Лиа втянулась в игру. И если после первого стаканчика Лиа попадала исключительно в пиво или шампан-

ское, то Томас пил что покрепче, попадая каждый раз и иногда выпивая за друзей. Затем Лиа начала делить свои попадания с Фибс, ведь не одной ей напиться в этой чертовой игре.

– Ох, черт, какая песня! – пропела Рейчел. – Играй, я пошла танцевать!

Она всучила шарик какому-то парню, подливающему алкоголь в стаканчики, и ушла. Подошла к барной стойке, переговорила с сидящим там мужчиной, смотря на него своим шальным взглядом. Он поднялся со стула, подал ей руку и помог подняться на деревянную поверхность.

– Микки, сделай погромче! – крикнула она диджею. – Вот так нужно веселиться, сучки...

Она начала танцевать, одновременно закуривая новую самокрутку. Подняла руки вверх, щелкая пальцами. Крутилась, не боясь оступиться. Двигала бедрами и телом, трогала волосы и выглядела так, будто хотела соблазнить каждого мужчину и каждую девушку в этом месте.

Томас вышел из игры следом, когда к нему вновь подошла та длинноногая модель, с которой он все разговаривал. Он поцеловал ее, сжал руками ее задницу; она запустила руку в его волосы, а вторую под футболку. Лиа бросила шарик, понадеялась, что это будет что-то крепкое, лишь бы не видеть той прелюдии, что разворачивалась за ее спиной. Опрокинула стаканчик, и жгучая жидкость обожгла ее горло. Они с Фиби снова отошли к тому столику, где сидели прежде.

– Кажется, я пьяная, – простонала Лиа, упав на колени к подруге.

– Пока ты там пила, я познакомилась с одним классным парнем, – довольно сказала Фибс. – Он предложил поехать к нему попозже. А я еще думала, что этот вечер – мой шанс найти кого-нибудь себе.

– Ты думаешь, что у тебя может быть что-то серьезное с парнем, которого ты нашла в клубе? – приподняла бровь Лиа.

– Почему сразу серьезное? Я же не замуж за него собираюсь, – цокнула подруга. Она смахнула кудрявые волосы на одну сторону и оперлась на руку. – Да и это мне говорит та, что весь вечер не спускает глаз с Томаса.

– Что?! – протянула Лиа, рассмеявшись. – Это он пялился на меня все время.

– Ага, и это он пошел уводить тебя от бывшей.

– Ты сама мне это предложила! – наигранно отвечала девушка. – Может, я делала это ради Рейчел?

– Так ты у нас теперь лесбиянка? – рассмеялась Фиби. – Вот такого я от тебя не ожидала. Хотя да, будь я тоже лесбиянкой, запала бы на нее. Ну ты только посмотри, как она танцует.

Лиа и посмотрела.

– Ага! Уже пялишься? – удовлетворенная тем, что смогла заставить Лию посмотреть, закричала Фиби.

– Да ну тебя, – девушка пихнула подругу и поднялась с ее

колен.

Она посмотрела в сторону какой-то двери, в которую еще никто не заходил, сколько они здесь были. И именно в этот момент в нее уходили Томас с той безымянной девушкой. Улыбка Лии сменилась хмуростью, и она поспешила допить уже выдохшееся шампанское, что оставалось у нее на столе. Фиби быстро заметила перемену настроения подруги. И, так же быстро поняв, в чем дело, протянула «оу».

– Когда я только узнала об этом клубе от одной моей знакомой, она рассказала, что ее подруга попала в VIP-зону, познакомилась с Томасом и в эту же ночь переспала с ним, – проговорила Фиби. Она продолжила, когда увидела скептический взгляд Лии. – Дело в том, что все, кто заходил с ним в эту комнату, говорят, что он никогда не раздевается.

– И что тогда они там делают? – спросила Лиа, устроившись на диване удобнее.

– Девушки-то раздеваются. Раздеваются полностью.

– И как он с ними?..

– Ну, у него есть пальцы и язык, – пожалала плечами Фиби.

– Фу, Фибс, – пихнула Лиа подругу. Та рассмеялась. – Это делает его менее идеальным.

– Ты уже успела посчитать его идеальным?

– Ну, он никогда не проигрывает нигде, весь такой крутой, классный...

– И то, что он занимается сексом руками, делает его менее классным? – возмущенно спросила Фиби. – Знаешь?..

– И знать не хочу. Пошли выпьем.

– Я посмотрю, что ты скажешь, когда переспишь с ним.

Если он умеет...

– Ну, прекрати! – простионала Лиа и ушла вперед.

Фиби уехала с тем парнем, про которого рассказывала. Лиа сидела на диване рядом с еще парой людей, держась за голову. Еще один стакан чего угодно, и ее вывернет наружу. Из еды в ее желудке был только небольшой перекус перед отъездом и пара долек кофейного шоколада, которым угощала ее Рейчел.

Она искала глазами хотя бы Калеба и вспоминала об Уилле, который, скорее всего, сейчас напивался где-то на первом этаже. Возможно, там разгорелась новая драка. Как поняла Лиа – многое в этом месте решается через силу. «Чисто мужское решение» – прыснула она, решив отложить осмысление на более позднее время.

Калеба нигде не было видно, а потом Лиа заметила, как он вышел через черный ход на улицу с телефоном. После чего вернулся, подошел к девушке и наклонился к ней.

– Ты в порядке? – спросил он.

– Да, весьма, – ответила Лиа, сдерживая непреодолимое желание выплюнуть наружу все выпитое.

– Выглядишь плохо, – заметил Калеб. – Может, тебя в общагу отвезти?

– Ты куда-то торопишься? – спросила Лиа, кивая на теле-

фон. – Поезжай, я справлюсь, правда.

– А где Фиби?

– Уехала куда-то с новым мужиком, – отмахнулась Лиа. – Ревнуешь?

– Ни грамма, – улыбнулся Калев. – Точно все в порядке?

– Да. Поезжай.

Калев еще немного поглядел на нее, кивнул и развернулся. Он вышел через первый этаж, и Лиа больше не думала о том, где он. С каждой минутой ей становилось все хуже, и она начинала ругать себя за то, что не согласилась поехать с Калевом. Но он явно куда-то опаздывал. Наверное, домой. Пай-мальчик, как никак.

Лиа поднялась, пытаясь в плывущей толпе найти Рейчел. Ее телефон сел, и вызвать такси было невозможно. Нужно было найти того, кто поможет ей уехать. Она шла, пытаясь сфокусироваться, и не заметила, как лбом воткнулась в чью-то грудь. Подняла глаза – перед ней Томас.

– Все в порядке? – спросил он, взяв ее за плечи.

– Да, ты не мог бы... – она замолчала, подавляя рвотный спазм, – не мог бы вызвать мне такси? Мой телефон сел и...

– Тебе не нужно такси, – проговорил он. – Рейчи! – он махнул рукой, подзывая подругу. – Рейчел проводит тебя до туалета. Я принесу воды.

Лиа не смогла ничего ответить, лишь последовала за Рейчел, резво несущейся куда-то вперед. Они зашли в светлое помещение, глаза Лии заболели от резких ярких уколов. Она

припала к ближайшему унитазу, и Рейчел в последний момент успела схватить ее светлые локоны.

– Ты первый раз пьешь что ли? – спрашивала Рид. – Иначе не скажешь. Знаешь, если понравилось, и ты придешь к нам еще разок, то будет легче. Мамочка Рид научит тебя пить так, что никакая водка не будет брать тебя с первого стакана. Водку придумали русские и поляки. Люблю их! Но итальянцев за вермут я люблю еще больше. Ты как, живая?

Лиа кивнула, но еще не была готова отлипнуть от унитаза.

– Ничего, каждый из нас проходил через знакомство с «белым другом», – продолжала Рид, навалившись на стену. – Лучше ты научишься пить с нами, чем в компании тех, кто остался внизу.

– Как она? – послышался голос Томаса. Он присел на корточки и протянул девушке бокал чистой воды.

Лиа сделала пару мелких глотков, затем еще. Ей стало лучше: легче в желудке, но руки все равно немного тряслись от ожидания неприятного.

– Спать? – спросил он. Девушка покачала головой.

– Сейчас я посижу немного, и мне станет легче, обещаю, – пробубнила Лиа, прислонилась спиной к холодной стене. – Или все-таки спать...

3

– Как стыдно, – простонала Лиа, запрокинув голову назад.

– Ты выглядела весьма мило, – отметил Томас. – Отрубившаяся рядом с «белым другом», да еще и с блевоти-

ной на кофте.

– Фуу...

Томас едва рассмеялся.

– Доедай, собирайся, и я отвезу тебя домой, – прочеканил Том и вышел из-за стола. – Посуду поставишь в раковину, потом помою.

Он ушел, Лиа проводила его взглядом и встала со стула. Собрала тарелки и кружки, поставила в раковину и включила воду. Ей нужно было хоть как-то помочь ему после всего, что было вчера ночью. Это не заняло больше пяти минут, но хотя бы ему потом не отскабливать засохшее.

Она вернулась в комнату, застав Томаса без футболки. Она отвернулась, услышав тихий смешок. Парень надел кофту и пошел на выход. Остановился только рядом с ней на пару секунд.

– Можешь оставить себе эту футболку, – сказал он, оглядев девушку, – как сувенир. Тебе идет.

Ее кофта, постиранная и сухая, лежала на кровати. Она еще раз осмотрелась в комнате, прежде чем покинуть ее, скорее всего, навсегда. Вряд ли когда-то она напьется еще раз настолько, чтобы быть не в состоянии возвращаться домой. Или, того хуже (или к сожалению?) пойдет с ним посреди вечеринки сюда вдвоем.

На столе у противоположной стены лежал фотоаппарат. На вид дорогой. Рядом с ним несколько объективов и карт памяти. Тут же выключенный ноутбук. На натянутой леске

были прицеплены распечатанные фотографии. На них Рейчел, Питер, сам Томас, еще какие-то люди. Какие-то фотографии сделаны в клубе со вспышкой: с алкоголем, с сигаретами, паром. Какие-то с фотосессий. «Рейчел хорошая модель, – отметила Лиа, рассматривая ее фотографии. – Так Томас фотограф?»

Да, она вспомнила, что в школе он был фотокорреспондентом для газеты. И когда-то он даже фотографировал ее для какой-то статьи о спорте. Девушке показалось классным и милым, что спустя столько лет Том не бросил любимое дело.

«Может, попросить у него фотосессию?» – промелькнуло у нее в голове.

И в тот же момент раздался голос около входа.

– Могу когда-нибудь и тебя пофотографировать, – Томас стоял, скрестив руки на груди.

– А если бы я переодевалась?

– Но ты же не переодевалась.

– А если бы?..

– Ты готова?

Лиа кивнула.

– Тогда пошли.

Томас открыл пассажирскую дверь своей машины, и Лиа забралась внутрь. Она закусил губу, провожая его взглядом, пока он не сел за руль. Ему хватило услышать название университета, чтобы знать, к какому общежитию ехать. Но Лиа

видела на его лице некое недовольство и нежелание, и все же они поехали.

Он держался спокойно и отстраненно. Завел двигатель, выехал с места парковки и включил музыку.

– Это Оффспринг?

– Да. Неужели кто-то знает о них, кроме Рейчел? – Том поглядел на нее, и Лиа не смогла сдержать смущенной улыбки. От этого и губы Тома изогнулись в полуулыбке.

– Мой старший брат любил это группу, – ответила Лиа, опустив взгляд. Она давно не вспоминала о нем. – Я была маленькой, но именно эту песню помню.

– Любил? – спросил парень, все так же смотря на девушку. «Он вообще не хочет посмотреть на дорогу?»

– Он погиб четыре года назад, – пояснила Лиа. Она поджала губы, надеясь, что душевная боль, спрятанная где-то в глубине сердца, не захочет вырваться. – Разбился на мотоцикле. Именно поэтому моя семья решила переехать сюда.

– Соболезную, – вздохнул Том и, наконец, перевел взгляд на дорогу.

Они ехали быстро, дорога была пустой. Лиа глядела в окно, рассматривая дома, что впервые видела в дневном свете. Музыка в машине сменялась резко: начиная от панка, заканчивая попсой. У Томаса весьма разнообразный вкус, и, черт, все песни были знакомыми. Хотелось подпевать, но девушка лишь еле заметно в такт качала головой.

– А ты живешь один? – спросила она, понадеявшись, что

за это недолгое время сможет его немного узнать.

– Да.

– А где родители?

Томас поджал губы. Кажется, это его болезненная тема. И Лиа хотела уже себя осечь, но ведь она не знала этого.

– Они переехали, – ответил он сухо, поворачивая. «А ты?..» – А я остался, потому что не хотел уезжать отсюда. Тут лучший в штате творческий колледж, и я лет с шестнадцати мечтал в него поступить, чтобы обучаться у лучших фотографов города. Да и отношения с родителями у меня напряженные: мать часто говорила, что отец болеет из-за меня. И мне как-то не хотелось слышать это каждый день, зная, что отец медленно умирает, а это якобы моя вина.

Лиа не знала, что ответить.

– Я видела твои снимки, – наконец сказала она. – У тебя талант.

– Спасибо, – бросил он.

«Спросить у него про возможность фотосессии? Или не стоит? Ведь он заикался об этом. Или это была какая-то шутка?»

– Когда ты говорил, что сможешь меня пофотографировать, ты шутил?

– С чего ты решила? – он перевел взгляд на нее, и Лиа почувствовало странное волнение внизу живота. – У тебя красивая внешность. Не исконно модельная, конечно: ты низкая, и черты лица у тебя не... идеальные, – последнее слово

он буквально выдавил из себя. – Но в этом и прелесть.

Она не знала, как принимать его слова: как комплемент?

– Спасибо, – усмехнулась она. Усмехнулся и он.

Они выехали в «большой город», и Лиа вздохнула свободнее. Место, в котором они были, бесконечно смущало ее. Тот район, что, скорее, можно назвать неблагоприятным, пугал ее. А тут она чувствовала себя лучше, спокойнее. Эти люди, что, не торопясь, гуляли по паркам, шли вдоль дорог и стояли на пешеходных переходах, были так безмятежны в этот субботний день. Она поглядела в окно, краем глаза рассматривая лицо Томаса: сосредоточенное, хмурое, холодное. Он переключил песню и неожиданно вздрогнул. Губы искривились в улыбке, он прибавил громкость и стал пританцовывать, безмолвно подпевая.

Лиа смотрела на него с широкой улыбкой.

– Что? – спросил он. – Я люблю эту песню.

Девушка вжалась в сидение и наигранно покачала головой.

– Что? – спросил он еще раз.

– Ничего-ничего, танцуй, – улыбнулась она.

«Может, вот его слабое место? Музыка?»

И Лиа сидела все три минуты, глядя на него, улыбаясь, понимая, что сейчас он такой милый, классный и веселый (для своей обыденной безэмоциональности) – каким и должен выглядеть парень в его возрасте.

– Скоро Хэллоуин, – произнесла Лиа, заметив, что все

магазины уже тематически наряжались. Краем сознания она думала: «Предложи мне отметить его вместе», но потом пресекала себя.

– Хочешь отметить его в Баре? – произнес он, будто читая мысли. – Тебе отдам билет за половину цены, – они остановились, и Том посмотрел на нее. Вновь та крупинка заинтересованности, что была в нем вчера вечером.

– Я подумаю над этим, – улыбнулась Лиа, и машина тронулась снова.

Они доехали чертовски быстро за всеми этими разговорами. И именно в последний момент, когда Том выходил из машины, чтобы открыть Лие дверь, она заметила засосы на его шее. Она почувствовала одновременно и досаду, и огорчение, и ревность, и недовольство. И ни одного приятного чувства.

«Ты знаешь его меньше суток, успокойся!».

Но Лиа не думала, что это что-то серьезное. Наверняка, она забудет о нем уже к сегодняшнему вечеру, а до возможного Хэллоуина и вовсе не увидится с ним.

Она вышла из машины, но остановилась, на пятке развернувшись к Томасу.

– Обняться на прощанье хочешь? – спросил он, включая мод и прокапывая вату. Лиа заметила его избитые косточки на руках. Он сделал затяжку и выдохнул сладкий пар в лицо девушки. Пахло какими-то фруктами.

– А что, ты любишь обниматься? – вопросом ответи-

ла Ли́а.

– Может и так, – пожал плечами он, но тут же поднял указательный палец вверх и велел ей подождать. Достал из машины бумажку и ручку, быстро что-то черкнул и протянул ей. – Позвони мне, если надумаешь со своими друзьями взять билеты подешевле.

Ли́а взглянула на листочек. Его почерк был аккуратным, и она никогда бы не подумала, что это написал парень. Девушка знала, как писали парни из ее окружения – как курица лапой. А тут были аккуратные угловые цифры с легким нажимом с небольшим наклоном вправо... Она даже позавидовала. Внизу была шуточная фраза: «Позвони, если хочешь провести вечер в компании „белого друга“».

– Да ты шутник, – улыбнулась Ли́а и положила бумажку в чехол телефона. – Пока.

– Пока, – помедлив, ответил Том, делая новую затяжку. «Не обнял» – подумала она.

4

На удивление, на лестнице никто не сидел. На подоконнике между первым и вторым этажом сидело две девочки, обе заплаканные и огорченные. Было ужасно тихо. Ли́а прошла дальше, остановилась у комнаты Фиби. «Черт, я забыла ей позвонить». Дверь была закрыта. На стук никто не ответил. Ли́а ушла в свою комнату, закрыла дверь и упала на кровать. Из головы не выходил чертов Том с его заинтересованным, но холодным взглядом. Не покидало голову и то, что он так

переменился с их последней встречи.

Она часто видела его в школьных коридорах, иногда они здоровались, но совсем редко, когда Лиа делала первый шаг. Томас обычно просто смотрел на нее, чаще с другого конца холла. И она видела эти взгляды. Он был заинтересован, но не уверен.

А что Лиа? Какое-то время она даже пугалась его взгляда: он был такой же пристальный, как сейчас, только в разы теплее и живее. Она смотрела на него, и Тому хватало секунды, чтобы смутиться и отвести взгляд. Хорошо, хоть Уилл не видел их переглядок. А то избил бы Томаса еще раньше, и не раз.

Да и в тот день Том правда смотрел на нее. Но не пялился, возможно, лелеял, но не пялился. Его взгляд не был «извращенским», как говорил Уилл, или хищным, как вчера вечером. Он был теплым, какую-то малость влюбленным. Лие бы хотелось сейчас видеть именно такие глаза Томаса. Но... Но ведь тогда он не привлекал ее. Он был для нее простым парнем, которого бьют и шугают. Он был, скорее, милым мальчиком со своим фотоаппаратом, который так и норовил сфотографировать кого-нибудь. Ей было неловко перед ним за поведение Уилла, и не больше. А сейчас он другой. Кто бы мог подумать...

Комната Лии была небольшой, как и все другие, и обставлена скромно: низкая пружинистая кровать, стол, на котором разбросаны тетради и книги. Кресло-мешок в углу,

на котором уже несколько месяцев никто не сидел. На стене возле кровати фотографии и всякие плакаты, которые она повесила сразу же, как заселилась. Рядом со столом стоял синтезатор. Она так давно на нем не играла...

Девушка подошла к зеркалу и рассмотрела, наконец, футболку, что дал ей Томас. На груди крупным шрифтом вышиты слова «Живи быстро», внизу и на рукаве нашивки фирмы. Лиа заправила ее в джинсы и все же решила позвонить Фиби.

– Алло, Фибс? Я забыла тебе перезвонить...

– Я видела машину Томаса, ты приехала?

– Да.

– Приходи к унику, тут такое...

– Что?

– Просто приходи.

Фиби сбросила. Ее голос звучал удивленно и напугано. Больше напугано.

За окном потемнело, Лиа выглянула. Небо затянулось свинцовыми тучами, по крыше застучали капли дождя. Девушка набросила на футболку джинсовую куртку и выбежала из общежития.

Университет стоял буквально через дорогу от корпусов общежитий. Дождь усилился, и девушка пожалела, что не взяла с собой зонт. Пересекая улицу, она размышляла, что же такого срочного могло случиться. Она прикинула многое, но все казалось каким-то глупым. Идти было совсем

немного, но Лиа буквально сгорала от нетерпения.

Она заметила друзей, стоящих на ступенях университета неподвижными темными фигурами. Ускорила шаг и остолбенела, только заметив, из-за чего они тут собрались. На крыльце были возложены цветы, поставлены свечи, огонек которых трепал беспорядочный ветер. Стояла доска, исписанная теплыми словами. Усажены игрушки, поставлена даже бутылка вина и пачка сигарет (чья-то, видимо, неудачная шутка).

Но самое главное – фотография девушки.

– Элисон, – прошептала Лиа.

5

Сладкий туман заполнил комнату Томаса так, что практически ничего не было видно. Томас сидел на краю кровати с одним и тем же выражением лица уже на протяжении часа, задумавшись, смотрел в одну точку. Он не выражал ничего, лицо хмурое и бесстрастное. Но не такое, как обычно. Не такое холодное, теперь оно озабочено, напугано, смущено.

Рейчел полулежа сидела позади него, курила, о чем-то рассказывала. Том практически не слушал ее, лишь изредка безразлично комментировал какие-то вырванные фразы, что находили в себе силы достучаться до его сознания. Перед его лицом были лишь две картины.

Первая. Вчерашний вечер, и Элли с сигаретой в руке. Она была так чертовски красива, одета во все черное, с одними лишь белыми ботинками. Ее зеленые, слезящиеся от дыма

и стыда, глаза смотрели прямо на него, но тогда это было так не важно. В тот момент он хотел ненавидеть ее за то, что она осмелилась сунуться в его жизнь спустя год.

Спустя год, за который он успел потерять самого себя. За год, который сделал его, казалось бы, бездушным подонком. Половина его жизни ушла вместе с ней, важная часть души ушла с ней. Та часть души, без которой жить можно, но не хочется. На его запястьях все еще следы этой потери.

Он стал критичным, чересчур рациональным. У него были принципы, от которых он ни за что не отказывался. Тогда он потерял большую часть друзей, что были с ним из-за его внутреннего мира. Остались лишь Питер и Рейчел, и если Питер был с ним только из-за клуба, которым они вместе управляли, то Рейчел оставалась только потому, что любила Томаса.

Нет, не так, как любят девушки парней. Она любила его как друга, скорее, даже как брата. Она прошла с ним через все, она перевязывала ему руки и успокаивала во время нервных срывов. Тогда она буквально жила с ним в одной комнате и видела все это. Видела, терпела и помогала.

Ей было сложно, ведь тогда навалились и проблемы с семьей, и она задолжала денег барыгам, из-за чего ее чуть ли не убить хотели. Они помогали друг другу, но Том все же в меньшей мере. И теперь ему так неловко за то, что он игнорирует ее сейчас. Ведь она, можно сказать, – все, что есть у него. Самый близкий человек. Почти родная кровь.

Вторая. Ее фотография на крыльце университета. Томас нечаянно заметил ее издалека, пока проезжал на машине. Его охватили воспоминания того, как он мчался после пар в колледже к Элли, чтобы забрать ее, чтобы поехать к нему. И он посмотрел на это чертово крыльцо, ловя тяжелые воспоминания, и тут же почувствовал, как ушла земля из-под ног, увидев цветы и свечи. Она умерла.

Она ушла из его жизни дважды. В первый раз, когда бросила. Но тогда Том хотя бы успокаивал себя тем, что она счастлива. Ведь он любил ее и не желал ей ничего, кроме счастья. А теперь она мертва. И черт знает, где она. Есть ли жизнь после смерти, а если да, счастлива ли она? Элисон была верующей. И если Рай есть, то она сейчас там? Забрал ли Бог ее душу из прекрасного тела?

Томас не читал новостей, не знал никаких подробностей. Он был просто не готов к этому, ведь даже принять тот факт, что она мертва, не мог. Это просто не укладывалось в голове, и он пугал сам себя своей пустотой и спокойностью.

Конечно, он понимал, что сам решил ничего не чувствовать. Что сам закрылся от эмоций и чувств, чтобы не травмировать себя, чтобы не делать себе больно еще раз. Он спал с девушками, но не рассматривал ни одну в качестве той, кому будет дарить цветы, сорванные около колледжа. Целовать под дождем или приглашать на танец посреди улицы в свете фонарей под музыку, включенную с телефона.

Прекратить чувствовать, замереть – стало его единствен-

ной возможность выжить. После всех тех срывов и попыток причинить себе боль, Том был так напуган, он боялся самого себя, боялся проявлять чувства. И чтобы не обезуметь от переживаний и боли, он «прокрутил громкость» эмоций, да так и оставил датчик в том положении. Он кричал себе: «Я больше никогда не полюблю, не пущу никого в свою душу, не доверюсь, не буду идиотом, не буду наивным и глупым. Довольно! Хватит!». Он знал, что это плохо кончается, и решил больше никогда в это не соваться.

И началась его жизнь в изоляции и защитном костюме, что не подпускал к нему чувств. В него влюблялись, ему первыми признавались в чувствах те, кого он рассматривал только как способ удовлетворить свою ненасытную душу. Этот костюм не позволял ему испытывать хоть что-то. Хоть маленькую дольку какого-то ощущения. Он начал жить с огромной пустотой внутри.

После того, как он смог совладать с собой, он начал действовать: пытался отвлечься, забить свою голову другими мыслями. Тогда стал основательно заниматься клубом, подсел на наркотики, чтобы освободить свое сознание. Стал много пить и много драться. На его лице до сих пор есть синяки, что, кажется, никогда не проходят.

И тогда началась игра: «Выпить, переспать, закинуться». Быстро снимал напряжение, не понимая, что вызвало тревогу и страх. Он подавлял ее за секунду острым желанием что-нибудь в себя запихнуть. Все стало для него механизмом

защиты, способом регулирования эмоций. А потом вошло в привычку.

Тела девушек, которых он уводил в свою комнату, были лишь объектом. И ему было неважно, кто она такая. Иногда даже неважно, как ее зовут. Она просто была вещью, что он использовал для успокоения и удовлетворения. Жаль, что это удовлетворение длилось недолго.

– Томас? – окликнула его Рейчел. – Ты меня слушаешь?

– Да, – отмахнулся он, но совершенно не знал, о чем она рассказывала. Рид буквально вырвала его из своих мыслей. – Я пойду возьму что-нибудь выпить. Тебе надо?

– Не откажусь.

Он встал, прохрустел всеми позвонками и только тогда вышел. Путь до бара казался каким-то утомительно долгим, ноги не слушали его, каменели или, наоборот, становились какими-то ватными. Том остановился у стойки, облокотился на нее, сделал затяжку. Немного подержал пар внутри, затем выдохнул, будто стараясь выдохнуть все свои ощущения. Но ему бы вдохнуть хоть что-то.

Взял бутылку вермута, сок, один стакан. Не удержался и открыл бутылку, не возвращаясь назад. Отпил из горла, сморщился. Нет, он не мог вернуться к Рейчел сейчас. Он уселся на один из диванов, пнув ногой мусор, что остался со вчерашней вечеринки. Том уронил голову, продолжая парить, надеясь, что пар или алкоголь ударит в голову.

Он не знал, сколько просидел тут. Пару минут, не больше,

ведь Рейч даже не вышла его проведать. В сознание его привел звонок в дверь, что выходила на задний двор – черный ход. Томас лениво поднялся, спустился по лестнице и открыл дверь. На пороге стояла Лиа.

Она смотрела на него как-то возбужденно, будто бежала от общежития до клуба на двух своих.

– Лиа? – спросил он, думая, вдруг ему уже мерещится.

– Прости, что не позвонила, не предупредила, я просто... – протараторила она. – Можно мне войти?

– Входи, – кинул он, пропуская ее внутрь.

Они поднялись по лестнице, и только Томас хотел спросить, будет ли она пить и зачем вообще приехала, как Лиа спросила:

– Может, помочь с уборкой?

– Можно, – кивнул он. – Давай я покажу тебе, что где лежит.

Рейчел вышла из комнаты в тот же момент с выражением лица «и долго мне ждать мой вермут с соком?», но вместо этого выдала удивленное «о».

– Как самочувствие? – с усмешкой спросила она. – Наверное, хреново было после вчерашнего?

– Я думала, будет хуже, – улыбнулась девушка. На щеках ее проступили ямочки, Томас остановил взгляд на ее губах, щеках и шее. – А ты как?

– О, да я прекрасно, – Рид была польщена вопросом, ведь нечасто ей удавалось похвастаться, как удается сохра-

нить рассудок упитой и укуренной. – Увидела сегодня видео в «Инстаграме», как я танцую на барной стойке. Это так сексуально.

– По-другому и не скажешь, – поддержала Лиа.

Том оторвал задумчивый взгляд с Лии только тогда, когда сама девушка подошла к нему ближе.

– Покажешь все? – спросила она.

– Рейчи, покажи все, я пока отойду, – тихо проговорил он, уходя за дверь своей комнаты.

Он запер дверь, опустился на пол и уткнул голову в колени. А на душе пустота. Пустота, что пугала Томаса, что втягивала его в себя, словно черная дыра. Он сидел так в полной тишине, слыша лишь обрывки разговора девочек.

– Как он? – спросила Лиа. Она все знает. Еще бы, они учатся в одном университете. Учились.

– Хреново, – вздохнула Рейч. – Нет, милая, стекло сюда. Я пыталась говорить с ним, не задевая этой темы, но он меня вообще не слушал. Ну, ты видела, какой он рассеянный.

– Ему можно как-то помочь?

– Ты знаешь его день, с чего бы такая забота? – усмехнулась Рейчел.

– Вчера меня пьяную он не выпнул на улицу, а уложил спать. Постирал мою кофту, накормил завтраком и отвез в общагу, – ответила Лиа, кряхтя. – Я признательна ему, а тут такое...

– Он тебе понравился, – резко произнесла Рид.

– Что? – протянула Лиа. – С чего ты решила?

– Я не слепая, подруга, – отвечала Рейчел.

– Так как ему можно помочь? – отводила тему девушка.

– Нужно дать ему время, но быть рядом. Он сильный, – прозвучал характерный звук броска пластиковой бутылки в мусорное ведро: Рейчел любила так делать, а потом хвататься тем, что в детстве всегда обыгрывала парней в баскетболе. Но сейчас она этого не сделала. – Кто-то считает, что он не способен на проявление сильных эмоций. Но это совершенно не так. Страх и боль – самые сильные эмоции, и проблема в том, что для Томаса они разрушительны.

6

Они шли вдоль желтых домов, что в свете фонарей казались еще желтее. Небо продолжало плакать, и куртка Томаса была уже насквозь мокрой. Лиа шла рядом с ним молча, опустив глаза к земле. Она будто искала что-то там, на полу. А Том неизменно смотрел вперед, ловя себя на мысли, что именно в этот момент он начинает осознавать, что случилось.

Он был напряжен, его плечи подрагивали, дыхание сбивалось, но он продолжал идти. Планировал вызвать Лие такси от клуба, а самому запереться дома, допить тот вермут, что он открыл, перестрадать в гордом одиночестве. Ему не хотелось впутывать в свое падение кого-то стороннего, даже Рейчел, что они только что проводили до дома.

Улица была безлюдной, пустой, совершенно не живой.

Они с Лией были вдвоем, но отдельно друг от друга. Никто из них не осмеливался заговорить. А Томасу и вовсе не нужны были разговоры, ему хотелось поскорее вернуться домой.

Они подошли к клубу, когда Лиа все-таки решилась заговорить.

«Прошу, не говори ничего, – мысленно молил он. – Не стоит».

– Я соболезнаю, – промолвила она неуверенно, будто сама не хотела говорить этого.

Томас сдавленно прорычал.

– Что мне от этих сожалений? – спросил он, подавшись вперед. – Они не сделают мне легче. Осознание того, что кто-то, кто совершенно не знал Элисон, скорбит по ее смерти, не делает мне лучше.

Лиа опешила. Она отступила на шаг, и Том заметил, как от страха дернулись ее плечи.

А он смотрел на нее кричащими от боли кристально чистыми голубыми глазами. Он знал, что она не виновата, что хочет помочь. Но ему неожиданно стало так плохо, будто все, что накопилось в нем за день осознания, вдруг вырвалось наружу. Нет, оно стояло комом в горле.

Девушка продолжала смотреть на него, на его подрагивающие губы, на вздымающуюся от глубоких вздохов грудь, на покрасневшие от гнева щеки. Он закусил губу, лишь бы усмирить себя, лишь бы осечь. Нет, не то место, не то время, не тот человек. Ему нужно пойти домой, запереться, за-

крыться. Перестрадать, а потом снова надеть свой защитный костюм.

А она смотрела на него так, что еще минута, и под давлением этого мягкого обеспокоенного взгляда, слезы вырвутся, покатятся по щекам, и он покажет свою слабость тому, кто не знает его. Той, что появилась в его жизни сутки назад.

– Я просто хотела поддержать тебя...

– Лиа, прошу, уходи, пока я не наговорил чего-то, за что мне будет стыдно, – проговорил он, сжимая кулаки.

– Томас...

Том, отвернувшись, со всей силы ударил в бетонную стену.

– Я сказал, уходи. Ты не сможешь мне. Ты меня не знаешь. Ты никто в моей жизни и даже не пытайся стать кем-то.

Девушка ошарашено моргнула, но покорно поджала губы и ушла куда-то за угол.

Томас стоял на месте, сжимал кулаки, впиваясь ногтями в кожу на ладонях. Его трясло, он покусывал губы, а ком в горле рос, выталкивая слезы наружу. Он не сдержался. Злясь на самого себя, оскалился, а слезы полились по его порозовевшим щекам. Его накрыла волна ненависти к самому себе. Он ударил кулаком по стене еще раз, совершенно не ощущая боли. Затем еще раз, и еще, и еще один. Затем второй рукой, двумя. Пнул ногой мусорный контейнер. Закричал. Закричал громче. Ударил контейнер еще раз, выкрикивая ругательства. А слезы лились, ком в горле разрастался.

ся, становилось трудно дышать.

Еще один удар, снова и снова, пока на косточках не показалась кровь. Том не чувствовал этой боли, ведь ее перекивали душевные страдания. Он хватался за голову, сжимая между пальцев волосы, рычал, кричал, истощенно стонал. Парень откровенно рыдал, не сдерживая себя. Пресекал себя за слабость, ненавидел себя, злился на себя, ударял в стену еще раз и еще.

– Ненавижу! – кричал он. – Ненавижу!

Внутри было невероятное давление, сердце в груди обливалось кровью и дрожало от каждого всхлипа, от каждого звука, от каждого удара. Ему было так плохо, что от изнеможения хотелось рвать на себе одежду и лезть на стену, нечеловечески крича.

Он остановился, дрожа от страха, от паники, что одурманила его. Он упал на стену, скатился по ней, смотря на кровоточащие руки. Пальцы не сгибались, лишь судорожно тряслись. Он поджал к себе колени, желая свернуться калачиком, заплакать по-детски, неразумно всхлипывая, скулить, не надеясь на то, что кто-то поможет. Он сидел, опустошенный, усталый, до того момента, пока чья-то теплая ладонь не прикоснулась к его спине.

Она не ушла, она переждала где-то за углом, она вернулась. Лиа села рядом с ним, обняла парня, а он, словно ребенок, упал ей на колени. Ее пальцы гладили его волосы, а Томас чувствовал, как она дрожит. Или дрожал он?

Том продолжал всхлипывать, сжимать глаза и челюсти, лишь бы не закричать в отчаянье. А она шептала ему на ухо, пыталась успокоить.

– Я убил ее, – проговорил Том. Лиа не ответила, но он знал, что девушка не поняла его фразы. – Если бы я не прогнал ее, то она была бы со мной, была бы живой. Я убил ее, Лиа.

ГЛАВА 3

1

Томас оставил за спиной лестницу и, растерявшись, остановился. Было многолюдно и шумно, но как-то по-иному. Мужчины были в строгих костюмах, дамы в платьях и на высоких каблуках. Клуб не был залит неонами, и не гроыхала громкая музыка. Его освещали сотни свечей, стоящих на столиках. Все столики были заняты, кому-то приходилось стоять.

Том глянул на себя в отражении блестящей крышки, что закрывала горячее блюдо на подносе. Он в строгом темном костюме, с небрежно раскрытым воротом рубашки. На лбу единственная русая прядь, выбившаяся из идеальной укладки. Острый подбородок, четкие высокие скулы. Да, это он. Но где?

Он стал пробираться уверенной поступью, но с растерянным хмурым взглядом сквозь людей, кому не досталось сидячего места. Они толпились, разговаривали, и юноша быстро пробирался мимо них, отодвигая их руками, будто бы

зная, что ему срочно нужно попасть в центр. Он торопился.

Том вышел из толпы на пустой идеально чистый паркет. Погас свет, один лишь прожектор светил на него. Люди вокруг будто пропали, но Том чувствовал на себе их взгляды: осуждающие, недоброжелательные. Они смотрели с презрением, осуждением и переговаривались, смеялись.

Томас впал в ступор, пока не услышал стук каблуков в тишине. Девушка подошла к нему сзади, провела рукой по его телу, остановилась на груди. Он хотел поймать ее руку, но девушка отошла в сторону, и тогда Том увидел ее лицо.

– Элли, – произнес он, будто здороваясь. Он бережно взял ее руку и подтянул к себе.

Девушка, крутясь, упала в объятия парня.

– Томми, – улыбалась она, а улыбка ее была хитрой и довольной. Ей всегда хотелось станцевать танго на людях, Томас всегда ломался.

Том осторожно повел Элисон по площадке, уверенно держа в своей руке ее узкую ладонь. Его вторая рука едва касалась искрящегося платья на спине Элли. Ритм музыки переменился с медленного на настойчивый. Он заставлял Тома откинуть все свои мысли и всецело отдаться танцу.

И Том никогда не умел хорошо танцевать танго, в отличие от Элли, что мечтала Томаса научить. Ей всегда хотелось станцевать с ним где-нибудь на людях, под живую музыку, а затем слушать звук аплодисментов. Тома смущала сцена, смущали люди, он боялся, что все внимание приковано

к нему. Боялся опозориться.

Томас смотрел на девушку, на ее идеально ровное лицо, бледную кожу и черные волосы, собранные в несложную, но эффектную прическу, украшенную белыми мелкими цветами. На ее зеленые глаза, что сводили Томаса с ума. В них было все: боль и отчаянье, счастье и спасение.

Бедро к бедру, рука на плече, ладонь в ладони. Они танцевали уверенно, смотря друг на друга, не отводя глаз, почти не моргая. Том раскрутил девушку, бросая ее в сторону, и лишь в последний момент удержал ее пальцы крепкой хваткой и потянул обратно. На момент склонился к ее шее, вдохнул опьяняющий аромат духов, обнял за плечи. Но вновь отошел. Они продолжили танцевать, смотря друг на друга со страстью, с желанием, с любовью.

– Давай, Томми, – шептала Элли ему на ухо. Ее голос сладкий и томный, Томас нервно сглатывает. – Ты можешь, я знаю.

Быстрым уверенным движением он наклонился к Элисон, заставив ее изогнуться, словно лоза. Ее волосы коснулись пола, но она не испугалась, лишь улыбнулась, глядя на парня. Он повел ее снова, раскручивая, прижимая к себе, играясь с ритмом и партнершей. Их танец ломаный, импульсивный, с резкими переходами к мелким промежуткам спокойствия и ласки. Он страстен и быстр, обжигающе горяч и хитер. Они играли друг с другом, забавлялись. Томас своей настойчивостью, Элисон – хитрым взглядом, дьявольской красотой

и дурманящим запахом.

Она издевалась над ним, когда он пытался припасть к ее щеке или шее, уходила, скользя длинными пальцами по его рубашке. Он хватал ее за руку, крутил, бросал и ловил, откидывал и прижимал к себе.

Томас улыбался, лукаво, с хищным и живым взглядом, и оказался позади девушки. Он прекратил этот вихрь, прикоснулся к ее оголенным плечам сначала подушечками пальцев, затем скользил вниз, слегка разводя ее руки. Он притронулся горячими губами к шее, к плечам. И его самого трясло от этой близости.

А она вновь выскользнула, крутясь на носках, будто бы паря над паркетом, ушла в сторону. Том успел поймать ее пальцы, бережно вернул ее к себе и наклонился. Девушка откинулась назад, вцепилась тонкими пальцами в его плечо. Она прижилась бедром к его ноге, и Том почувствовал, как она дрожит.

Они смотрели друг на друга долю секунды, не доведя танец до конца, не станцевав под последние аккорды. Да и плевать, они не слышали тех, кто окружал их. Они смеялись или аплодировали? В ушах что-то шумело, сливаясь со стуком сердец.

– Томми, мне нехорошо, – произнесла Элисон.

Том, хмурясь, отпустил глаза. Из дыры в груди пошла кровь, окрашивая светлое платье красным.

– Проснись, – прошептала она, – я сейчас исчезну.

Томас испуганно взглянул на девушку в последний раз и тут же проснулся.

2

Том проснулся, резко сел. Глаза его были расширены, грудь редко и мелко вздымалась. Он провел ладонями по лицу, понимая, что это всего лишь сон. Парень чувствовал, как от слез у него распухло лицо. Сколько он вчера плакал? Он посмотрел на руки, те аккуратно замотаны бинтами. Он повернулся, глянул на кровать. Лиа спала, подтянув колени к себе и уткнувшись носом в одеяло. Том просидел с минутой, глядя на нее. Вчера вечером после срыва на улице они вернулись к нему. Лиа поставила чайник, нашла у Тома какой-то забытый пакетик зеленого чая. Пока грелась вода, она обработала окровавленные кулаки Тома, аккуратно, бережно, будто боясь прикоснуться к дрожащим рукам парня.

Томас сначала отнекивался, говорил, что все и без того хорошо, чтобы она ехала домой, что ничего страшного не случилось. И ему, и правда, так казалось, ведь это не первый срыв, не первые разбитые руки в кровь. Но Лиа настойчиво и навязчиво осталась, беся его своим присутствием и заботой.

До новых слез. Тогда они упали на кровать, Лиа обнимала его, гладила волосы, шептала что-то, чему он не придавал значения. Он слышал лишь голос, не разбирая слов, и под ее шепот он и уснул. Уснул в ее объятьях, плача ей в грудь, обнимая ее так, будто не хотел отпускать никогда и никуда.

Сейчас неловко. Том покачал головой и сполз с кровати. Ушел в душ, встал под холодную воду и ударил головой по кафелю. Ударил ребром сжатой ладони, да так и остался, скалясь от боли. Но без слез, плакать было больно.

Почему она приснилась ему? Все было так реально: и музыка, и цвета, и ее голос, и запах. Живой взгляд ее зеленых глаз, прикосновения, теплота тела. Почему это не было реальностью? Ведь они так ни разу и не станцевали танго где-то, кроме дома, под медленный темп, ведь Том постоянно сбивался и путался.

Он открыл дверь ванной комнаты, как на него накинута обычная дворовая собака. Лая, она лизала ему лицо, запрокинув передние лапы на плечи. «Рейчи...» – подумал Томас, обнимая пса, пытаясь снять его с себя.

– Пойдем, Бульбуль, – скомандовал Томас. Пес залаял. – Тише, не буди! Где Рейчел? Веди.

Пес, высунув язык, побежал вперед. Том поплелся за ним, попутно глядя на свои костяшки. Пальцы были синими, косточки красными. Ранки немного затянулись, но сжимать кулак было больно.

Рейчи сидела у барной стойки, пила вермут без сока, а рядом лежали деньги. Томас сел на соседний стул.

– Не ругайся, – недовольно бросила Рейч. – За выпивку деньги вот.

– Ты рано, – заметил Том, и будь у него хоть капля настроения, он бы усмехнулся.

– Я еще ночью пришла, – ответила Рид. – И домой я больше не вернусь.

– Опять приставал? – спросил Томас, забирая деньги со стойки.

– Заявился домой под кайфом, чуть не придушил Бульбуля за то, что он лает. Мне по лицу надавал за то, что я «распустила эту шавку и не научила ее манерам», будто это ребенок мой, а не пес. Ты же знаешь, какая я, когда Буля обижают. Ну я и набросилась на него, а он давай хватать меня, целовать в шею, – Рейчи отпила из горла. – Я по яйцам напинала, забрала кое-какие вещи и ушла с Булем сюда. Денег украла, так что тебе помочь немного есть, но я туда не вернусь больше.

Какое-то время Томас рассматривал Рейчел, а потом покачал головой:

– Он убьет тебя, если узнает про деньги, – ответил Том. – А еще про то, что ты косяки по дому прячешь.

– Джек тоже торчит, он и получит, – хмыкнула Рейчел. Буль положил ей голову на колено, и девушка почесала его за ухом. Такой расстроенной Том не видел ее давно. Особенно после нескольких дней постоянных тусовок, где она курила, пила, танцевала и пела песни. – Ты спишь с Лией?

Томас хмыкнул.

– Нет, просто...

– У тебя такой умиротворенный вид был во сне, – добавила подруга.

– Ты подсматривала? – приподнял бровь парень.

– Ну да, я зашла посмотреть, дома ли ты, – пожала плечами она. – Смотрю, а ты не один. Ну, мне и стало интересно, с кем ты перепихнулся вне вечеринок.

– Ничего не было, – перебил Томас. – Просто...

– Просто что? – выжидающе смотрела Рид на него своими карими, почти черными глазами.

Томас не ответил, вместо этого показал руки. Они сказали все за себя.

– Так ты нашел мне замену? – с наигранной ревностью спросила Рейчи. Уголок губ Томаса дрогнул. – Ну и понятно все с тобой.

– Она сама нашлась, – ответил Том.

– Тебе хорошо с ней, Хэйз? – вопрос неожиданный, а лицо Рид серьезно.

Хэйз. Давно никогда не называл его так. Рейчел часто использовала его фамилию, когда была недовольна или назревал серьезный разговор. Что же сейчас?

– С чего бы? – смутился Том, стараясь сохранить внешнее безразличие. Но Рейчел знала его наизусть. – Я знаю ее два дня от силы.

– Когда я влюбилась в Кейт, то знала ее около часа, – проговорила Рид. – Мы работали вместе на паре, она улыбалась и шутила, а я все остальное время не могла думать ни о чем, кроме нее. Меня даже с пары последней выгнали за то, что я не сосредоточена.

«О, еще те времена, когда Рейчел стабильно посещала колледж, – подумал Том. – И она, наконец, осмелилась заговорить о Кейт».

– Это ты, – проговорил Томас. – Ты можешь влюбиться в первую встречную девчонку, а потом думать о ней сутками.

Эти слова задели Рейчел. Она отвернулась от Тома, закатив глаза.

– А я другой, – продолжал он. – Я пообещал себе никогда ни любить, ни влюбляться, потому что это больно и мучительно.

– Ты трус, Хэйз, – буркнула Рейч.

– Считай, как знаешь, – махнул Том.

3

Лиа проснулась от того, что во сне не смогла нащупать рядом Томаса. Она второй день подряд просыпается в его постели, но на этот раз с четким знанием того, где находится. Вчера все так спонтанно вышло. Лиа по-настоящему испугалась, когда Том сказал ей убираться. Он выглядел так, что если бы она сказала еще слово, он бы ее ударил.

Потому она и ушла. Ушла и уже достала телефон, чтобы набрать Калеба (вдруг он тут недалеко), но услышала крик. Отчаянный крик парня, что не выражал никаких эмоций. Она замерла, прижалась к стене, закрыла глаза, пытаясь успокоить еще и себя. Его крики и знание того, что произошло, заставляли ее сердце стучать в горле.

Он успокоился не скоро, и когда он подозрительно резко

замолк, Лиа решила проверить. Она видела кровь на его руках, видела его, свернувшегося у каменной стены. Девушка подошла к нему, ведь не могла смотреть на него спокойно, равнодушно, как он смотрел на всех. Ее сердце не выдерживало, и ей хотелось разделить с ним всю боль потери, ведь она знала – какво потерять любимого человека. Ей хотелось не то, чтоб разделить всю его боль, ей хотелось забрать ее полностью.

Она видела его недовольное лицо после того, как они вернулись в дом. Он отнекивался от чая и обработки кулаков, но Лиа настаивала на своем. Она думала, что он возненавидит ее или обругает, ведь он вполне мог. Но Том после попыток прогнать девушку просто покорно подавал руки и аккуратно пил чай, держа кружку все еще трясущимися руками.

Лиа заметила, что его пальцы и без того уже были искривлены. Ей хотелось спросить, как так получилось, но она успела заткнуть себя в последний момент, ведь Томасу не нужна была ее болтовня. Они засиделись в тишине, выпив, наверное, по четыре кружки чая. И после этого Томас позвал ее в комнату.

Том подошел к кровати, подтянул девушку к себе, и она уже ненароком подумала, что сейчас он просто возьмет ее силой, желая заглушить чувство боли и потери, но он просто крепко-крепко обнял ее и упал на кровать. Так они и лежали: он плакал, она пыталась успокоить его. И успокоить свое обезумевшее сердце, ведь знала, что Том чувствует его

биение. И как она могла успокоить его, будучи напуганной самой?

Девушка знала, что больше ей не уснуть, поэтому сбросила с себя одеяло и опустила босые ноги на холодный пол. Быстрыми движениями Лиа собрала длинные светлые волосы в хвост и пошла на выход. Нужно было найти Томаса.

Дверь со скрипом открылась, и по узкому короткому коридору с лаем побежала собака. Лиа издала хриплый непривольный звук, чем-то отдаленным похожим на крик, и заперла дверь перед носом животного. Ее сердце пропустило удар, и девушка слышала, как собака рычит у ее двери.

– Кто там, Бульбуль? – раздался голос Томаса.

– Том? – робко через дверь спросила Лиа.

– Плохой мальчик, – произнес парень, – нельзя пугать гостей. Лиа, выходи, я его держу.

Лиа медленно открыла дверь и тут же захотела ее закрыть, когда увидела оскал. Она не боялась собак, но те, что бежали на нее с лаем, пугали ее до чертиков. Томас сидел на корточках рядом с собакой, подняв кристально-чистые голубые глаза на девушку.

– Что это за собака? – спросила Лиа, поежившись.

– Это Бульбуль, – ответил он, – пес Рейчел. Он славный малый, очень смышленный, но чужих не любит. Дай мне руку.

Она посмотрела на Тома с недоверием, но все же протянула ему руку. Он взял ее пальцы и потянул к морде пса. Буль приблизился носом, обнюхал, облизнул.

– Это Лиа, Буль, она своя, – говорил Том, а девушка улыбалась, глядя на этих двоих. – Ну, все, беги к мамочке Рейчел.

Бульбуль убежал, Лиа и Томас остались вдвоем. Они смотрели друг на друга в полумраке, и Лиа пыталась найти в глазах Томаса хоть одну эмоцию. Она кусала губу, а он стоял с совершенно каменным лицом.

– Как ты? – спросила она, пытаясь взять его руку.

– Порядок, – ответил он и слегка отодвинул руку, дав понять, что не стоит. – Если хочешь – можешь приготовить завтрак.

– Не хочу, – обиженно произнесла она. – Я умоюсь и поеду, мне еще задание делать.

– Хорошо, – кивнул Томас и ушел вслед за собакой.

Лиа, недовольно поджав губы, зашла в ванную. Включила воду, плеснула себе на лицо и посмотрела в зеркало. «В чем дело? Что в нем такого, что он такой черствый сухарь? Ни спасибо, ни доброе утро, – подумала Лиа. – Я, конечно, понимаю, что ему плохо, но ведь не настолько. Где хоть одно теплое слово? Как Рейчел вообще его терпит?».

Выходя, кто-то схватил ее за руку. Она обернулась, увидела перед собой немного иную Рейчел Рид: взгляд ее был не шальной, не игривый, а обеспокоенный и грустный. «По воскресеньям в этом месте все такие хмурые?».

– Хочу чая, – произнесла она. – И поговорить.

Рейчел закрыла за ними дверь, уселась на стул, ожидая,

что Лиа поставит чайник. Девушка сделала это и села напротив, в ожидании глядя на Рид.

– Что вчера произошло? – спросила Рейч.

Лиа рассказала ей все, ибо не видела смысла таить произошедшее от девушки. Как поняла Лиа, Рейчел была самым близким человеком в жизни Томаса. И скрывать от нее что-то, связанное с ее другом, было бы глупо. Они обе пережили за него, только по-разному.

– Как он повел себя, когда вы увиделись утром? – спрашивала Рид, зная, что Лию взволновало это.

– Холодно, – ответила девушка. – Даже не поблагодарил.

– За то, что ты его успокаивала? – со смешком проговорила Рейчел. Она, приподняв густую бровь и надув пухлые губы, посмотрела на Лию, как на дуру. – Он никогда не скажет тебе спасибо, можешь не надеяться. Он может быть благодарным, ему может быть неловко, но он никогда об этом не скажет. Запомни это, если хочешь и дальше быть рядом с ним. Не будь эгоисткой.

– Сложно бескорыстно помогать, – ответила Лиа, заваривая чай. – Не пойми меня неправильно, но у меня была подруга, которая всегда забывала все, что я для нее делала.

– Ты тоже не пойми меня неправильно, подруга, но Том не такой. Он будет помнить, он оплатит, но никогда не скажет. Может, за редким исключением.

– Оплатит?

– Я живу у него, когда не могу находиться дома. Я науспо-

каивала его на несколько лет вперед, – она усмехнулась. Она приняла горячую кружку из рук Лии. – Я говорила с ним сегодня утром о том, что вы спали вместе. Знаю, что неподходящее время для разговоров с ним, и все же. Я спросила, хорошо ли ему с тобой. Он смутился.

Лиа вопросительно изогнула бровь, но и нервно сглотнула.

– Он нравится тебе? – спросила Рейчел, но не дала ответить. – Конечно, нравится. И, о, чудо, ты нравишься ему тоже. Он в жизни этого не признает, но женское чутье меня никогда не обманывает. Только трагедия в том, что этого недостаточно.

– О чем ты говоришь?

– Если хочешь его спасти, то должна сделать все возможное, чтобы он признал, что чувствует к тебе что-то, – лицо Рейчел было серьезно, ее голос был серьезным и уверенным.

Сердце Лии вздрогнуло. Она кивнула, но не стала ничего говорить.

4

Лиа беззаботно играла с Бульбулем, пока они ждали Питера. Она мельком осматривала Тома и думала о словах Рейчел. «Я нравлюсь ему? – гадала девушка, надеясь на то, что ответ положительный. – Но с чего бы? Как это может быть возможным? По нему не скажешь...»

– Ты разве не хотела уехать? – спросил Томас, глянув на Лию.

– Калев сказал, что придет через час, – буркнула девушка первое, что пришло в голову. Она даже не набирала Калебу.

Буль непослушно бегал за Лией, тянул ее дальше играть, пока Рейчел не подозвала его к себе и тот, радостно высунув язык, оставил Лию в покое.

Лиа в трезвом уме и при хорошем освещении, наконец, смогла рассмотреть Питера. На нем куртка колледжа, в котором учатся все трое. Он высокий, около двух метров ростом, широкоплечий, с золотистыми волосами и гладко выбритым лицом. На нем квадратные очки, что делали его глаза еще мельче, чем они есть на самом деле.

Он сидел, закинув одну ногу на другую, и внимательно смотрел на Лию, сидящую рядом. Они поздоровались, он помнил ее, но наверняка не понимал, что она тут делает. Девушка же либо отводила взгляд на Рейчел с Булем, либо опускала глаза.

Неожиданно, глядя на куртку Питера, Лиа вспомнила про Уилла и свой университет, у которого как раз намечается матч по футболу против колледжа искусств. И теперь Лиа точно ломалась, идти туда или нет, ведь там наверняка будет и Томас, и Питер, и Рейчел. И будет играть Уилл, что уговаривал девушку пойти на игру и посмотреть, как они разрывают «этих петушков из колледжа искусств».

– А ты на кого учишься? – наконец, заговорила Лиа с парнем, сидящим рядом.

Он помедлил.

– Я театрал, – улыбнулся он. – Не скажешь, да?

– Это точно, – хмыкнула Лиа. – И как, тебе нравится учиться?

– Да, я с детства люблю сцену, – кивнул парень. – А ты как относишься к театру?

– Мне нравится театр, когда-то в школе я играла Дюймовочку.

– Тебя взяли потому, что ты миниатюрная? – спросил Питер, наклонив голову.

– Меня взяли за то, что я понравилась на пробах, – нахмурила брови Лиа, но тут же расслабилась. – И да, все остальные девочки были выше ненаглядного принца. И много ролей ты сыграл?

– Достаточно много, – покивал Пит. – Моя любимая – Ленский из «Евгения Онегина», – проговорил Питер, пытаюсь выговорить название на оригинале. – Было весьма интересно, потому что роман русский, персонажи русские.

– Русский?

– Нам дали волю выбрать любое зарубежное произведение, которое мы бы поставили, – говорил Пит, растягивая слова. – И в группе у нас была девочка, которая учила русский язык и читала классику в оригинале. На самом деле, очень странная девочка, но как актриса она потрясающая. Она и предложила Онегина. Мы поставили, сыграли, всем понравилось.

– А сейчас что-нибудь ставите? – продолжала спрашивать

девушка.

– Сейчас готовимся к рождеству, ставим пьесу, что написала группа сценаристов, наших хороших друзей. Приходи, если захочешь.

Лиa кивнула.

Томас сделал затяжку, упал на диван рядом с Рейчел, выпустил пар и передал мод Лиe. Девушка приняла его аккуратно, осмотрела матовую черную трубку, пытаясь вспомнить, что она делала в субботу вечером. Она нашла кнопку снизу, зажала ее, аккуратно вдохнула и так же аккуратно выдохнула. Даже не закашлялась.

Питер и Рейчел закурили. Пит предложил сигарету Томасу, но тот отказался, потянув руку к модy. Лиa отдала. Так они и парили его один на двоих, а Бульбуль прыгал за колечками, которые выпускал Томас, пытаясь поймать их зубами.

Навязчивые мысли начинали лезть в голову девушки: «Он делит мод со мной на двоих» или «Он сел рядом со мной». А потом осекалась, пыталась думать критично: «Он просто вежлив» или «Ему больше некуда прижать свое мягкое место».

– Зачем я собрал вас, – заговорил Томас. – Вы все знаете о том, что случилось, – он специально не стал говорить прямо. Ему больно. – Вы – мои самые близкие люди, – Том смотрел на Рейчел и Питера, конечно же. И лишь мельком поглядел на Лию, что делала новую затяжку. – Вы посчитаете меня сумасшедшим, но я хочу докопаться до убийцы Эл-

ли, найти его и... упрятать его за решетку. Найти все доказательства, чтобы у полиции не было ни единой возможности замять это дело.

– Разве полиция уже не разбирается с этим? – спросил Питер. – Это не единичный случай.

– Полиция работает медленно! – гаркнул Томас, но тут же взял себя в руки. – Сколько людей сможет убить этот урод еще? Я не принуждаю вас помогать мне, но прошу поддержать.

– Я всегда с тобой, Хэйз, – сказала Рейчел, потушив сигарету.

– Я бы отказался, будь мальчиком из центра города, но мы выросли на этих улицах, среди разбоя, – пожал плечами Питер. – Так что, я с тобой, Том. К тому же, я знаю, как тебе дорога была Элли. С чего начнем?

– Отец Калеба коп, – сказала Лиа и тут же смутилась.

– Не думаю, что полиция нам просто выдаст все, что у них есть, – проговорил Питер.

– Полиция знает меньше, чем Шоколадный король, – сказала Рейчел. – Он – главный источник информации в этом районе.

– Шоколадный король? – переспросила Лиа, удивленно моргнув.

– Одна из главных шишек в наркоторговле, – ответила Рейч. – Через него двадцать четыре на семь проходит вся информация, что только может пройти.

– Он попросит опять несусветную сумму, – прыснул Питер. – У нас откуда деньги?

– Не переживай за это, Питти, – подмигнула Рейчел. – Я очарую его своей красотой.

– Он знает, что не поцелует тебя даже в щеку даже за гору денег, – прищурился Пит.

– Вообще-то он целовал меня за дурь, – Рейчел закинула ногу на подлокотник. – Но это давно было.

– Тогда едем, – сказал Томас, сделал затяжку и убрал мод в карман.

Все пошли, Лиа пошла вместе с ними. Томас остановился, сказал Рейчел и Питеру идти. Он посмотрел на Лию, оглядел ее. А она все еще была в его футболке, уже второй день.

– Ты куда? – спросил он с откровенным недовольством.

– Я поеду с вами, – заявила девушка.

– Нет, ты остаешься тут и ждешь своего друга, что тебя заберет, – запротестовал парень.

– Я поеду с вами, – повторила Лиа. Томас смотрел на нее со злостью. – Томас, позволь мне помочь тебе.

– Почему ты не уходишь, когда я говорю? – спросил он, подавшись вперед и заглядывая ей в глаза.

– Потому что не хочу? – приподняла брови девушка.

5

Вечер был осенним, желтым, тоскливым. Машина гнала через весь район, оставляя за собой пыль на пустой дороге. В салоне было накурено и душно. Лие не нравился за-

пах табака, поэтому она постоянно отходила от Уилла, когда тот курил, или сидела подальше от Рейчел, или пыталась перебить этот запах запахом пара. Но теперь мода не было под ее рукой, отсесть было некуда, поэтому девушка приоткрыла окно, прильнула к нему, вдыхая свежий воздух, что трепал ее волосы.

– Можно мне закурить? – склонился к ее уху Питер.

Лиа растерянно на него посмотрела.

– Я же вижу, что тебе это неприятно, – проговорил он, девушка покивала. – Я пусть и рос среди таких пофигистов, типа Рейчел, но я уважаю других людей.

– Что ты там про меня говоришь? – ворвалась в диалог Рейчел.

– Рассказываю Лие, какая ты у нас чудесная.

– Оу, правда, что ли? – стрельнула глазами Рейч. – Ну, так уж и быть.

Они резко остановились около одного из домов, Томас буквально вылетел из машины, за ним Рейчел, Питер, следом выползла Лиа. На ступенях сидела сморщенная женщина с сигаретой, она проводила их взглядом, будто отмечая их в листе посетителей. Она остановилась на Лие, прищурившись.

– Я тебя никогда не видела, – сказала она.

– Я новенькая, – выдала Лиа, и эти слова такой ностальгией отдались в груди. Три года назад она чуть ли не каждый день поясняла всем в школе, что она новенькая. Рейчел хо-

хотнула. Женщина осмотрела ее, кивнула и перевела взгляд обратно на дорогу.

Они вошли внутрь, Лиа тут же начала чихать. Было много дыма, где-то кричал телевизор, на кухне ели люди. Все, кроме Лии, знали, куда идти. Девушка просто плелась за ними, пытаясь как можно меньше вдыхать едкого дыма.

Ступени были некрепкими, скрипящими, опасными. На них лежал выцветший красный ковер, на стене висели рамки с фотографиями. У некоторых были побиты стекла. Лампы работали через одну, одна раздражающе мигала.

На втором этаже у перил стоял голый по пояс мужчина. Он курил, стряхивая пепел прямо на ковер внизу. Его впалые бледно-серые глаза с самого первого этажа следили за Лией, и как только Томас, не стучась, ворвался в комнату, Лиа поспешила за ним.

Внутри стоял смог, пахло табаком с отдаленными нотами чего-то сладкого. Лиа выглянула из-за плеча Рейчел, увидев на столе кальян. На потрепанных креслах и на полу сидели люди. Три афроамериканца, похожих друг на друга. Всего один европеец и две девушки-азиатки.

Один афроамериканец встал, заулыбался белоснежными зубами. Он был самым молодым из всех, на вид лет двадцать. У него растрепанные черные кудрявые волосы, аккуратное лицо, неширокий нос, редкие брови. Одетый в простую рубашку и штаны, он выглядел стильно. Может, это из-за цепи на его шее, что делало его похожим на гангстера.

– Митч, – произнес Томас.

– Томас, – ответил он.

– Есть вопросы.

– Деньги?

Их диалог был такой бесстрастный, но, в конце концов, Митч заулыбался, обнял Томаса, тот обнял в ответ.

– Слышал, что случилось, соболезную, брат, – он уселся обратно. – Присядьте, выпейте с нами. Я позже все, что знаю, тебе расскажу.

Он заметил Лию, севшую рядом с Томасом на подлокотник кресла.

– Твоя?

Том поглядел на Лию.

– Нет, – покачал он головой.

– Отдашь мне? – заулыбался Митч.

– Нет, – ответил Том.

Лиа напряглась, сильнее вжалась в кресло и хотела уже залезть на Томаса. Митч увидел это и громко рассмеялся.

– Расслабься, девочка, – сказал он, открыв бутылку пива. – Как тебя зовут?

– Лиа.

– Я Митч, – он протянул ей бутылку. – За знакомство.

Лиа с недоверием посмотрела на бутылку, потом на Томаса.

– Выпей, – шепнул он ей.

Девушка отпила, сморщилась. Они посидели около полу-

часа, разговаривая на отвлеченные темы. Томас был напряжен, за несколько минут выпил бутылку пива, парил, почти не участвовал в разговоре.

Лиа потихоньку начинала пьянеть в душной обстановке, ей стало легче поддерживать беседу, отвечать на вопросы и задавать их. Митч довольно улыбался, смотря на нее. Предлагал кальян, а Лиа сначала искала одобрения в ком-нибудь из знакомых, а потом только брала трубку. Митч все подпирывал ногой Тома, чтобы тот не молчал. Когда он сделал так еще, Том заговорил:

– Все это, конечно, классно, но ты знаешь, что мы пришли сюда не болтать, – недовольно произнес Том. Лиа видела, как он сжимает кулаки, как напрягаются мышцы на его руках. «Он злится... Хоть бы все обошлось».

– Извини, брат, – Митч подался вперед. – Я знаю только то, что он действует один. Что убивает исключительно девушек и, по теориям, тех, кто в чем-то провинился.

– Типа бабушку через дорогу не перевел? – усмехнулся Питер. Он начинал медленно моргать с одной только бутылки пива.

– Типа наркоманок, шлюх, стерв, – загибая пальцы, ответил Король.

– Какой-то целомудренный мститель? – приподняла бровь Рейчел. – Такого нам еще не хватало. Теперь я точно ни от Тома, ни от Бульбуля ни на шаг не отойду. Я же все вместе!

– Еще знаю, что стреляет девятимиллиметровыми патронами, – продолжал Митч. – Со слов чувака, что нашел первый труп, – стреляли в спину, значит, жертва убегала. Значит, убийца либо хорошо стреляет в темноте, либо использует пистолет с наводкой. Исходя из второго – у него есть деньги на такое оружие.

– Еще что-то? – спросил Том.

– Нет, – хитро сказал Митч.

– Чего ты хочешь? – закатил глаза Томас.

– Посидите со мной еще, – рассмеялся Митч. – У меня, вообще-то, день рождения.

– Так за это нужно выпить! – крикнула Рейчел, недовольно глянув на Томаса.

Лиа вышла на крыльцо, опустилась на лестницу и глубоко вздохнула. Снова пошел дождь, мелкими каплями падая на траву и дорогу. Играла музыку, сверху звучал заливной смех Рейчел. Лиа непроизвольно прикоснулась к медальону, что висел на ее шее. Успокаивающее движение, знакомая форма. А внутри – ее совместное фото с братом, кажется, последнее до того, как он разбился.

Ее тело постепенно засыпало. Она достала телефон, чтобы хоть немного проснуться. Телефон стоял на беззвучном режиме, и за последние три часа Фиби позвонила ей больше десяти раз. Несколько раз звонил Уилл, писал сообщения. «Черт, завтра учеба, – подумала Лиа. – Я не сделала задание

по мировой истории...». Она набрала номер Фибс и приложила телефон к уху.

Луну закрыли тучи, дождь разрастался, но под крышей ей не были страшны холодные капли. Лиа почувствовала порыв холодного ветра, поежилась. Разум из-за холода начал приходить в себя, когда Фиби взяла трубку.

– Лианна Элизабет Дэвис, – отчеканила Фиби. – Где ты пропадаешь со вчерашнего дня?

– Я с Томасом, – промурчала Лиа, – не ругайся.

– Ты пьешь? – поняла Фибс. – Тебе завтра на учебу. Мы с ребятами переволновались.

– Все в порядке, – спокойно говорила Лиа. – Слушай, ты сделала задание по мировой истории? Можешь и мне сделать. В долгу не останусь.

– Во сколько ты приедешь?

– Не знаю, поздно.

– Ох, Лиа, – вздохнула Фиби. Девушка услышала характерный звук включения компьютера. – Сделаю.

– Люблю тебя, Фиби, ты мой герой, – заулыбалась Лиа.

– Приезжай, ладно? Ты уже два дня дома не ночуешь.

– Я приеду, обещаю.

– Целую.

Фиби положила трубку. Лиа хотела перезвонить Уиллу или кинуть смску, что все хорошо, пусть не беспокоится. Но кто-то сел рядом с ней, забрав ее телефон. Она, открыв рот, чтобы сказать что-нибудь ласковое, повернулась. Рядом

с ней сидел Митч.

– Что ты тут делаешь? – спросил он.

– Дышу воздухом, мне сделалось дурно, – ответила она, забирая телефон.

– Как давно вы общаетесь с Томом?

– Дня три, – пожала плечами она. – Но мы в школе еще знали друг друга, но...

– Маловато для того, чтобы ты была здесь. В чем секрет?

– Секрет чего? – не понимала Лиа.

Митч закатил глаза и рассмеялся. «Он смеется над моей глупостью?»

– Томас очень придирчив к людям. Он познакомил Питера со мной только спустя полгода их общения. Ты тут появилась куда быстрее.

– Я настойчивая и противная, – улыбнулась Лиа. – А ты как давно знаешь Тома?

– Нас Рейчел познакомила около года назад. Как он с девочкой расстался, в общем, – Митч устроился удобнее. – Он покупал через меня наркотики, не знаю, сколько денег он спустил на это.

– Он употреблял?..

– Еще как, – слишком эмоционально произнес Митч.

Лиа поняла, что это ее шанс немного узнать Томаса. Сам он говорить не хочет, Рейчел кажется Лие слишком стервозной и злой по отношению к девушке. А Митч разговорчив, пьян и, кажется, не умеет держать язык за зубами, если дело

не касается бизнеса.

– Мы много тусили вместе, основали Бар своими силами, вот времена были, – продолжал Митч. – Ты была в Баре?

– Да, как раз там и познакомилась со всеми, – кивнула Лиа. – Классное место.

Митч довольно заулыбался.

– Мы не верили, что он будет пользоваться таким спросом. Но когда деньги упали на Томаса, он пошел по наклонной. Если раньше он заявлялся ко мне на порог раз в неделю-две, тот тут по несколько раз за неделю. Я уже переживать за него начал.

– Но ведь сейчас он не торчит, – заметила Лиа.

– Так я его и достал из всей этой жопы. Мы переругались с ним из-за этого, чуть не прибили друг друга. Но я человек такой, что за друзей горой стоять буду. Даже если их обидчики – они сами. Я знал Тома, когда он только баловался вместе с Рейчи, и он показался мне клевым. Когда я узнал его ближе, то вообще проникся к нему, – Митч достал сигарету и закурил. – И тут он начинает жестко подсаживаться на наркотики. И как мне быть?

– Но ты ведь сам торгуешь этим, – приподняла бровь Лиа.

– Торгую, но сам я не нарик. Пробовал, бывало, да, но не торчал. Я не против самокруток, от которых кайфует Рейчи, но против химии этой всей. Она же убивает человека, и Том убивал себя этим. Было сложно, но я вытащил его из этого дерьма.

– Это сильно, – кивала Лиа. – И он не срывался?

– Срывался, конечно, пару раз в процессе. Но потом мы с ним серьезно так переговорили, я ему всякой дичи философской умной навтирал, он задумался, – Митч рассмеялся, сделал последнюю затяжку и выбросил окурочок на мокрую тропинку. – Томас мне чем нравится: яйца у него есть. Есть маленькие трусливые яйцушки, как у всяких парнишек из центра, а у него большие мужицкие смелые яйца. Если он хочет чего-то – он добивается. Он захотел бросить наркотики, и он бросил через ломки и сложности.

Лиа, улыбаясь, слушала. И думала о том, что первое впечатление о Томасе совершенно неверное. Да даже сейчас, узнав о том, что он бывший наркоман, на душе оставался неприятный осадок двоякого впечатления. Его идеальный образ, каким увидела его Лиа впервые, спустя два года, уходил сквозь пальцы, как песок с каждым днем.

– И знаешь, если он загорелся идеей найти убийцу его бывшей девчонки, то он добьется этого, – продолжил Митч. – И раз ты тут, то ты поможешь ему в этом.

Лиа внимательно посмотрела на молодого наркоторговца.

– А почему Шоколадный король? – вдруг спросила она, игнорируя его слова.

– Рейчи дала мне это прозвище еще лет шесть назад. Потому что ниггер, шоколадный и все такое, – засмеялся парень, подавшись назад. – Звучит по-расистски, но мне нравится.

Резко открылась дверь, Лиа обернулась и увидела над собой Томаса. Позади него Рейчел и Питер. Все хмурые, даже Рейчел, допивающая бутылку пива.

– Митч, говори, что хотел сказать еще, и мы поехали, – громко сказал Томас, но лицо его все еще оставалось холодным.

Парень поднялся, обошел друзей, зашел в дом. Пока его не было, Лиа переглядывалась с Томасом. Он молчал, но Лиа видела в его глазах что-то, похожее на озабоченность и озлобленность.

– Мужик, который услышал звук выстрела и нашел тело Элисон, живет вот тут, – проскрежетал Митч и протянул Тому листок. Лиа попыталась через плечо парня заглянуть, но даже увиденные буквы ей ни о чем не говорили. – Съезди к нему, может, удастся что-то узнать. Лучше поезжай один.

– Съезжу, – кивнул Томас. – Это все?

– Ты требуешь с меня, как с детектива, который работает уже несколько месяцев над делом, – прыснул Митч. – Я общу, если будет что-то еще. Береги себя. Зря ты в это ввязываешься.

– Он не оставляет мне другого выбора, – ответил Томас. – Я твой должник.

ГЛАВА 4

1

Томас нехотя с утра поехал в колледж. Рейчел мирно досыпала то время, пока они ехали, на переднем сидении,

и парню пришлось слушать музыку максимально тихо. Если бы не Рейч, он бы повысил громкость до максимума, лишь бы заглушить крики в голове.

В чехле телефона лежал листок с адресом человека, который нашел тело Элисон. Томасу так хотелось развернуть машину и поехать в указанное место, но он все равно продолжал вести машину прямо по дороге, крепко сжимая руль.

Ему нельзя было прогуливать, нельзя было получать низкие оценки – от этого зависела стипендия, которая и была единственными деньгами Томаса. Большая часть выручки, что они собрали за пятницу, ушла на предзаказ алкоголя. Другая часть ушла на оплату воды и света, работу диджея и барменов. Остались копейки, а жил он теперь не один.

Он оступился уже однажды, когда подсел на наркотики, стал пропускать. Ректор выхватил его как-то в коридоре, увел в кабинет, усадил на стул. Хмуро посмотрел на измученного Томаса и заявил: «Это уже не смешно. Ты пропускаешь занятия, а если и приходишь, то витаешь в облаках. Ты чуть не завалил сессию, и завалил бы, не будь педагоги благосклонны к тебе и не будь ты таким смышленным. Я лишаю тебя стипендии до того момента, пока ты вновь не станешь тем Томасом Хэйзом, какой пришел в наши стены. Если тебе и это не станет уроком, Том, то я буду вынужден отчислить тебя».

Том мчал по улицам района. Было тихо, слышался лишь гул мотора. Редкие машины отъезжали от домов, навстречу

ехал школьный автобус. Унылый вид сливался воедино, и через минуту стало казаться, что за окном нет ничего, кроме убогой желтой серости.

Путь до колледжа был недолгим. Томас прибавил громкости музыке, и Рейчел резко проснулась.

– Приехали, – объявил он.

– Есть еще время поднять? – спросила Рид, потирая глаза. Том кивнул.

Они прислонились к капоту машины, Рейчел закурила, Том выпустил облако пара. Они молчали, глядя на зеленый двор. Там на траве сидели ученики: кто-то читал, кто-то делал задание на коленке, кто-то фотографировался, кто-то просто общался.

Три года назад Том только поступил на первый курс, он никого не знал, знакомиться стеснялся, хоть и пытался. У него были приятели, но все время они общались своей компанией, и Томасу было неловко влезать в их беседы.

Парень одиноко сидел в тени дерева, но назвать его скучающим было сложно. Он сосредоточенно смотрел на экран фотоаппарата, что ему подарили родственники на выпускной. Приятный подарок, полезный, ведь у Тома в жизни не хватило бы денег купить себе хороший фотоаппарат для учебы. Но и устройство было навороченным, ему потребовалось время, чтобы разобраться во всем. «Инструкция?» – спросите вы. «Для слабаков» – усмехнется Том.

Он выставлял какие-то настройки, фотографировал

мимо проходящих людей, бурчал себе что-то под нос и вновь заглядывал в настройки. Тогда к нему и подошла Рейчел Рид. Том был наслышан об этой дерзкой первокурснице с театрального факультета, что одним своим появлением покорила сердца многих.

– Я смотрю, ты фотограф, – заговорила она, отбросив на Томаса тень. Она была приветлива и улыбалась, но уже тогда от нее несло стервозностью и чрезмерной уверенностью в себе за версту. – Можешь потренировать свои навыки на мне.

Том поднял на нее глаза, удивленно вскинул брови, но не растерялся. Он вышел из меню настроек, поймал красивый кадр и нажал на кнопку. Щелчок. Фото сделано. Томас поглядел на него, Рейчел была чертовски хороша.

– Покажи, – попросила Рид и тут же выхватила фотоаппарат, – круто! Давай еще.

Так они и познакомились. Потом завязалось общение, Томас разобрался с настройками и через пару дней устроил Рид полноценную фотосессию. Любительскую, не большую. До профессионала ему было далеко, но Рейчел хвалила его и пророчила потенциал. Они общались целыми днями, вместе выпивали. Потом Рид познакомила его с Элисон.

Дружить втроем сложно, особенно когда двое встречаются. Но Рейчел никогда не считала себя третьим лишним. «Я разбавляю эту приторно сладкую парочку» – отшучивалась она. И часто шутила, что отобьет Элли, если Том бу-

дет «говняным парнем». Казалось, Рид вообще не переживала о том, что она сместится на второй план для них обоих. Да и что ей переживать, она знала абсолютно всех в колледже и столько же людей вне его!

– Информация распространяется быстро, – проговорила Рейчел. – Не боишься идти туда?

– А мне придется, – пожал плечами Том. – К тому же, со мной ты.

Рейчел запрокинула голову и рассмеялась.

– Если захочешь поговорить, ты знаешь, где меня искать, – сказал Рид, туша сигарету.

– Брось, – махнул рукой Том. – Все будет в порядке.

Они разошлись. Том шел по коридору, не обращая внимания на остальных. Он все еще думал, что не поздно развернуться и уехать по указанному адресу, но время было раннее, наверняка тот, кто ему нужен, на работе или спит. Том решил, что поедет к нему вечером.

Легким движением руки Том толкнул дверь и вошел в полный студентов кабинет. Миссис Роуэн уже была тут, беседовала с одним из студентов по поводу рисунка, что тот начал. «Опять он начал раньше всех», – хмыкнул Том. Он занял свое место напротив чистого холста, рядом положил сумку. Тяжело вздохнул.

Рисунки Томаса получались не самыми лучшими. Он не видел смысла рисования тем, кто фотографирует. Ему не нужны были знания того, как рисовать тени, если он фо-

тографировал уже готовые. И все же эта дисциплина была обязательной, и Томасу приходилось рисовать.

Иногда ему нравилось. Когда они несколько занятий рисовали не фрукты или пейзажи, а человека. Тогда им привели девушку-модель, она сидела несколько часов в одной позе, и студенты рисовали ее с самых разных ракурсов. Кто-то даже сзади. Томасу достался строгий профиль, и, о, черт, как же горячо она выглядела с этого ракурса.

Красота женских тел всегда была для Тома искусством. Он не видел в этих телах что-то, что можно было просто взять. Общаясь с парнями из своего окружения или с девушками, чья интимная жизнь не ограничивалась одним парнем, Том понимал, что большинство видят секс простым удовлетворением своих желаний. Томас относился к этому иначе.

Ему нравилось наблюдать, нравилось слышать и чувствовать. Он медленно раздевал девушек, скользил по их горячим телам холодными руками, заставляя их изгибаться, тяжело дышать и хвататься за его одежду. Он следил за своей рукой, следил, как на его прикосновения реагируют. Секс был для него прежде всего искусством, а потом уже удовлетворением.

Из мыслей его вытащил тяжелый хлопок по спине. Том поднял глаза, над ним стоял Дэйв – капитан команды по футболу.

– Если ты ищешь Питера, то он, наверняка, где-нибудь на сцене читает стихи, – буркнул Том.

– Вообще-то я тебя искал, – сказал Дэйв, забрал один из стульев и уселся на него. – Ты сегодня придешь на тренировку? Тебя не было вчера.

– Я неважно себя чувствовал, – ответил Том. – Сегодня буду.

– В субботу игра против Волков, – напомнил парень.

Томас вспомнил букву «В» на куртке Уилла. Он учится в одном университете вместе с Лией и точно будет играть в команде. Пропустить такое Томас не мог.

Том попал в команду случайно, показав себя на физкультуре. Еще одна дисциплина, которая даже в колледже не могла оставить его в покое. В школе Том чаще сидел на скамейке, нежели участвовал в каких-то играх. Но потом, когда он стал работать над собой, занялся спортом, лишь бы заступаться за себя или Элисон, он стал показывать результаты и в футболе. К тому же, к стипендии за учебу прибавилась и спортивная, а это было очень кстати.

– Есть там у меня один знакомый, – хмыкнул Том. – Я буду рад надрать ему задницу, поэтому можешь положиться на мою отдачу.

– Вот такого Томаса я и хотел услышать, – улыбнулся Дэйв и хлопнул Тома по спине. – Тогда увидимся.

Миссис Роуэн с улыбкой выпроводила Дэйва за дверь и начала занятие. Сначала она рассказывала о плане занятия, затем завела речь о технике и прочем, что все и так уже сотню раз слышали. Томас огляделся: кто-то спрятался

за мольберт с наушниками в ушах, кто-то фотографировался на телефон. Кто-то начал рисовать заранее, а кто-то копался в сумке.

Девочка, сидящая справа от Тома, уже пять минут глядела на него, будто желая заговорить. Томас игнорировал ее, закрыв глаза, прислонив лоб к пустому холсту. Он соскользнул в легкий транс, вспоминая о том, какая волна отчаяния нахлынула на него в субботу. Костяшки все еще болели до такой степени, что сложно было шевелить пальцами, но это не было в новинку.

«Я найду его, – шевелил губами парень. – Найду, и он заплатит за то, что сделал».

– Томас? – все же прозвучал голос девушки. Том поглядел на нее, так и не отрывая лба от холста. – Я слышала, что случилось. Тебе, должно быть, плохо. Я соболезнаю.

Том лишь вздохнул, закатил глаза и закрыл их снова.

– Если ты захочешь поговорить об этом, то я хороший слушатель, – продолжала она. «Она серьезно думает, что поможет мне своей болтовней?».

– Слушай, Джули, я буду более признателен, если ты возьмешь в руки кисть и молча станешь рисовать, – сказал Том громче, чем планировал.

Все поглядели на них. Парень покачал головой, взял в руки кисть и палитру и стал смешивать цвета. Он не чувствовал какой-то смущенности или вины от сказанного, лишь глухую озлобленность на людей, что окружали его. Вот Рей-

чел – просто пришла болтать с ним в день, когда все случилось. Ни соболезнований, ни вопросов, ничего. Неужели она единственная понимала, что это ни черта не помогает?

2

На ланче Лиа впервые за день встретилась с друзьями. Она не видела даже Фиби с утра, та убежала раньше, чем девушка проснулась. Все трое сидели за столом, уминали свои обеды и о чем-то беседовали. Девушка опустилась на скамейку рядом с Фибс, достала из сумки фруктовый салат и сок, поглядела на товарищей.

Уилл смотрел на нее как-то разочарованно и обиженно, и на то были причины. Он ревновал, он был зол на то, что Лиа не брала трубку, на то, что она проводила время с парнем, которого, казалось, Уилл ненавидел. Калев сидел как-то отрешенно, листал ленту в телефоне.

– Как провели выходные? – спросила Лиа, открыв контейнер с салатом.

– Готовился к предстоящей игре, – ответил Уилл. Его голос был грубым, злым. – Насколько я знаю, твой парнишка играет в команде Сенбернаров.

– Мой парнишка? – переспросила Лиа.

– Томас, или как его там, – ответил Уилл.

– Почему ты злишься на меня? – непонимающе наклонила голову девушка.

– Потому что ты выбрала компанию наркоманов и алкашей, – отвечал Уилл все с той же интонацией.

– Кто сказал, что они наркоманы? – парировала Лиа, пытаясь защитить новых приятелей.

– Урод этот торчал раньше, – сказал парень.

– Ты не знаешь, через что ему пришлось пройти, – хмуро сказала Лиа.

Она не хотела продолжать разговор с Уиллом. Ей не нравилось, как он говорит, не нравилось, как он на нее смотрит. Он ведь и сам не идеален. И, черт возьми, он только отпугивает ее от себя таким поведением.

– Вы слышали последние новости? – спросил Калеб, пытаясь разбавить напряжение разговора. Но то, что он сказал дальше, не было чем-то воздушным и приятным. – Вчера убили еще одну девушку.

– Кого? – спросила Фиби, пытаясь забрать телефон у Калеба. Но тот крепко держал его в руке.

– Некая Сьюзи Мэттьюз. Установили, что она торговала телом, чтобы купить себе таблеток, – пояснил Калеб. Лицо его странно дернулось. – Что подтверждает то, что убийца гоняется за «грешниками».

– И за девушками, – добавила Фиби. – Нехорошо это.

– Не только девушками. Это выдумали те, кто начал разводить шум. На его счету есть два убийства и мужчин. Отец думает, что он одержим «очищением города от нечистых», – продолжал Калеб. – Продолжает дело того типа в маске, что около десяти лет так же истреблял наркоманов, шлюх, воров, ну и так далее.

– Ты откуда столько знаешь? – подозрительно спросил Уилл.

– Я сын копа, Уилл, – хмыкнул парень. – Отец живет этим, и все, о чем говорит дома, – работа, – Калеб вздохнул. – Я помогал ему разгребать все документы, пытаюсь найти связь между убийцами. Говорит, «не зря же ты на юридический пошел».

– Нашли связь? – спросила Лиа.

– Нет, – коротко бросил он.

Лиа нахмурилась.

– Мы можем отойти, Кэл? – умоляюще посмотрела на друга девушка. Калеб кивнул.

Они отошли на пару шагов от столика, Лиа виновато улыбнулась Уиллу и Фиби и повернулась к Калебу.

– Томас хочет помочь найти убийцу, – проговорила она тихо, чтобы только один Кэл услышал ее слова.

– Что? – переспросил Калеб. – Зачем?

– Убийца убил его бывшую девушку, – проговорила Лиа. – Он хочет помочь полиции.

Утверждение было не совсем точным, но близким к правде. Том ведь хотел найти улики достаточно, чтобы убийцу нельзя было оправдать. Неужели это не помощь своего рода?

– Томас наркоман, живущий в районе, откуда, вероятнее всего, выплыл этот психопат, – вмешался в разговор Уилл. Подслушал, козел. – Не удивлюсь, если он своей помощью хочет замести за собой же следы.

– О чем ты говоришь? – разочарованно спросила девушка.

– О том, что, может, твой Томас сам убил свою девчонку, а теперь пытается замести за собой следы, чтобы не попасться, – ответил Уилл, и только слова сорвались с его языка, Лиа уже хотела расцарапать ему лицо.

– Ты так ненавидишь его за то, что он когда-то три года назад пялился на меня в школе? – набросилась на него Лиа. – У него больше оснований ненавидеть тебя, и теперь мне кажется, что он был все-таки прав, говоря, какой ты урод, Уилл Симмонс.

Уилл смотрел на нее, сведя светлые брови.

– Я разочарована в тебе, – заявила девушка, – не подходи ко мне больше.

Девушка забрала со стола свой обед, кинула его в сумку и быстрым шагом покинула компанию друзей.

3

Стрелка часов давно ушла за восемь вечера, когда закончилась тренировка спортивной команды. Едкий пот заливал глаза Томаса, и он, стерев его, первым покинул поле. Парень добрался до душа, скинул с себя потную и грязную одежду, залез под теплые струи воды. Остальные пришли позже.

– Торопишься куда-то, Том? – спросил Питер, одергивая штору.

– Придержи свои гейские мыслишки при себе, Пит, – рассмеялся кто-то из парней. Том лишь прикрылся полотенцем, что уже держал в руках.

– Да, добирайся сегодня сам, – ответил Томас, зашториваясь обратно. – Я бы отвез тебя, не подглядывай ты за мной, когда я моюсь.

– Стесняешься?

– Не люблю, когда кто-то смотрит на мою задницу, – отвечал Том.

– Он просто боится, что кто-то увидит его маленький член, – рассмеялись парни. Томас поджал губы, натягивая на себя прямо в душе футболку и трусы. «Если бы так...»

Он быстро вылетел из раздевалки, прихватив с собой сумку. Хотелось вернуться домой, упасть на кровать и немедленно заснуть, но Томас торопился не туда. Ему нужно было доехать до указанного Митчем места, а по пути зарулить в магазин, купить чего-нибудь выпить, ведь он знал: многие в их районе разговаривают только под дурую или под градусом.

Том откинулся на спинку сиденья, закрыл глаза, сделал затыжку, выпустил пару колечек. Тело его начинало расслабляться, и только чувство боли в мышцах позволило ему почувствовать себя живым. Он не ощущал этого в большей мере после смерти Элисон. Том плохо спал эту ночь, снились кошмары. Просыпаясь, Томас не помнил, что видел, но сердце билось в груди быстрее, на лбу проступал холодный пот. И так всю ночь.

Рейчи тоже плохо спала, просыпаясь каждый раз, когда вздрагивал Том. Они спали на одной кровати, на разных сторонах, но Рид хватало почувствовать резкое движение, что-

бы очнуться. Этой же ночью решили, что нужно купить девушке собственное лежбище.

Томас завел машину, посидел еще немного и поехал. Включил музыку погромче, открыл окно, чтобы холодный осенний ветер трепал его влажные волосы. Том много думал на протяжении дня, почему больше не было слез потери?

Что-то сдерживало его, понял он. После произошедшего в субботу Том сам страшился того, на что способен, если будет проявлять эмоции, если будет печалиться. Теперь им двигало лишь одно – справедливость. Нет, больше все же месть. Желание наказать монстра, что сделал это. И все же он пытался найти в глубине что-нибудь еще: что-то помимо злости, окутавшей его, словно теплое одеяло, которое грело его, заставляло его гореть, которое не выпускало его. Том знал, что нужно сделать, чтобы сбросить это одеяло. Но это единственное, что окутало самый центр его души, и, как парень ни старался, сорвать это или найти под этим что-то еще, было тщетно.

Том попытался проехать коротким путем и обойти все пробки в центре города, а в итоге забрел туда, где жила семья Элисон. Что-то дернуло Томаса остановиться возле ее дома, и, к счастью или сожалению, там горел свет в окнах. Томас постоял недолго, прежде чем развернуться и уехать к магазину. Он не хотел заходить к ним в гости с пустыми руками. Парень купил любимых цветов миссис Херст, маленькую машинку младшему братику Элисон Билли и вернулся.

Помедлив на пороге, Томас позвонил. Сердце его сжалось.

Том стоял на пороге с лилиями. В хорошо выглаженной рубашке, брюках, туфлях. Его сердце стучало с неистовой силой, ведь не каждый день доводилось знакомиться с родителями своей девушки. Они знали Тома заочно, но как парня Элисон была готова представить его только сейчас.

– Мама любит лилии, – диктовала ему Элисон по телефону, пока Том старательно пытался уложить свои волосы.

– А папа? – спросил он.

– Выгляди максимально официально, веди себя спокойно и прилично, и отец будет доволен, – ответила Элли. – И не забудь пожать ему руку. У него какой-то бзик на это.

Дверь открылась. Перед ним стояла миссис Херст, улыбалась, с порога начала нахваливать Тома и говорить мистеру Херсту, сидящему в гостиной на кресле, как хорошо выглядит юноша.

Тогда Томасу чертовски сложно было дышать, но не только от страха и волнения. Он прошел в гостиную, провозжая взглядом миссис Херст, что уже быстро ушла ставить цветы в вазу.

– Ох уж эти лилии, – пробубнил мужчина, откладывая газету в сторону. Он поднялся, взглянул на Томаса.

– Я... – хрипя, начал Том. Он быстро прочистил горло и повторил, протягивая руку, – Я Томас, сэр. Рад знаком-

ству.

– Что Элисон в тебе нашла? – спросил он. Вопрос провокационный или риторический?

– Себастьян, оставь мальчика в покое, – проговорила миссис Херст. – Он и так взволнован. Поможешь мне, дорогой?

Томас кивнул.

– А где Элисон? – спросил парень.

– До сих пор наряжается, – ответила женщина, летя впереди парня. – Ты пришел рановато.

– У меня часы вперед идут, – сказал Том и облизнул засохшие губы. – Чем помочь?

Они накрыли вместе на стол. Томас еще раз поговорил с мистером Херстом, пытаясь держаться как можно спокойнее, но он знал, что Херст видит его насквозь. Однако, как потом оказалось, строгость и суровость – лишь маленькое испытание от отца Элисон.

На деле мистер Херст оказался улыбчивым, любящим рассказывать шутки и истории из жизни. Он уговорил Тома выпить рюмку бренди за знакомство, хотя Томас до самого конца осыпал его отговорками.

– Томас! – закричал Билли, вернувшись домой. Этому маленькому сорванцу было тогда шесть лет, и он постоянно пропадал на заднем дворе дома.

Они познакомились, когда Элисон впервые втайне от родителей привела Тома к себе домой. Они смотрели фильмы,

как Билли вломился в комнату. Его ничего не смутило – наоборот, обрадовало. Он стал показывать Томасу свои машинки, и в этот вечер тоже.

Дверь открылась лениво, миссис Херст выглядела измученно и подавленно. Ее лицо было полно изумления, когда она увидела Томаса с цветами в руках.

– Миссис Херст, – прошептал он.

– О, Томас, – женщина обняла парня прямо на пороге.

– Не отвлекаю вас? – спросил Том, проходя в дом.

Внутри было серо и уныло. Работала только настольная лампа на журнальном столике, где лежала закрытая газета. Казалось, будто со смертью Элисон все цвета в этом доме исчезли. Даже белые лилии не придали дому яркости, лишь заполнили его цветущим запахом.

– Себастьян на работе, – ответила миссис Херст, – но он был бы рад тебя увидеть.

– Да, я видел, что его машины нет, – кивнул парень.

– Мы давно не виделись, – справедливо заметила женщина. – Да, после нашего расставания с Элисон, будто и наши с вами пути разошлись, – согласился Том. – А раньше мы часто виделись в магазинах.

Женщина улыбнулась, однако Томас сидел с опечаленным лицом.

– А где Билли? – спросил он, нащупав в кармане куртки коробочку с машинкой.

– У себя в комнате, делает уроки. Билли, подойди сюда.

Мальчик спустился быстро. Он заулыбался, увидев Томаса. А Том отметил, как тот вымахал за год, как изменился. Теперь он еще больше был похож на отца: те же темные редкие волосы, карие глаза. Он подрос, надел очки. Выглядел взросло и солидно.

– Привет, приятель, – натянул улыбку Том и достал из кармана подарок. – Смотри, что у меня есть.

Глаза мальчика загорелись.

– Это же Шевроле Камаро! – с восторгом отчеканил Билли. – Спасибо.

Он обнял Томаса за шею и притих.

– Том? – спросил он.

– А?

– А ты не знаешь, где Элли? – Томас задержал дыхание, глядя на миссис Херст. Та покачала головой. «Они ему не сказали».

– Нет, Билли, я не знаю, – сквозь зубы проговорил Том, выдавливая из себя слова. Он услышал, как Билли всхлипывает на его плече. Томас сжал глаза, крепче прижимая к себе мальчишку.

– Я скучаю по ней и переживаю, – сказал Билли, хмыкнув носом. – Как думаешь, она вернется? Она ведь не могла просто так пропасть, да?

– Я не знаю, Билли, – вновь проговорил Том.

– Я слышал, как мама плачет, – прошептал Билли, будто бы забыв, что мама рядом. – Она тоже скучает.

– Ну все, Билли, – прервала их миссис Херст, – возвращайся к себе.

– Ты заедешь к нам еще, Томас? – спросил мальчик, отликая от Тома. Его лицо было заплаканным, но он старательно старался не показывать этого.

– Я постараюсь, Билли, – кивнул Том, и мальчик убежал. – Вы не сказали ему?

– Мы не знаем, как, – ответила женщина, утерев платком выступающие слезы. – Я знаю, что это неправильно. Но как ему сказать это? Себастьян говорит, что просто нужно сообщить, ведь он мальчик уже взрослый. Но я-то знаю, что Билли еще совсем ребенок, это причинит ему боль.

– Это причинит боль любому, вне зависимости от возраста, – начал Том. – Ему будет легче принять это сейчас, чем узнать потом. Потом он будет знать, что вы обманывали его. И рассудок будет затуманен, он не подумает о том, что вы боялись сделать ему больно.

Женщина пару секунд помолчала, слегка покачивая головой.

– Возможно, ты прав, – согласилась она, но Том видел, как тяжело ей это принимать.

– Мне пора, миссис Херст, – Томас поднялся на ноги, ком внутри горла снова начинал разрастаться. – Передавайте привет мистеру Херсту. Жаль, что мы с ним не увиделись сегодня.

– Может, ты поговоришь с Билли? – в отчаянии спросила

женщина. Томас взглянул на нее хмуро.

– Я ему лишь друг Элисон, который играл с ним в машинки, – покачал головой Томас. – Вы его родители. Он ваш сын. Элисон ваша дочь. Наберитесь смелости признаться и ему, и себе в том, что ее не стало.

Женщина опустила взгляд, вновь прикоснулась платком к глазам.

– Извини, – прошептала она. – В эту субботу похороны.

Томас посмотрел на нее с нежеланием, с тоской, с болью.

– Приди хотя бы ради Билли, – добавила миссис Херст. – Я наберусь смелости рассказать ему все.

– Я приду, – кивнул Том. – Ради Билли. Ради вас. И ради Элисон.

Он вышел из дома, не оглядываясь, лишь бросив неловкое «до встречи». Парень открыл машину, свалился на сидение, завел мотор и помчал вперед. Включив музыку громче, он гнал по дороге среди двухэтажных дорогих домов, пытаясь подавить ком, что разрастался в горле. Пытался задавить его, загнать, спрятать, проглотить. Но все тщетно, все бесполезно.

Томас крепко схватился за руль и бессильно закричал.

4

Томас остановил машину у дома по написанному адресу. Вышел из машины, достал из кармана мод. Ему следовало сначала успокоиться, прежде чем идти. Клубы пара успокаивали, отвлекали сознание на белые облака, что произволь-

но развеивал ветер.

В окнах дома не горел свет, но было слышно, как разговаривает телевизор. Томас достал с пассажирского сидения бутылку водки и громко хлопнул дверью.

– Эй, пацан, тебе чего надо? – выглянул из окна тощий усатый мужчина.

– Вы?.. Вы нашли тело девушки, что убили в субботу ночью? – спросил Том, пытаясь не думать о том, что говорит о теле Элли.

– Ну, я, и что? – кричал из окна мужчина. – Я уже говорил с полицией.

– Вы не могли выпить со мной и поговорить? – крикнул в ответ Томас.

– Заходи, – прокричал тот. – Не ори только, соседей разбудишь.

Томас облегченно выдохнул, поднялся по трем ступенькам в один шаг, как дверь открылась. Перед ним стоял латиноамериканец, в потрепанной майке и с выцветшими татуировками на плечах. Он взял бутылку из рук Тома и жестом пригласил его пройти.

– Что ж ты сразу не сказал, что ты не с пустыми руками, – заулыбался во весь неполный комплект зубов мужчина. – Я Фелипе Хуго.

– Томас Хэйз, – ответил парень, сев за стол. Перед ним тут же появились две стопки и нарезанный огурец.

– Ну, давай выпьем за знакомство, – бодро предложил

Хуго.

Он выпил первый, Том сделал глоток и чуть не задохнулся. Фелипе расхохотался.

– Первый раз пьешь, пацан?

– Не привык к водке, – ответил он.

– Вы же слабенюкие нынче пошли, пиво одно пьете, – осуждающе сплюнул латинос. – А поляки не промах.

– Водку же русские придумали, – сощурился Том.

– Не учи ученого, парень, – махнул Хуго и налил еще по стопке. – Еще по одной и говори, зачем пришел.

Со второй рюмкой Том был осторожнее.

– Говорят, ты видел убийцу, – сказал Том, закусывая. – Расскажи, что видел.

– Я полиции уже все рассказал, парень, – вновь сказал Фелипе. – Тебе-то какое дело?

– Ищу я его, – кротко ответил Том. – Полиция мне не поможет.

– Дай полиции разобраться с этим. Они вон как резко барыг пересажали всех в прошлом году, один Шоколадный уцелел, и то потому, что сам не употребляет, – Хуго налил еще по рюмке, но пить не торопился.

– Я как раз от Шоколадного, – сказал Том, надеясь, что хоть это поможет.

– Так тогда он тебе пусть все и рассказывает.

– Он дал мне этот адрес, сказал, ты знаешь, – продолжал настаивать Томас.

– Так какое тебе дело до этого убийцы? – прищурился латинос.

– Мужик, он девушку мою убил, – сказал Том, для драматичности отпустив слово «бывшую».

– О, да что ты сразу так не сказал! Давай выпьем, а то я вижу, как тебе больно, пацан.

Они выпили. Томас закусил, Хуло не стал.

– Рассказывай все, что знаешь, – Томас откинулся на стуле.

– В общем, дело было так: сидели мы с Факундо, другом моей двоюродной сестрой, играли в домино, знаешь игру такую, когда надо костяшки складывать так, чтобы половинки с одинаковым количеством точек соприкасались? – Том нетерпеливо кивнул. – Ну, вот сидели. Потом пришла его жена, надавала нам по шеям за то, что опять накидались. Суровая женщина, ничего не скажешь...

– Мужик, ближе к делу.

– Да-да, так вот, ушел Факундо с женой, я спать лег. Не мог уснуть, лежал, лежал, думал, думал. Думаю, приберусь, а то что просто в потолок пялиться. Отходняк начался, голова заболела. Ну, я поднялся, выпил еще рюмку, собрал весь мусор...

– Мужик...

– Да погоди, уже к сути подходим, – недовольно потряс головой латинос. – Вышел на улицу с мешком, благодать: прохладно, никто не блажит, музыка, правда, отдаленно орала

из этого клуба сраного на несколько кварталов. Ну, я привык к ней уже, пусть молокососы развлекаются, – Томас незаметно вскинул бровь. – Пошел на задний двор мешок кинуть в мусорку, смотрю, а там за забором в тени стоит фигура в маске. У меня очко сжалось, я пригнулся. Смотрю в щель, а он девку держит за волосы и в шею ей что-то втыкает, – Том напрягся, подался вперед, сжал сквозь боль кулаки. – Достал иглу, отпустил. Ну, девчушка побежала вперед, еле ноги переставляя. Отбежала на метров двадцать, смотрю, он пистолет достал. Я охерел просто, пацан. Пошел за ней следом, она упала, по дороге распласталась. Пыталась подняться, а он ее пнул, она упала на спину. Ну, он ей в грудь и выстрелил.

Томас побледнел. Опустил голову, сцепился в волосы рукой, закрыл глаза. Тяжело вздохнул. Затем молча поднял рюмку и опрокинул ее.

– Убью, сука, – прошептал Том. – Опиши его.

– Да что там описывать. Он в тени стоял, да и сам во всем темном был, – латинос нахмурился, вспоминая. – В маске был, высокий, помню. Убежал после этого быстро.

Томас до крови прикусил губу, налил еще по рюмке, забыв о том, что ему еще за руль.

– Выглядишь ужасно, пацан, – сказал Хуго, положив пластик огурца на язык. – Я тебе хоть чем-то помог?

– Во сколько это было? – спросил Том, морщась. Спирт обжег ранку на губе.

– Да часа в два, наверное, – с ходу ответил Фелипе. А по-

том призадумался. – Ну, может, в половину второго.

«Я в это время Лию спать укладывал», – неожиданно для самого себя отметил Том.

– Больше ничего не скажешь? – продолжал требовать Томас.

Вдруг зазвонил телефон. Неизвестный номер. Томас жестом приказал латиносу молчать.

– Слушай сюда, – прозвучал голос с наложенным эффектом. Томас подскочил на ноги. – Ты вздумал помешать мне, вздумал влезть в мое дело. Завязывай, иначе все, кто тебе дорог, умрут.

– Ты никого не тронешь, понял? – громко заявил Том.

– Не тронул бы, не будь они все грешными, – ответил голос. – А начну с твоего друга-барыги, чтоб тебе неповадно было.

– Крыша, Томас, крыша! – раздался крик Митча. «Крыша – это дом».

– Только попробуй хоть пальцем к нему притронуться!

Сердце заколотилось, а на глаза упали шоры страха. Томас перестал видеть все, кроме картины, что представлял себе.

– А что ты мне сделаешь? – усмехнулся голос. Раздался первый выстрел. Томас вздрогнул. – Предупреждающий. Во второй раз буду стрелять в голову.

И он сбросил трубку. Томас помчался к двери.

– А как же?..

– Оставь себе, – бросил парень через плечо.

Он хлопнул дверью, моментально влетел в машину, завел ее. Та, как специально, не заводилась. Томас трясся, пытаясь завести, ругался, и все же мотор загудел, и Том вдавил педаль газа в пол. Машина полетела по дороге, поднимая за собой столбы пыли. Он со скрежетом поворачивал, пытаясь удержать равновесие и не влететь в ближайший угол.

Его ум притуплялся из-за страха и из-за выпитого, он просто инстинктивно мчался туда, где, возможно, его ждал убийца Элисон, где, возможно, уже лежало мертвое тело Митча. Но он продолжал мчать, трясась, волнуясь, боясь. Сейчас бы иметь под рукой пистолет и здравый рассудок.

Он остановил машину резко, оставив на асфальте черные следы, и тут же последовал звук выстрела. Вышел из машины, заметив, как темная фигура в маске сбегает через окно первого этажа. Томас бросился за ним, но тот был быстрее, проворнее. Убийца ловко перемахнул через забор, Томас за ним. Они бежали долго, прежде чем тот на ходу не выстрелил. Пуля пролетела, а Томас замер, как вкопанный. Пока он стоял, не в состоянии пошевелиться, убийца скрылся за ближайшим углом.

Томас злобно пнул лежащую на асфальте бутылку, прорычал, поспешил вернуться в дом. Он услышал тихие стоны и побежал, влетев в открытую дверь, с ветром поднимаясь по ступенькам. Он мельком заметил, что под столом прятались дети. Один мужчина с пулей в голове лежал на полу.

– Митч? – звал Том, зайдя в дверь.

Парень лежал у дивана, держась за ногу. Там штаны бежевого цвета окрашивались в бордовый. Томас подбежал к нему, присел, а глаза его как у сумасшедшего были расширены.

– Ты живой, друг? – спросил Томас. – Держись, я вызову скорую.

Томас упал рядом с другом, дрожащими пальцами набирая номер скорой помощи на экране. Несколько гудков, приятный женский голос поприветствовал его.

– Чего он хотел от тебя? Почему не убил? – спросил Том.

– А ты прям так и ждешь моей смерти, Хэйз, – усмехнулся Митч. – Он убил бы, если б я на него не бросился. Мы подрались, я пытался маску с него стянуть, но он, зараза, высокий. Ну, или я мелкий настолько. Он выстрелил мне в ногу, спустился на первый этаж и все. Потом ты пришел.

Томас тяжело вздохнул, откинул голову назад и закрыл глаза. Дрожь в теле постепенно утихала.

– Он искал Сахарного человека, Том, – проговорил Митч. – Он решил действовать радикально.

ГЛАВА 5

1

Машина мчала быстро по оживленным улицам. Лиа, прижавшись к окну, наблюдала за детьми, за взрослыми, идущими по тротуару. Наверное, это первый день, когда она успела застать время, когда все на улице. Обычно она была в этом районе уже после того, как все вернулись домой, либо уже

ушли.

Заходило солнце, и город окрасился в теплые желтые цвета. По дороге бегали ребяташки в ободранных вещах, дурачились, пинали мяч. С ними даже девочки в платьях или шортах прыгали через скакалку, ругались с мальчишками за то, что те их дразнили. Лиа вспомнила свое детство.

Очень многие в этом районе курили. Либо Лиа обратила на курящих людей больше внимания, чем обычно, либо это так и было. Они не торопились так, как люди из центра. Да и «модников» среди них было куда меньше. Через дом кто-то разбирался в машине, кто-то играл на задней площадке в баскетбол.

Она почти неделю не виделась ни с Томасом, ни с Рейчел, но была наслышана о том, что случилось с Митчем. Ей хотелось примчаться, спросить, как у Шоколадного Короля дела, сунуть свой нос в дело Целомудренного мстителя. Но Том сказал ей сидеть в общежитии, приехать на выходных. Девушка обиженно послушалась.

Неделя была невероятно трудной и от ожидания, и от учебы, и от напряженных отношений с Уиллом, и от новостей. Снова убийство. Это казалось каким-то чистым безумием. Еще Уилл, который постоянно таскался за их компанией, будто ничего не произошло. А стоило им остаться наедине, как он превращался в обиженного песика, который искал способа примириться. Лиа была готова его простить, если бы он отказался от своих доводов. Но это будто и не обсужда-

лось.

«Вот и оставайся со своими выводами» – бросила ему Лиа, уходя прочь. Он был приятен ей, но после встречи с Томом отношение к Уиллу поменялось. За все это время он ни разу не позвал ее куда-то сходить, словно считая, что девушка и так в его руках. А теперь, когда на горизонте появился потенциальный противник, он начал вести себя, как козел. «Да Симмонс каждый раз ведет себя, как урод, стоит Тому посмотреть на меня, – думала девушка. – И это не похоже на простую ревность...».

В отличие от Уилла, Том писал Лие каждый день, чтобы поинтересоваться, как ее дела и все ли в порядке. Девушка даже опешила от такой заботы от столь непристрастного Томаса, но к этому было легко привыкнуть. Вчера они переписывались целый вечер о всяких пустяках, пока Том не ушел спать. Лиа не была уверена, что он точно лег спать, но просто доверилась ему.

И вот дождалась выходных, попросила Калеба подвезти ее, но только сейчас поняла, что не сказала ему адрес. Но парень так уверенно куда-то ехал. Лиа нахмурилась, отлипла от окна и посмотрела на друга.

За последнее время он переменялся в лице: появились мешки под карими глазами, отросла черная щетина. Калеб много учился, много помогал отцу по делу, у него совсем не оставалось времени на себя. Сегодня отец уговорил его отойти хотя бы на один вечер от дела, поэтому парень и со-

гласился подвезти девушку.

– Ты знаешь, куда ехать? – спросила Лиа.

– Да, – ответил Калев.

– А откуда? – надула губу девушка. Она точно не говорила.

– Я сын копа, забыла? – улыбнулся он. – Полиция пыталась взять Митчелла горячим, с повинным. Но каждый раз не получалось.

– Он не употребляет, – проговорила Лиа. – Лишь посредник.

– Я знаю, – кивнул Калев. – Но это незаконное хранение и передача наркотических веществ. Какой бы он там ни был, он продает наркотики всем, кто заплатит деньги. Через него можно выйти и на более высокую шишку в этом деле. Как они там его называют?..

– Я не знаю, – смутившись, ответила девушка. Калев хмыкнул и расстроено покачал головой.

– Мне не нравится, что ты тусуешься в компании человека, что торгует наркотой, – проговорил Калев с интонацией родителя, пристыжающего своего ребенка. – Да и вообще с этими людьми.

– Ты ведешь себя, как Уилл, – фыркнула Лиа. – Я взрослая и...

– Ты взрослая, но совершенно неопытная, – напирал Калев, однако голос его оставался спокойным. Участилась лишь мимика и мелкие жесты, что могли перерасти в руко-

плескания.

Лиа сердито исподлобья посмотрела на друга.

– Это моя молодость, – ответила она. – Они кажутся мне приятными, и я хочу сама разочароваться в жизни, а не по чьим-то советам.

– Смотри сама, – отступил Калев, остановив машину у одного из домов. Лиа глянула в окно: недалеко стояла машина Томаса, а по дороге с сигаретой в зубах, с небольшим пакетом из магазина и собакой на поводке плелась Рейчел.

Лиа поблагодарила Калеба, вышла из машины и хотела уже закрыть дверь, как Калев добавил:

– Будь просто аккуратнее и умнее, ладно?

– Ладно, – кивнула девушка и захлопнула дверь.

Калев уехал сразу, и тут же подошла Рейчел. В ее наушниках громко играла музыка, она затушила сигарету носком черного массивного ботинка и поглядела на Лию. И девушка посмотрела на нее: на щеке была яркая царапина, а одежда Рейчел была так, будто собралась на концерт панк-группы.

– Как жизнь, подруга? – спросила Рейч. – Я надеюсь, ты любишь мороженое, потому что я купила нам всем.

– Спасибо, – улыбнулась Лиа. – А повод такой щедрости?

– Я за сигарчухами зашла, – Рид жестом позвала Лию за собой в дом, – смотрю, а в холодильнике мороженое лежит. И что-то так захотелось, ну я и решила взять всем. У меня бывают вспышки гнева, ревности и любви ко всем окружающим.

Они посмеялись.

С прошлого визита в доме ничего не изменилось, кроме выбитого окна и не оттертой крови с ковра на кухне. Лиа переключила внимание на Бульбуля, который крутился под ее ногами. Пес, высунув язык, жался к ее ногам и время от времени поднимал голову, заглядывая своими добрыми глазами в ее глаза. Он как бы говорил: «Вот сейчас мы поднимемся, и ты от меня просто так не отделаешься».

В комнате стоял туман, пахло табаком, который старательно перебивал запах жижи Томаса. Признаться честно, Лиа соскучилась по его холодному лицу. Весь путь в несколько шагов Том не сводил с нее глаз, а девушке только и оставалось, как улыбаться ему и держать себя в руках, лишь бы не проиграть в новой схватке.

– У Рейчел был неудачный опыт побриться? – рассмеялся Митч, лежа на расстеленном диване. Для человека, которого чуть не убили неделю назад, а потом еще и допрашивала полиция, не оставляя в покое, он выглядел весьма счастливым.

– Иди ты, Шокобой, – прыснула Рейчел. – Я с собакой подралась.

Митчелл рассмеялся, на лице Рид осталась неизменная ухмылка. Она наклонилась к Бульбулю и стала тискать его, приговаривая «Кто плохой мальчик? Кто любит драться? Буль любит драться? Да? Дааа...»

– Ты постоянно с кем-то дерешься, Рид, – заметил Питер.

Он сидел с трубкой от кальяна в руках, постоянно поглядывая на Митча. – То с отцом, то с братьями. Сейчас с собакой.

– Я виновата что ли, что создания с членом в моем окружении такие абьюзивные? – хмыкнула Рейчел, упав на диван напротив. Она достала из пакета мороженое, но помедлила с раздачей.

– О, ты купила нам мороженое? – удивился Питер. – Как это мило.

– Смело с твоей стороны предположить, что я собираюсь делиться, – с серьезным, но лишь на пару секунд, лицом ответила Рейчи.

Все рассмеялись, и Рид стала кидать его во всех, окликая по имени и добавляя «лови».

– Подтаявшее, как ты любишь, Митч, – заметила девушка. – Я специально шла как можно медленнее, чтобы оно начало таять.

– Ты прелесть, Рейчел Рид, – сказал Митч и послал девушке воздушный поцелуй.

Лиа тоже любила подтаявшее мороженое. Открыв упаковку, она облизнула край, с которого вот-вот капнуло бы холодное молоко ей на брюки. Бульбуль побежал к ней, прося мороженого, обиженно поглядывая на Рейчел. Девушка поняла, что собаке нельзя, и пыталась как можно осторожнее есть, защищаясь от пса.

Все открыли мороженое, кроме Томаса.

– Тебе не нравится мороженое? – спросила Лиа осторож-

но.

– Оно слишком холодное, – с недовольством ответил Том. Рейчел резко расхохоталась. Ее смех гоготом пронесся по стенам комнаты.

– А ты будто нет, – произнесла Рид, и на лице Томаса проскочила ухмылка.

– Что с тобой, брат? – спросил Митч, облизывая мороженое.

– Я просто не понимаю, как можно так спокойно сидеть, пока убийца бегает по свободе, – обременено вздохнул Том.

– Он так нагружен, что хотел отменить сегодняшнюю вечеринку в Баре, – добила Рейчел. Лиа удивленно поглядела на Томаса.

– Полиция его ищет, – ответил Пит.

– Они ищут его медленно! – гаркнул Том. – Я хочу найти его сам, но кто мне в этом поможет? Я в жизни из детективного смотрел лишь «Тетрадь смерти», но детективом меня это не сделало...

Питеру было что сказать, но он будто ломался.

– Мне нужно сделать звонок, – прервал всех Митч. Он достал телефон, набрал какой-то номер и приложил трубку к уху. – Привет! Что как жизнь? Да у меня все круто. Да, спасибо, с ногой тоже все хорошо. Слушай, есть планы на сегодня? Теперь есть. Сможешь в Бар приехать? Отлично, тогда до встречи. Что? Да, как без этого. Ну, все, отправляю тебе свой поцелуйчик-обнимульчик.

– С кем это ты? – спросил Пит.

– Я познакомлю вас с Сахарным человеком, – поиграл бровями Митчелл.

Лиа напряглась. «Высокая шишка? Это о нем говорил Калеб? Полиция пытается выйти на него? Может, мне стоит?.. Нет, это не мое дело. А если меня потом возьмут за укрывание? Да ну, бред какой-то».

– Все хорошо? – наклонился к ней Том.

– Да, да, – кивнула девушка.

– Ты побледнела, – заметил он.

– Я волнуюсь. Я слышала, что Сахарный человек – это тот, кто занимается изготовлением и поставкой наркотиков?

– Что-то вроде этого, – кивнул Том. – Я сам с ним не знаком. Лишь слышал от Митча.

– Почему он решил познакомить нас?

– Я просил его вывести меня на него, – ответил Томас. – Раз убийца ищет его, то он наверняка может что-то знать.

Лиа чувствовала, как кружится голова. Она нахмурилась.

– Точно все в порядке? – спросил Том.

– Мой друг волнуется, что я начала проводить время с такими людьми, как Рейчел или Митч, – честно призналась Лиа. – Да и твоя компания им не особо нравится.

Томас хмыкнул.

– Если ты разделяешь их точку зрения, то тебя тут никто не держит.

– Вот именно, что не разделяю, – быстро проговорила де-

вушка. – Но я хочу общаться со всеми.

– Почему они переживают? – спросил Том.

– Не знаю. Может, думают, что я испорчусь.

– Дорогая, – неожиданно произнесла Рейчел, забирая мороженое с колен Томаса, – меня вырастила толпа алкашей и наркоманов, и я идеальна. Не переживай.

– Ты любишь мороженое, так? – спросил Том у Лии. Девушка кивнула, и Томас, глядя на Рейчел, выхватил мороженое из ее рук и отдал белокурой девушке.

Рейч умиленно поглядела на Тома.

– Я все поняла, – хихикнула она и вышла из комнаты.

Питер на ходу писал кому-то сообщения, старательно скрывая экран телефона за широкими плечами и высоким ростом. Да черт, для Лии каждый парень был высоким, с ее полутора метрами с кепкой.

2

Они приехали за полчаса до открытия Бара. Том оставил в клубе пару доверенных людей: барменов, диджея, кассира – чтобы те все приготовили. Он был уверен, что все готово. Они лениво вылезли из машины, поднялись на второй этаж. Митч попросил пойти в комнату Томаса, чтобы ему можно было растянуть свои ноги на кровати и в закрытом помещении поговорить.

Настороженность Митчелла показалась Томасу странной. Кроме них тут были лишь несколько людей, что занимались своими делами. И все же Том пошел навстречу другу. Митч

остановил его у входа, пропустив всех остальных.

– В чем дело? – спросил Том.

– Ты просил меня познакомить тебя с Сахарным человеком, и я это устроил. Ты уверен, что ты хочешь? И уверен во всех людях, что рядом с тобой?

– Да, я уверен, – без сомнений ответил Том, нахмурившись.

– Я рискую головой, если что-то пойдет не так, – продолжал Митч. – У нас очень доверительные отношения, и если из-за меня что-то произойдет, ты сам знаешь, что может быть.

– Я доверяю этим людям, как себе, – продолжал Том.

– Лиа? – Митч поднял бровь.

– Да, – кивнул Том. Ему не хотелось объяснять, ведь не было ни одного фактического доказательства ее верности. Однако Том верил ей. Интуитивно, эмоционально. Глупо, но верил.

– Ладно, я верю тебе, – кивнул Митч. Он достал телефон. – Иди в комнату, мы сейчас придем.

Томас кивнул и вошел внутрь. Рейчел разлеглась на кресле-мешке, Лиа и Питер сидели на краю кровати. Том подошел к столу, убрал какие-то вещи, пытаясь привести свою комнату во что-то приемлемое. В итоге просто навалился на стол, сложив руки на груди. Все они в тихом ожидании смотрели на дверь.

Время тянулось чертовски медленно. Парню хотелось,

чтобы быстрее началась вечеринка. Чтобы снова подраться с кем-нибудь, выпить, заглушить мысли музыкой. Завтра похороны Элисон. Он даже не мог думать об этом.

Нужно было написать речь, потому что Том верил, что не отпустит девушку просто так. Но каждый раз, садясь за стол и видя пустой лист и ручку, Томас сдавался. Он не знал, как собрать мысли коротко и ясно. Если из-под стержня шли какие-то слова, то это получалась полная бессмыслица, которую можно расписать на несколько часов утомительного текста.

Парень не знал, что ему нужно написать, какую эмоцию нужно достать из себя и выложить на бумагу. Боль? Ее будет предостаточно. Злость? О мертвых говорят хорошо. Ненависть? Еще лучше. Тоску? Отчаянье? Это было слишком сложно для него. «Либо придумаю что-то на ходу и опозорюсь, либо вообще не буду говорить».

Открылась дверь. Все приподнялись, напряглись. Митчелл, хромая, вполз в комнату, а следом за ним девушка. Одета в свободную одежду, с пепельными, слегка отливающими голубизной волосами и кристально-чистыми серыми глазами. Крупная на лицо, а фигуру не удавалось распознать под мешковатыми вещами.

Томас мельком глянул на Рейчел. Лицо той светилось. Мало того, что Рид всегда была готова «лесбиянить», так тут еще и симпатичная молодая девочка в их компании. Странно, конечно, что Рид так же не положила глаз на Лию. Ви-

димом, та слишком проста для извращенного вкуса Рейчел. А эта девчонка за несколько секунд показала всю силу своего «сука-лица». Рейчел оценила.

Буль тут же подбежал к новому человеку, стал обнюхивать. Девушка опустила на колено, стала гладить собаку, подставляя свое лицо для собачьих поцелуев. Когда теплый язык Бульбуля коснулся ее лица, девушка заулыбалась.

– Какой славный. Как зовут?

– Бульбуль, – отозвалась Рейчел. Довольная.

– Хороший мальчик, – оценила девушка, поднявшись на ноги. – Кто из вас Томас?

Митч кивнул на парня. Она подошла к нему, посмотрела прямо в глаза, вновь переменив улыбку от игры с собакой на, видимо, «коронное» выражение лица.

– Что ж, мое имя Скотти, и я Сахарный человек.

Том смотрел на нее скептически все время с того момента, как она вошла. Он никак не отреагировал на ее слова, зато Питер рассмеялся.

– Ты девчонка, – сказал он.

– Жить надоело? – глянула она на него.

Том пытался вспомнить, где видел ее. Ее лицо и голос были до боли знакомы.

– Выше солнца полетим, честь школы защитим... – проговорил Том. Скотти наклонила голову.

– ...никаких преград не знаем, всех всегда мы зажигаем, – продолжила девушка. – Кричалка Лисов?

– Мы в одной школе учились, – сказал Том, убедившись в правдивости своих мыслей. – Ты тогда в седьмом классе училась?

– Верно, – прищурилась Скотти.

– Тебе сейчас, получается, семнадцать лет? – быстро сообразил Питер.

– Еще шестнадцать.

Питер снова рассмеялся.

– Слушай, пацан, я не знаю, чего ты нашел забавного в моем возрасте, но настоятельно рекомендую тебе заткнуться, – она тыкнула ему пальцем в грудь. Томас даже не сразу отразил то, как она быстро переместилась от него к дивану. Она оглядела всех, недовольно вздохнула и четко произнесла: – Да, мне шестнадцать, и я барыжу травкой и не только. Еще будут вопросы?

– Те лакричные палочки и «слеза девственницы» твоя ведь работа? – спросила Рейчел, наконец. Том уж думал, что Рид потеряла навсегда дар речи.

Скотти улыбнулась.

– Моя.

– Кажется, они нашли друг друга, – наклонился Том к Лие.

– О чем они говорят? – спросила девушка.

– «Слезка девственницы» – это какие-то наркотические капельки, которые часто подмешивают кому-то в коктейли. А лакричные палочки – простые на вид сосательные леденцы, только с веселящим эффектом, – Томас сам толком

не знал, что это. Когда появилась вся эта дрянь, он уже слез с наркотиков.

Питер настойчиво переписывался с кем-то в телефоне, будто по просьбе Скотти заткнув рот. Лиа внимательно слушала диалог Скотти и Рейчел о наркотиках, о том, как та начала заниматься производством. «Нужно же хоть как-то оправдать пятерку по химии» – шутила девушка. А Томас просто стоял у стола и думал, как же выцепить Скотти поговорить наедине. Хотя он даже не знал, какие вопросы ей стоит задать.

Время прошло быстро, в дверь постучали и крикнули, что пора начинать. Все пошли на выход, Том в последний момент успел дернуть Скотти за руку и закрыть дверь. Он буквально вжал ее в стену.

– Ух ты, – выдала она. – Так настойчиво.

– Почему тебя ищет убийца? – спросил Том.

– Мне почем знать? Наверно, потому что он зачищает город от грешников, а я тут главный поставщик, большая шишка, большой босс, батя...

– Ладно, я понял, – перебил ее Том. – Ты наверняка знаешь много людей. Нет подозрений?

– Чувак, расслабь булки, – сказала Скотти. – Митч сказал, что ты просто хочешь познакомиться, а не допрос мне устраивать. Я чертовски устала за эту неделю, давай расслабимся. Если хочешь, можем расслабиться вместе.

Томас мгновенно пресек похотливую мысль.

– Пойдем к остальным, поговорим позже. Дай себе отдохнуть.

– Как я могу отдыхать, пока этот урод на свободе?

– От того, что ты бесишь своим недовольным лицом сейчас, он не отложит пистолет и не перестанет убивать. Смирись с тем, что тебе его не найти. Или пока не найти. Расслабься, чувак.

3

Вечеринка была в разгаре. Томас слышал, как шумят люди внизу. Скорее всего, организовали круг. Он думал, пойти туда или остаться здесь. И раздумья держали его на месте. Он парил, пил, слушал разговоры сквозь шум музыки. Старался не думать о речи, но слова начинали сами проскальзывать в его сознании. Если бы сейчас ему нужно было произнести эту речь, то он бы просто вылил все мысли, что накопились у него за этот год. Нет, нужно было их как-то организовать.

Их компания сдвинула диваны так, чтобы все смогли сесть без проблем.

– У меня в сумке есть конфеты, но они не для детей, – улыбнулась Скотти, открыв рюкзак. Она поглядела на Питера. – Заткнись.

Он усмехнулся и не стал ничего говорить. Явно это было что-то вроде: «Но ты же сама ребенок». Скотти достала пластинку таблеток, навскидку там было как раз на всех. Томас откинулся на спинку дивана, думая, стоит ли.

– Это самые легкие таблетки, поэтому не ссыте, – проговорила Скотти. – Раскроет ваше сознание так, что вы будете видеть космос в сыре и смысл жизни в дискошаре. Если кто-то хочет чего-то потяжелее, то за отдельные деньги. Это я угощаю.

Рейчел, Питер, Митч приняли по таблетке, взяв ее в руку. Скотти смотрела на Томаса и Лию выжидающе.

– Парочка будет? – спросила она. – Я по твоим глазам вижу, что тебе интересно. Парень запрещает, да? Он радикальный и резкий, уже испытала на себе.

– Что? – смутилась Лиа и протянула руку. – Он не мой парень.

– А ты, Серьезное лицо? – теперь Скотти глядела только на него. – Тебе нужно расслабиться, чувак. Seriously тебе говорю. Ты выглядишь так, будто каждый день разгружаешь вагоны вагонов.

Томас молчал.

– Ты боишься таблеток? – поняла Скотти. – Привыкания от этого никакого, только если ты не морально слабый...

– Ладно, давай, – недовольно согласился Том, протянув руку. На лице девушки расцвела улыбка.

– Половите визуалы сначала, а потом я покажу вам игру, – улыбнулась Скотти, и первая проглотила таблетку.

Остальные одновременно положили таблетки на язык, запили алкоголем и проглотили. Моментального эффекта не было, оставалось только ждать. Сначала начали двигаться

столы (это было очень мило), затем стены. Комната начала сужаться и уменьшаться, казалось, что она сейчас раздавит. Том закрыл глаза, тяжело вздохнул. Он откинул голову назад, положив ее на спинку дивана. Потолок светился и извивался, словно там были тысячи змей. Он просто лежал и наслаждался тем, чего испугался бы.

– Словили кайфушек? – спросила Рейчи.

– Потолок уходит куда-то ввысь, – восторженно произнес Митч. – Еще немного, и я увижу космос. Серьезно, Рейчи, ты видишь это?

– Клуб всегда был такого огромного размера? – медленно протянула Лиа. – Он расширяется, как галактика. Бесконечно и медленно.

– Встаем, чуваки, – скомандовала Скотти, – сейчас начнется самый трип.

Они друг за другом поднялись, и тогда Том понял все. Совершенно все. Он не узнавал клуб, он вошел в мир, который никогда прежде не знал. И вошел Томас туда абсолютным ребенком. Он не знал, что нужно делать. На столе стояла бутылка пива, и парень не знал, как с ней общаться, зачем она здесь и что внутри. Он поднял ее, инстинктивно отпил, но не почувствовал вкуса.

Все поплелось вперед за девушкой с пепельными волосами, и Том пошел следом за всеми. Они будто бы утята, следующие за взрослой уткой. Держа в руке бутылку, Том искренне не знал, зачем она ему сейчас и куда ее можно поста-

вить. Они проходили мимо людей, и те расплывались, растягивались и выглядели совершенно по-иному. «Если я выгляжу так же, то я чертовски страшный» – подумал Том.

Бутылка. Поставить ее на ближайший столик было недосягаемой, бредовой идеей. Вся их компания плелась вместе, не отходя друг от друга ни на сантиметр, помогая понять этот мир. Потихоньку они «росли», понимая правила новой реальности. Том дотронулся до проходящей мимо девушки, она показалась мокрой, будто бы его рука очутилась в чане с холодной водой. Он поражался всему.

– Закройте глаза, раскрутитесь на месте и резко уйдите прямо, – проговорила Скотти. Ее слова были далекими, до Томаса они дошли через, казалось, целую вечность. Будто ее голос доносился с другого конца вселенной. Или из черной дыры. Или...

Он закрыл глаза, раскрутился, стараясь не оступиться и не свалиться на предательски мягкий и скользкий пол. Тело само откинуло его в какую-то сторону, и он открыл глаза только тогда, когда обхватил кого-то руками. Лиа. Она стояла перед ним, в его крепкой хватке и непонимающе, удивленно хлопала длинными ресницами.

– Раз уж я наткнулся на тебя в этом мире, – протянул Том, – не хочешь исследовать его вместе?

– Хочу, – коротко ответила девушка, задыхаясь от волнения. – Тут так жарко.

– Можем уйти в мою комнату, там большое окно, – пред-

ложил парень. – Не подумай, я не хочу затащить тебя в кровать. Просто... Я не уверен, что смогу спуститься по лестнице, чтобы выйти на улицу.

Они ушли в комнату. Пальцы Томаса несколько раз соскользнули мимо дверной ручки, но все же он смог открыть ее, тихо ругаясь себе под нос. Было темно, но они не торопились включать свет. Парень знал, куда идти, и быстрым шагом, держа Лию за руку, подошел к окну. Окно плыло, размазывалось и растекалось. Сложно было найти из всех стекол именно то, что открывалось. Перепробовав все горячие, обжигающие пальцы, стекла, парень нашел нужное.

Он высунулся по пояс, будто глядя в глаза космоса. А глаз у него было чертовски много.

– Почему именно космос? – спросил он у девушки, что устроилась рядом с ним, едва касаясь локтем его локтя.

– Может, потому что вокруг нас слишком много тайн? – ответила Лиа.

– Нас окружает неизвестность и непредсказуемость, – продолжил Том. – Ты тоже думаешь, что если прыгнуть в окно, то мы выпадем из своей реальности в невесомость?

– Том, – прошептала девушка. – Мы под кайфом.

Да, он понимал это. Он понимал совершенно все и чувствовал себя чертовым гением. Границы сознания были открыты настолько, что сложно было поверить. Казалось, задай ему сейчас сложнейшую задачу, он ее решит. В это было сложно поверить, да. Но он знал все и в то же время не знал

ничего. Он умел все, но не умел ничего.

Они были между двумя мирами. И если Том знал ощущения от других наркотиков, когда чувствуешь, что вещество внутри тебя, то здесь... Здесь они были гостями в другом мире. В потрясающем мире.

Том закрыл глаза, глубоко вдохнул свежего воздуха. Почувствовал, как руки ветра касаются его волос. Ему так хотелось говорить. Слова буквально рвались сквозь его зубы и не было сил их сдерживать.

– По-моему, Рейчел запала, – проговорил Том, открыв глаза. Перед ним разваливались и заново строились дома, но он просто стоял и смотрел на это зацикленное действие.

– Скотти такая же дерзкая, неудержимая. И с надменным лицом, – заметила Лиа.

– Ее лицо называется «сука-лицо», – усмехнулся Томас. – А у тебя как с Уиллом? – спросил парень погодя, совершенно не осознавая, что говорит.

– Он козел, – буркнула девушка. – Он запрещал мне общаться с тобой. Подозревал, что ты и можешь быть убийцей. Что ты псих и наркоман.

– Он чертов урод, – чуть ли не рыкнул Томас. – Ненавижу его просто всем своим сердцем.

– Успокойся, – проговорила девушка. Том краем глаза заметил, как Лиа наклонила голову, посмотрела на него. – Почему ты отрицаешь любые отношения?

– С чего ты взяла?

– Мне Рейчел сказала.

Томас помолчал буквально секунду. Чертовы таблетки действовали как слабительное для слов.

– Это не дословная цитата, но все же слова Клайва Льюиса: «Полюби кого-нибудь, и твое сердце, возможно, будет разбито. Если хочешь сохранить его, ты не должен его никому отдавать. Осторожно заверни его в хобби и немного роскоши. Обезопась его, закрой в гробу из своего эгоизма. Но оно изменится в этом гробу. Оно не будет разбитым, оно станет небьющимся. Любить, значит быть уязвимым».

– Это ведь слабость, – моментально отозвалась девушка. – Ты один раз оступился и теперь закрылся вовсе.

– Давай ты не будешь меня учить? – лениво проговорил Том. – Я разберусь, как мне жить.

– Ты ведь еще молод, – продолжала Лиа. – Ты классный парень, который пользуется спросом у девчонок. Неужели из всех, с кем ты спал, не было ни одной, которой ты бы хотел открыть свое сердце.

– Есть, – бросил парень. – Но я все равно против отношений.

– Почему?

– Я боюсь, – выпалил он. – Это чертовски больно. Я не хочу больше ощущать то, что ощутил при расставании с Элисон.

– Все расставания такие. Всегда больно, но время лечит, – продолжала говорить Лиа. Ее голос звучал мягко, плавно,

лаконично. Тембр ее голоса был бархатом и шелком одновременно. Тому хотелось закончить этот разговор, но так хотелось говорить и так хотелось ее слушать.

– Сколько раз ты расставалась? – спросил Том.

– Однажды, – ответила девушка. – Мы встречались около года, когда мне было пятнадцать. Все было идеально, и причина для разрыва была совершенно глупая...

– Какая?

– Я не давала, – честно ответила она. – Он был старше меня на два года, а я была не готова. Я и сейчас, наверно, не готова.

– Ты девственница? – спросил Том. – Удивительно даже. Ты бережешь себя для кого-то особенного?

– Не знаю, я просто не готова, – пожала плечами Лиа. – Так почему ты отрицаешь отношения?

Разговор пошел, как день сурка. Они говорили об одном и том же, иногда даже одними и теми же словами. И им хотелось бы поменять тему, они даже пытались, но не могли. Разговор все равно сходился к одному и тому же, пока в комнату не завалилась Рейчел.

– Том? – произнесла она. – Я напилась и обдолбалась. Уложишь меня спать? Надеюсь, вы тут не голые, потому что было бы неловко.

Том отошел от окна, оставив Лию смотреть на разрушающиеся и строящиеся обратно дома. Рейчел едва стояла на ногах, а Томас постепенно начинал возвращаться к реальному

миру. Пол все еще был мокрым, скользким, местами мягким, как матрац, но люди уже становились похожими на людей. Он знал, что нужно делать, а не стоял посреди комнаты, не понимая, что от него хочет беззащитная Рид.

– Том? – позвала Рейч, когда Том подвел ее к раскладушке, купленной специально для девушки. – Я тут подумала...

– Страшно представить.

– Я болтала со Скотти, а потом отошла в туалет, – растягивая слова, запинаясь, начала говорить Рейчел. Тем временем Том пытался помочь ей раздеться и уложить, – и мне в голову, сидя на унитазе, пришла мысль. Тебе понравится, – девушка легла на кровать, Том укрыл ее одеялом, не придавая значения словам. – Наклонись, – попросила Рейч. Парень наклонился, и она поцеловала его в щеку, потом рассмеялась. – Я спросила у Скотти про ту хрень, что убийца колет своим жертвам. Она сказала, что были такие заказы через Митча. И я подумала, он наверняка ведет какой-то учет прибыли, заказов и всего остального. Если ты найдешь эти записи, то мы можем выйти на того, кто покупает эту хрень для убийцы. А может, и самого убийцу.

Томас был не в состоянии понимать и принимать информацию. Он услышал, но не отобразил, к чему вела девушка. И пусть она говорила прямо и без намеков, Том все равно ничего не понял.

– Ты пьяный гений, Рейчел Рид, – улыбнулся Том. – Спи, обсудим это завтра.

– Спокойной ночи, Томас «вечно-недовольная-рожа» Хэйз.

ГЛАВА 6

1

Утро выдалось тяжелым. Сначала Лиа не могла открыть глаза, затем, поднявшись, ее атаковала сильнейшая головная боль, во рту ужасно пересохло, голову кружило. Она проснулась самая последняя. Все, кто остался вчера на афтепати, сейчас сидели на диванчиках среди пустых бутылок из-под воды.

Лиа плелась медленно, держась за голову. Скотти первая заметила ее, тут же протянув полную бутылку прохладной воды. Она улыбалась: хитро и довольно. У остальных вид был помятый. Возможно, еще клево было Рейчел, закинувшей ноги на колени Томаса. Она приложила бутылку к голове, посмеиваясь, рассказывая шутки со вчерашней вечеринки. Рид легла спать спустя примерно два часа после начала, но рассказать ей было, казалось, больше, чем всем остальным.

– Ты мой герой, – произнесла Лиа, отпив воды из бутылки.

– И твоя погибель, – подмигнула Скотти. – Как состояние?

– Отвратительно.

– Если хочешь, чтобы вечером было хорошо, готовься страдать весь последующий день, – проговорила девушка так, будто произносила это тысячу раз.

– Она сказала это за утро каждому, – заметил Томас. –

А можно как-то избавиться от этого побыстрее? У меня сегодня много дел.

– К игре должно пройти, – проговорил Пит, постанывая.

Томас выглядел недовольным. Лиа вспомнила, что вчера он говорил о похоронах, на которые ему нужно ехать с утра. Они о многом вчера говорили, прежде чем уложить Рейчел спать. Нет, говорили они много, но об одном и том же. Девушке даже сделалось неловко из-за того, что она так настойчиво спрашивала его об отношениях.

И все же она не понимала Тома. Почему он так резко отказался от любых душевных связей? Ведь он не отказался от половых, почему он не хочет хотя бы немного романтики? Неужели ему не нужно чувствовать себя любимым и любить в ответ? Неужто он настолько боится быть преданным, что... что не боится разбить кому-нибудь сердце? Например, Лие?

Нет, она не любила его. Но парень ужасно нравился белокурой девушке. По Лие можно сказать, что она из тех девушек, что хотят, чтобы за ними бегали, чтоб их добивались. Но ей не приносили удовольствия ухаживания Уилла, зато завлекала перспектива спасти Тома, помочь ему почувствовать, влюбить его в себя. «Влюбить в себя? – оступилась мысленно девушка. – Звучит как ужасный коварный план». Нет, все не то. Она хотела его разгадать.

Хотя бы получить ответ на один из вопросов. «Нравлюсь ли я ему?» – хотя бы на этот. Большого и не надо было, лишь понять, что он за человек. За вчерашний вечер она

услышала от него много интересных глубоких цитат, и с каждым новым словом поражалась все больше его душевной глубине. С первого взгляда он казался просто самоуверенным парнем, который многого добился, любит одноразовые встречи в кровати, алкоголь и свой мод. Но под всем этим срывалась ранимая, умирающая душа. Он ведь не достоин этого. Почему он так сломлен?

Уилл часто называл Томаса «недопарнем» или ставил вопросительную интонацию после слова «парень». Почему? Неужели он знал больше, чем она? Если подумать, Том и правда чем-то отличался от обычных парней. В школе она думала, что он гей, ибо большинство его друзей были девочки. Теперь же у него были друзья и парни, но самая близкая все равно Рейчел.

«Ты такой космос, Томас Хэйз, – думала Лиа, сидя рядом с ним. – Эталон загадочности и непредсказуемости».

2

Том стоял напротив зеркала. Когда он последний раз надевал этот костюм? Такой приторный, вычурный мальчик. С идеально уложенными волосами, глаженной рубашке, свежем пиджаке. От него пахло порошком и одеколоном, в комнате стоял туман.

– Тебе очень идет этот костюм, – прозвучал голос из-за спины.

– Ты всегда так говорила, – ответил он. – Я помню твой взгляд, когда впервые надел его.

– Ты был счастлив от того, как на тебе сидела рубашка, – произнесла девушка.

Том вздохнул.

– Наверно, я надену его в последний раз на твои похороны, Элисон, – проговорил он, опустив взгляд.

Такая дикость. Он разговаривал с ней, видел ее уже целую неделю. Но не мог к ней прикоснуться, она всегда была недосягаема. «Это просто фантазии, – говорил Том себе. – Она кажется тебе». «Тогда почему моя комната пахнет вновь ее духами?» – отвечал парень сам себе, ударяя кулаком по стене. Его руки были ни на что не похожи. Косточки выступали слишком сильно, некоторые сместились, были ужасно синими. Но это было единственное средство для приглушения боли, доступное двадцать четыре часа семь дней в неделю.

Чертова галлюцинация, но такая живая. Вот она стояла перед ним, правда, не могла помочь завязать галстук. Том не мог подойти и обнять ее. Зато она смогла подойти к нему, поцеловать в щеку, но Томас не почувствовал прикосновения ее губ, лишь судорожное чувство внизу живота. Такое, какое часто появлялось раньше, стоило девушке поцеловать его.

– И куда ты его потом? – спросила Элисон, глядя на отражение парня.

– Куплю новый, – бросил он. – Этот становится маловат, я все-таки расту.

– Ты удивительный, Томми, – проговорила девушка.

– А ты всего лишь галлюцинация, – резко повернулся Томас лицом к девушке. – Я попрощаюсь с тобой сегодня, и ты больше никогда не придешь в мою жизнь.

Девушка, хлопая глазами, продолжала смотреть на него.

– Ты умерла, прекрати мучить меня.

– Ты сам себя мучаешь, Томми, – ответила Элли.

Томас сжал кулак, стиснул зубы.

– Ты думаешь, я неугомонный призрак, который решил докучать тебе? – с грустной улыбкой произнесла она, откинув назад темные волосы.

Она была рядом всю неделю. Появилась неожиданно ночью, когда Том проснулся от очередного кошмара. Рейчи спала на раскладушке, резкое движение парня не разбудило ее. Она не слышала, как Томас, не веря своим глазам, шепотом разговаривал с призраком в темноте.

Затем она появлялась в самое непредсказуемое время. Разговаривала с ним, подсказывала на уроках. Том знал, что это лишь его подсознание, но это было так реально и одновременно ненормально. Никто не знал об этом, даже Рейчи.

Элисон сидела даже на пустых трибунах во время тренировок, и Том чувствовал ее мягкий взгляд. Нет, неживой, несуществующий более взгляд. Питер лишь один раз спросил, куда он смотрит, когда Том заметил ее там. Томас лишь отмахнулся.

Она лежала на кровати рядом с ним, рассказывала что-то вечерами, пока Томас не засыпал. Она заглядывала в те-

лефон парня, когда тот переписывался с Лией. Они прообщались весь вечер, и Том был очень благодарен Лие за этот разговор. Он спас его от вечного наблюдения нависшей рядом Элисон.

Было даже больно называть ее этим именем. Это всего лишь призрак. Ее тело готовилось к похоронам. Никто ее не видел. Она была мертва. Зачем она здесь?

– Ты выдумал меня, потому что не можешь отпустить, – ответила на свой же вопрос девушка.

– Замолчи, – рыкнул Том. – Сегодня ты уйдешь.

Приоткрылась дверь. Парень увидел в щели светлые длинные локоны.

– У тебя все в порядке? – спросила Лиа. – Я хотела забрать свой телефон, извини.

– Ты не сможешь мне завязать галстук? – спросил Томас.

Лиа улыбнулась. На ее щеках появились милые ямочки.

– Я завязывала галстук отцу и брату, – тихо сказала девушка, касаясь шеи парня. – Даже забавно, что девушки умеют завязывать, а парни нет.

– Ты не сможешь ее полюбить после меня, – прошептала ему на ухо Элисон. Том напрягся, чуть вздрогнул. Лиа поглядела на него насторожено, но он мотнул головой. – Ты хочешь открыть ей свое сердце, ты доверяешь ей, но боишься, что она разобьет его тебе.

– Что-то не так? – спросила Лиа, видя чуть ли не сморщенное лицо Тома.

– Нет, все в порядке, – вымолвил парень. – Я волнуюсь, и голова болит. Ты придешь на сегодняшнюю игру?

– Да, – кивнула девушка. – Это будет нечто, я чувствую.

– Почему?

– Ты играешь против Уилла. Уилл играет против тебя, – пояснила она, а затем, пожав плечами, добавила еще: – вы ненавидите друг друга, будет интересно посмотреть на такое противостояние.

– Боишься, что разобьешь свое сердце, а не боишься, что сделаешь больно ей? – продолжала шептать Элисон.

– И на кого ставишь? – игнорируя галлюцинацию, спросил Том.

Пальцы Лии ловко справлялись с галстуком, который казался Томасу неподвластным змеем на ее шее. Девушка смущенно улыбалась, а парень никак не мог отвести грустного взгляда от ее ямочек.

– Я не любитель ставок, – ответила Лиа, закончив дело. – Просто посмотрю.

– Томас, я готова, – раздался голос Рейчел. И тут же она показалась в двери.

Черное облегающее платье выше колена со шнуровкой на спине, колготки в мелкую сетку и высокий каблук. Рейчи любила выглядеть эффектно всегда, даже когда этого не требовалось. Казалось, будто она шла затмевать всех плачущих людей. Том улыбнулся.

– Ух ты, – выдала Лиа. – Потрясающе выглядишь.

– Еще бы, – довольно и самовлюбленно ответила Рид. – Интересно, я тебя когда-нибудь в платье увижу? Если у тебя нет, то хватай меня и поедem подбирать тебе платье хоть завтра.

– У меня есть, – улыбнулась Лиа. – Но как-нибудь мы съездим.

– Все, едем? – спросил Том, беря в руку ключи.

– Едем, – кивнули девушки.

3

На небе не было и облачка. Чистое, голубое – оно простиралось до самого горизонта, словно летом. Однако дул ветер, Том недовольно каждые три шага убирал выбивающуюся прядь. В руках у него были розы. Строгие, бордовые розы. Элисон любила розы.

Элисон лежала на груди парня, упорно листая картинки в телефоне. Том перебирал ее волосы, запускал в них пальцы, игрался, вдыхал запах духов и шампуня с запахом цитруса. Девушка чуть не подпрыгнула на месте, найдя нужную картинку.

– Вот такой цвет мне нравится, – она протянула телефон Томасу.

На экране были розы определенного строго бордового цвета, насыщенного, сладкого.

– Хорошо, я запомнил.

Каждый раз, когда Том хотел подарить девушке цветы, он покупал только такие и никакие больше. Были розовые, бе-

лые, желтые, красные, как кровь или любимый цвет помады Элисон, но он просил только бордовые. И теперь он решил купить их в последний раз.

В церкви уже было много людей. Все друзья Элисон, ее родственники, даже малыш Билли. Он сидел на скамейке и смотрел на закрытый гроб. Ему рассказали. Том и Рейчел шли неспеша, девушка опиралась на руку парня. Они остановились у гроба.

– Хорошо, что он закрыт, да? – раздался голос Элисон рядом. Том вздрогнул, а Рейчел сильнее сжала его плечо.

Да, хорошо, что так. Том не смог бы посмотреть на нежилое тело девушки. Она выглядела бы как кукла. Выглядела бы идеально, скорее всего, замазали бы даже ее небольшой шрам под губой, который остался от юношеского прокола. Она выглядела бы не так, как раньше. Отливала бы синим... Томас поежился.

Он положил цветы на крышку гроба и поспешил отойти к семье Херст. Билли первый его заметил, соскочил со скамьи и подбежал.

– Я так рад, что ты пришел, Том, – проговорил он. – Ты знал, что?..

– Да, мне так жаль, Билли, – произнес Томас, прижимая парнишку к себе.

– Томас? – раздался твердый громкий голос мистера Херста. – Рад тебя видеть, спасибо, что пришел.

Том пожал ему руку, кивнул.

– Как вы? – спросил он. – Миссис Херст, – Том вновь кивнул.

– Томас, Рейчел, спасибо, что пришли. Это действительно очень важно для нас, – ее глаза были полны слез. Еще бы, слушать столько времени от каждого, кто подходит, слова соболезнований. – Рейчел, ты, как всегда, выглядишь потрясающе, – женщина даже улыбнулась.

– Ради вашей улыбки, миссис Херст, я так и оделась, – ответила Рид. Иногда она могла быть хорошей. – Соболезную вашей утрате.

– Никогда не понимал, почему так говорят, – проговорил мистер Херст. Том робко улыбнулся.

– Так говорят, потому что не знают, что еще можно сказать, – ответил Том, поняв, наконец. Ему нужно было столько раз услышать эти слова только для того, чтобы понять, почему люди говорят их.

– А как же: «И что ты сейчас будешь делать?» или «Ты скучаешь по ней?» – недовольно проговорил мужчина и отошел в сторону.

– Он на нервах, не обижайтесь, – грустно пояснила женщина. – Уже пора начинать. Где вы будете сидеть?

– Там, – Томас указал за самые дальние места.

Обычно самые близкие сидят в первых рядах, но Том не считал себя близким Элисон уже год. Его место было среди всех тех, кто просто соболезновал, кто знал Элисон достаточно, чтобы просто быть на церемонии. Если не дальше.

Они с Рейчел неторопливо ушли, сели на скамью, Том уставился вперед.

– Хочешь? – спросила Рейчи, достав из сумки флягу.

Том кивнул и немного отпил.

– Если бы Элисон не была тусовщицей, я бы не притащила сюда коньяк, – проговорила Рейч на ухо парню. – Ты приготовил речь? – Том покачал головой. – Знаешь, Хэйз, я никогда не осуждала тебя и сейчас не осуждаю, но не нужно стучаться в закрытую дверь, за которой никого нет.

Том поглядел на нее без слов.

– Я о том, чтобы ты отпустил уже Элисон, – с грустно сведенными бровями посмотрела девушка на друга. – Мне жаль тебя, Том. Впереди только всего может быть, рядом с тобой есть девушка, которая хочет тебе помочь, но ты держишься за человека, что дважды ушел из твоей жизни. И теперь навсегда.

Томас молчал.

Панихида началась, когда все уже сидели. Стало тихо настолько, что Хэйз слышал биение собственного сердца. Том не вслушивался в слова чтений и песен, но не улавливал смысла. Он вернулся в реальность только тогда, когда пришла очередь гостей говорить речь.

– Кто-нибудь хочет сказать слова об усопшей? – спросил святой отец у гостей. Том резко поднял руку. Он чувствовал, как тень Элисон стоит над ним. Ощущал ее холод, слышал тихие всхлипы. У него не было речи, но парень не мог отпу-

стить ее без этой церемонии.

Оборачиваясь назад, якобы на Рейчел, Том увидел, как Элисон садится рядом с подругой. Рейчи кивнула ему, и Том, взбираясь на небольшую сцену, повернулся лицом к гостям. Все выжидающе смотрели на него, а парень чувствовал, как предательски подкашиваются его колени. Сглотнув, Томас заговорил.

– Ты была, а потом исчезла. Ты забрала мое сердце, но не отдала свое. Я говорил, что это любовь, поэтому я оставался. Возможно, я ошибся. Возможно, этого было много, или, наоборот, мало. Но я никогда не забуду, как ты заставляла меня чувствовать, будто ты – все, что у меня есть, – Томас выдержал паузу. Он посмотрел на Элисон, а она смотрела на него. Ее глаза слезились, она улыбалась. Слезились и у него. – И так же никогда не забуду, когда из-за тебя почувствовал себя ничем. Ты дважды ушла из моей жизни, а я каждый раз отчаянно кричал твое имя в пустоту. Но было поздно – ты ушла уже слишком далеко, – Том поглядел на гостей. Их лица выражали самые разные эмоции: от удивления до полного непонимания. – Я перестал бояться темноты, но если бы мне сказали, что это единственный путь тебя вернуть... Я бы не разогнался и не нырнул с головой в эту темноту.

4

Игра закончилась победой колледжа. Томас не ожидал такого поворота, ведь чувствовал себя совершенно не гото-

вым к этой схватке. Его голова раскалывалась, а угрозы Уилла прямо на поле выбили его из колеи. Однако все произошло иначе. Слова Симмонса добавили Тому воли к победе, желания надрать этим выскочкам задницы. Так и произошло.

После игры, после награждения, девочки подкараулили Томаса и Питера на входе в раздевалку. Рейчел бросилась им на шею, поцеловала в щеку, пищала: «Как же я рада, что вы надрали трусливые задницы Волков». Лиа стояла и улыбалась, время от времени поглядывая куда-то. Томас обернулся. Он видел недовольный взгляд Уилла и Фиби, стоящих в нескольких десятках метров от них.

– Забей, – произнес Том. – Поедешь в Бар с нами?

– Да, – кивнула Лиа, еще раз взглянув на Уилла. – Где-то еще должна Скотти подъехать.

– Угадай, откуда мы знаем? – спросила Рейчел.

– Откуда? – с наигранным удивлением произнес парень.

– Она мне позвонила, – пританцовывая, закусывая губу, сказала Рейчи. Питер рассмеялся.

– Идите пока в машину, мы скоро подойдем, – скомандовал Томас, хлопая Питера по плечу. Они разошлись.

Быстро скинули с себя грязные потные вещи, ополоснулись и переоделись. Нельзя было заставлять девочек долго ждать. Они всей командой вышли из раздевалки, подбадривая друг друга, громко крича кричалки горячих черлидерш, смеясь и хлопая друг друга по спинам. Парковка была уже

пустой, когда они подошли. Неужели они были так далеко? Или все так быстро уехали? Они остановились, стали прощаться, пытаясь пересилить желание еще постоять пару минут, пообсуждать прошедшую игру.

– Никто не хочет затусить сегодня в Баре? – предложил Том. – Отпраздновать хоть.

Многие согласились. Договорились на десять часов вечера, чтобы все успели съездить до дома, переодеться, принять душ. Те, кто ломался, еще могли передумать. Да и Том успел бы все приготовить. Они были уже готовы расходиться по машинам, как их окликнули.

– Эй, вы! – раздался грубый голос. Все обернулись. – Среди вас есть те, кто сидит на наркоте. Жрать амфетамин перед игрой не спортивно, парни.

– Ну и кто из нас? – вступился Питер.

– Ты, к примеру, Пит, – вышел Уилл. – Или твой... друг, Том.

Он попытался сорвать рюкзак с плеча Питера, но тот сделал шаг назад, а потом и вовсе толкнул Уилла в грудь. Уилл ударил первый, рюкзак с плеча Питера свалился, а сам парень бросился на противника.

Все произошло так быстро, и вот Том уже посередине урагана. Чуть меньше двадцати человек столкнулись на парковке из-за какой-то глупости. Нет, не глупости. Волкам обидно. Обидно, что их раздавили. Какой интересный выбор продолжения игры – самый не спортивный.

На Тома набросились трое, среди них Уилл: двое спереди, Уилл с тыла. Том мгновенно нырнул вниз, и рука, с чем-то зажатым в кулаке, пролетела на сантиметр выше. Томас тут же выпрямился и ударил куда-то в сторону. Раздался хруст ломающегося хряща.

Парень снова увернулся, но неудачно. Тяжелый кулак прилетел ему в живот, он согнулся пополам. Следующий удар пришелся по приоткрытой челюсти, послышался только звук удара зубов друг об друга.

Он был вымотан, спину в самый неподходящий момент свело судорогой. Один из команды в самый последний момент налетел на Уилла, схватил его за шею, потащил от Томаса. И в момент, когда они сцепились в драке, кто-то ударил Тома по голове, схватил за шею и стал душить. Парень сопротивлялся, пытался вырваться, но чем больше старался, тем хуже становилось дышать.

– Послание для тебя от Босса, – прошептал ему голос на ухо. Чертовски знакомый голос, но Том не мог узнать его. Его заглушали крики и гул драки, звон в ушах парня и явно немного измененная интонация говорящего. – Если дорожишь своей подружкой Рейчел Рид, то прекрати общение с Лией. Иначе Рид станет следующей, на чьи похороны ты будешь собираться.

Томаса отпустили, пнули в спину. Он не успел подставить руки и впечатался щекой в асфальт.

– Надеюсь, ты уловил смысл, – прозвучал голос еще раз,

и крепкая рука взяла его за волосы. – Короля свергли, – нападавший ударил Томаса головой о землю, тот мгновенно отключился.

5

– Я сама! – рыкнула Рейчел, таща на себе тело Томаса. Лиа хотела помочь, но Рейчел защищала его ото всех, словно Бульбуль, крутящийся под ногами. Рейчел отгоняла всех, убирала руки от Тома со злым и напуганным взглядом.

Она захлопнула дверь, оставив всех в непонимании. Питер умылся, ему досталось куда меньше, чем Томасу. Скотти перехватила их у самого входа в клуб и непонимающе смотрела на происходящее. Она пыталась подбиться к Лие, но та слонялась из угла в угол, пытаясь присесть хотя бы на секунду, но тут же срывалась с места.

«Симмонс урод, козел, ненавижу» – думала она, сведя брови. Если бы он был сейчас рядом, то девушка наверняка бы попыталась его ударить. Нет, с ее маленьким ростом она не достанет кулаком ему даже до подбородка. Даже если подпрыгнет. Будет выглядеть, как чихуахуа, лающая на слона. Там было около десятка человек, но Лиа ненавидела только Уилла. Наверно, потому что Питер назвал только его. Парень рассказал все сумбурно, говоря, что и сам не понял, как все произошло. Он запинаясь, путался в показаниях, сбивался. Затем замолчал, взявшись за голову. Лиа решила, что ему крепко ударили и не стала докучать.

Рейчел не было никакого дела до того, кто кого бил. Она

ехала на заднем сидении, постоянно прощупывая пульс Тома, пыталась услышать его дыхание. Питер постоянно говорил: «Его просто избили, не убили же». Лиа же сидела, как окаменевшая. Она хотела бы броситься к Тому, но не знала, что нужно делать. И была уверена, что Рейчи лучше справится. «И как ты тогда хочешь его спасти, если не можешь даже помочь?» – думала она в приступе какой-то паники.

Со временем все успокоились, Скотти усадила Лию на диван, принесла ей стакан воды, устроилась рядом. Питер достал из кармана купюру, убрал ее куда-то за барной стойкой и взял с полки бутылку виски.

– Выпьете со мной за победу? – спросил он замученным голосом. Лиа отрицательно кивнула, Скотти согласилась. Они выпили. Лиа сидела, уставившись в пол, нервно кусая губу до крови, и думала, почему Рейчел не пускает их в комнату. Ее не было долго, но вскоре она вышла.

– Как он? – тут же спросила Лиа.

– Нормально, – ответила девушка, быстро отпив виски из горла. – Мне нужно покурить.

Девушка упала на диван, зажала одну из сигарет в зубах. Ее лицо вновь стало таким же, какое было прежде. Надменное, самоуверенное. Она смотрела на Скотти, выпуская тонкие колечки дыма, но Лиа видела, как дрожали ее руки.

– Он и не в такие драки попадал, – проговорила Рейчел. – Бывало и хуже, так что он справится. Правда, лицо у него будет выглядеть отвратительно, но он явно кайфушек словит

от своего отражения.

– Почему? – непонимающе усмехнулась Скотти.

– Этот дурак постоянно тащится от синяков на лице, царапин, – Рейчел сделала еще одну затяжку, помедлила, прежде чем продолжить. – Любитель боли, чертов фетишист, эстет.

– Я видела, как он дерется. Тогда, в клубе, – сказала Лиа, оторвавшись от собственных мыслей. – Почему сейчас так?

– В клубе он дерется один на один, – ответила Рейч, туша сигарету. – Когда на него нападают толпой, он не может сориентироваться. Не знаю, почему, столько драк уже уличных пережил.

Лиа вспомнила, что его часто били во времена учебы. Ей хватило одного года – года, когда Том выпускался, – чтобы понять, кто в этой школе аутсайдер. Его действительно забивали толпой или по три человека, а остальные просто подстрекали. Но он не был ботаником или заучкой, не так уж и сильно докучал с фотоаппаратом и обычно просил разрешения на фото. Девушка не понимала, за что его так не любили.

Они просидели около часа, и Рейчел немного выпила. У Лии был шанс пройти в комнату. Ей хотелось знать, что скрывает Рейч ото всех. Это было неправильно, но ноги сами произвольно вели ее к двери.

В коридоре было темно, Лиа, светя себе телефоном, пробиралась к двери в спальню. Она помедлила, прикоснувшись к ручке.

«Может, Рейчел не просто так что-то скрывает? Может, не стоит? Может, нужно вернуться? Может, довериться Тому или Рейч, они сами расскажут? Может, мне нужно это знать, чтобы помочь ему? Может, это важно?» Недовольно помотав головой и растрепав светлые локоны, Лиа открыла дверь.

Там был приглушенный свет от настенных ламп, которые Лиа обычно не замечала. Медовый свет, совершенно не свойственный Томасу, любящему неон, освещал его кровать. Он лежал прямо на спине, слегка наклонив голову и приоткрыв рот. Лицо его было в царапинах, но без крови и грязи – Рейчел все убрала.

Он лежал беззащитно, словно ребенок, откинув одеяло, которым Рид его накрыла. На нем не было футболки, и глаза Лии быстро пробежались по его торсу. На правом ребре была татуировка с воткнутым в сердце ножом и лентой, опоясывающей все это. На ней надпись: «Никогда не люби».

«Радикально» – ответила девушка, пробираясь выше.

Ее взгляд остановился на груди парня. Дыхание замедлилось, в горле встал волнительный ком. Вот что Рейчел срывает. Шрамы под грудью Томаса.

ГЛАВА 7

1

«...прекрати общение с Лией» – пронеслось в сознании Томаса. Он чувствовал себя выжатым, однако мог точно сказать, что выспался за всю последнюю неделю. Парень под-

нялся, потер глаза и тут же сморщился от боли, что уколола его лицо.

«Если дорожишь своей подружкой Рейчел Рид, то прекрати общение с Лией. Иначе Рид станет следующей, на чьи похороны ты будешь собираться» – слово в слово вспомнил юноша. Рейчи была ему чертовски дорога, и рисковать ею он не мог. Но и отказаться от Лии тоже.

«Я знаю ее пару недель, а Рейчел несколько лет, – размышлял парень. – Так почему это проблема вагонетки?».

Томаса не устраивал ни один из вариантов. Ему нужен был третий, и в отличие от теоретической «проблемы вагонетки», у него была возможность что-то придумать. Защищать их обоих? Нет, убийца явно не желает смерти Лии. Защищать стоит только Рейч. А не солжет ли он? Кто давал гарантию, что убийца не притронется к Рид? Ведь девушка сама говорила, что она все вместе в одном флаконе. Да еще и с посыпкой в виде нетрадиционной ориентации. Вдруг, убийца и это считает грехом?

Одно из вчерашней потасовки было полезным: сузился круг подозреваемых. Этот некто заботится о Лие, был в тот момент на парковке. Уилл? Оставалось лишь найти записи в записной книжке Митча. Если там будет имя Симмонса, то не останется никаких сомнений. Дверь тихонько приоткрылась.

– Уже проснулся, – заметила Рейчел, закрыв за собой дверь. – Наверно, не стоит говорить это сейчас, но раз я уже

начала...

– Ну?

– Лиа знает о тебе.

Сердце Тома сжалось, к горлу подступил удушающий ком.

– Что, прости? – переспросил он. – Что знает?

– О тебе знает, – повторила девушка. – Я вчера не закрыла дверь в твою комнату, а она сунула нос не в свои дела и, когда я напилась, пошла выискивать о тебе информацию.

Голос Рид дрожал от злости, но глаза ее были взволнованными. Это был их общий секрет. Только трое знали о настоящем имени Тома, о его биологическом поле, обо всем. Сам Томас, Элисон и Рейчел.

Парень покачал головой.

– Ты хочешь сказать, что она сама тебе в этом созналась?..

– Когда я вернулась в комнату, чтобы лечь спать, то она лежала рядом с тобой, – размахивая руками, говорила Рейч. – Я не стала ее будить, но утром поймала на кухне. Ну, как утром, вот час назад.

– И что?

– Я спросила напрямую. Она призналась.

«Было бы в чем сознаваться, – подумал Том. – Ее поймали с поличным».

– Я надеюсь, вы поговорили спокойно? – настороженно спросил Том, поднимаясь с кровати. Он отпустил ноги на пол, прохрустел всеми позвонками, поморщился. Он видел неловкость на лице девушки. – Черт, Рейчел. Где она?

– На кухне, – бросила Рид. – Том, я просто разозлилась...

– Все в порядке, – на ходу ответил парень и оставил по-другу в комнате.

Он впервые вышел из комнаты без футболки, зная, что у него дома кто-то кроме Рейчел. Никто не знал, никто. Это не укладывалось в голове, но Том продолжал лететь по коридору. Он резко остановился на входе. Лиа разговаривала по телефону, шмыгая носом. Она сидела, опустив голову. Сердце Тома сжалось.

– То, что мне сказала Рейчел правда? – сходу спросил он, стоило девушке отложить телефон.

– Да, – буркнула она.

«Это идеальный момент», – подумал Том. Но он не мог прогнать девушку, не мог. Но и оставить тоже был не в силах. Убийца не тронет ее, а вот Рейчел в опасности.

– Почему ты постоянно суешь нос не в свои дела? – выдал он бесстрастно, стараясь не выдавать дрожи в голосе. – Если Рейчи что-то скрывает, значит, не просто так.

– Я не знаю, – сквозь зубы процедила Лиа. – Я просто... Я хочу помочь тебе, но совершенно тебя не знаю.

– Мне не нужно помогать, Лиа, – Том сделал шаг к девушке, но тут же вернулся. Ему нужно было разорвать с ней связь, но его чертовски тянуло к ней. – Если бы я посчитал нужным сказать тебе это, то я бы сказал.

Девушка подняла на него заплаканные глаза. Томас нахмурился.

– Я не могу сидеть и смотреть на то, как ты умираешь, – выпалила Лиа. – Я думала, проблема только в Элисон, но теперь, как оказалось, проблема еще и в... этом? – она махнула рукой на шрамы Тома. – Поэтому ты не раздеваешься, когда вводишь девушек в свою комнату?

– Это не твое дело, – рыкнул Томас.

У него было много проблем, связанных с этим. Элисон и Рейчел были единственным исключением из правил. Даже его собственные родители отвернулись от него, не сумев принять сына вместо дочери. Мать обвиняла его в том, что отец болеет из-за потрясения, что парень принес в дом.

В школе те, кто знал, издевались над ним. Такие, как Уилл. Просто ловили где-нибудь за углом, расспрашивали, пытались прощупать грудь или найти член. Насмехались, били, чтобы не рыпался. Конечно, Том предпочел скрывать это.

Элисон сразу знала об этом от Уилла. Рейчел узнала случайно, залетев в комнату Тома, когда он переодевался. Тогда у него еще не было операции, ему приходилось носить тугую утяжку, лишь бы скрыть грудь. И в момент, когда он пытался натянуть топ на себя, Рид поймала его. Они обсудили это вечером за бутылкой вермута с соком: Томас рассказал все, Рейчел задавала вопросы, кивала, злилась на несправедливость.

После этого они втроем решили, что это тайна. Рейчел стала Тому самым близким другом, а Элисон была лю-

бимой девушкой. Единственная его поддержка. Теперь осталась лишь Рейчел, готовая с пеной у рта защищать этот секрет.

– Закрывать себя в себе настолько сильно, Томас, это большая глупость, – проговорила Лиа. – Вокруг тебя столько людей, готовых помочь, которым можно довериться, но ты игнорируешь их всех.

– Единственная глупость здесь только ты, – сказал Хэйз, глядя прямо в глаза девушки. Она не верила своим ушам, пыталась найти хоть что-то во взгляде Тома.

Они молча смотрели друг на друга. Парень мысленно просил, чтобы девушка быстрее собрала вещи, быстрее уехала. «С ней все будет в порядке» – думал он. Лиа разочарованно покивала, встала со стула и быстро, обойдя парня, ушла из кухни. Том слышал только то, как закрылась дверь.

2

Лиа приехала в общежитие. Она надеялась, что сумеет проскочить в свою комнату незаметно. Меньше всего на свете ей хотелось сейчас встретить Фиби или, того хуже, Уилла. Она держалась весь путь в машине, чтобы не разрыдаться прямо в такси. Но теперь, из последних сил сдерживая слезы, она через ступеньку поднималась на свой этаж.

Она не понимала, что испытывает по отношению к Томасу. Узнав о нем то, что тщательно скрывалось, девушка была поражена. Лиа видела в Томе простого парня, но оказалось все совершенно иначе. Теперь она знала о нем то, что так

хотела узнать. И эта правда оказалась горькой. Что ей теперь делать?

Он нравился ей, чертовски нравился. И сердцем она понимала, что плевать на это, плевать, что он «необычный» парень. Но мозг диктовал, что стоит отступить от идеи спасти его. Это его дело, и не спасти того, кто сам не хочет быть спасённым. И, рассматривая возможность быть с ним, девушка пугалась. Все-таки Том не парень.

Лиа закрыла за собой дверь, упала лицом в подушку и заплакала. От бессилия? От обиды? От разочарования? Томас прогнал ее, назвал единственной глупостью. Лиа понимала, что никогда не была нужна ему. Никогда, черт возьми.

Тогда почему Рейчел говорила, что они нравятся друг другу? Это ведь не правда. Если бы Том дорожил Лией, то не поступил так. Что бы он сделал? Поговорил с ней? Обнял? Успокоил? Да что-нибудь, но не то, что сделал.

Лие потребовалось время, чтобы успокоиться. Ей стоило сесть за задание, которое должно быть выполнено к завтрашнему дню, но не хватало сил даже подняться с кровати. Девушка просто лежала и смотрела в окно. Это напоминало ей тот вечер, когда они несколько минут разговаривали об одном и том же.

Тогда девушка подумала, что она именно та, кому Том хотел бы открыть свое сердце. «Какая я глупая, – думала Лиа. – И точно, я – единственная глупость. Кто просил меня совать свой нос, куда не просят?».

Девушка не могла понять, сколько она так пролежала, прежде чем ее поднял входящий звонок в Skype. «Родители?».

– Мам? Пап? – моргая, спросила девушка.

– Привет, дорогая. Как ты? Почему у тебя глазки красные? – проговорила женщина. – Есть разговор.

– Я спала, – солгала Лиа. – Разговор?

– В городе стало опасно, – начала мама. – На счету убийцы уже больше пяти смертей, и он не остановится просто так.

– Вы звоните, чтобы сказать мне быть осторожнее? – предположила девушка.

– Мы знаем, с какой компанией ты связалась, – сказал отец. Лицо его было суровым, за то время, что она его не видела, он ни капли не смягчился. Все тот же взгляд, говорящий: «Ты будешь сидеть дома, иначе порочный мир тебя испортит».

– Кто вам сказал и что? – недовольно прохрипела Лиа.

– Уилл, любезный молодой человек, – ответила женщина. Она же, наоборот, была мягка и спокойна. Знала, что всегда наказания выносит отец. Пыталась быть Лие лучшим другом. У нее получалось, девушка доверяла матери, но ее наивность и вера всему, что могут сказать, ужасно не нравилась Лие. – Он позвонил, сказал, что обеспокоен твоим состоянием. Что он пытался достучаться до тебя, но ты игнорируешь его.

– Знаете, почему я игнорирую его? – вспыхнула белоку-

рая. – Потому что он урод, который пытается меня контролировать. Он мне даже не парень, а пытается быть вторым отцом.

Родители переглянулись и удивленно посмотрели на дочь на экране монитора.

– Его контроль объясним, если твоя новая компания и правда связана с преступностью и наркотиками, – сказала мама. – Это правда?

– Если под преступностью Уилл имел в виду громкую музыку и веселье, то да, – ответила Лиа, пытаясь отойти от матери. – Или он имел в виду то, что он и его друзья после игры чуть не до смерти забили моих друзей?

– Что?

– Не делайте вид, что не поняли. Уилл ненавидит Томаса.

– Кто такой Томас? – спросил отец. Ему никогда не нравились мужские имена в речи дочери.

– Мы с ним раньше в одной школе учились, – ответила девушка. – Теперь он... теперь мы просто приятели. Уилл ревнует.

– Да-да, Уилл говорил про какого-то Томаса, – сказала мать отцу, будто бы думая, что Лиа не услышит этого. – Говорит, что он постоянно со всеми дерется, пьет и колется.

«Да, он колется. Гормонами» – подумала Лиа.

– Я вообще-то здесь, – помахала девушка. – В отличие от Уилла Томас хотя бы не ведет себя как урод. Том хороший, он не наркомани вся его компания тоже. Они просто

любят веселиться, как и все молодые. Уилл завидует и ревнует.

– Мы переживаем за тебя, родная.

– Вы почти девятнадцать лет меня никуда не выпускали, а сейчас наверстываю упущенное, – протараторила она. – Вы ведь верите своей дочери?

– Да, родная, мы тебе верим, – кивнула мама, но взгляд отца был недовольный. – Будь аккуратнее. Мы любим тебя.

– И я люблю вас, – натянуто улыбнулась Лиа и отключилась.

«Уилл...» – мысленно прорычала она. Почему он сует свой нос, куда не надо, еще хуже самой Лии? Неужели он настолько ненавидит Тома или ревнует Лию, что готов позвонить ее родителям? Ненормальный...

Было тихо. Чтобы отвлечься от мыслей про Тома, про Уилла, про родителей, девушка медленно подошла к синтезатору. Бедный, он стоял нетронутым, наверное, с самого начала учебного года. А когда-то Лиа теряла ход времени, играя на нем. У девушки была пара набросков мелодий, сочиненных ею, но все ей переставали нравиться со временем.

Вдохновение было сильным, когда что-то терзало душу. Пальцы сами побежали по клавишам, вспоминая уже какие-то сыгранные мелодии. Лие оставалось лишь изменить их, украсить, сделать чувственнее, глубже. На первом попавшемся листе были записаны первые строчки, что хаотично,

неподвластно рождались в голове девушки. В дверь резко постучали, и все мысли улетели прочь.

– Фиби? – удивилась Лиа, выглянув из-за двери.

– Мы давно не общались, – проговорила девушка. – Я принесла вкусный чай и печенье.

Они налили чай в кружки, откусили кусочек от печенья и сели рядом. Лиа чувствовала неловкость, ведь еще вчера она видела обиженный взгляд Фиби, стоящей рядом с Уиллом. А теперь подруга сама пришла к ней, да еще и не с пустыми руками.

– Ужасно, что произошло вчера после игры, – произнесла Фиби. – Не ожидала от Уилла такого поведения. Он был расстроен и зол, но не настолько.

– Видимо, настолько, – пробубнила Лиа. – Почему Уилл так ненавидит Томаса?

– Ненавидит?

– Он запрещает мне с ним общаться, постоянно кидается его бить, всяко обзывает, подозревает, – девушка загибала пальцы на каждое названное действие парня. – Он позвонил моим родителям и наплев про него всего.

– Я знала, что он ревнует, но не до такого, – глаза подруге расширились. – А Том что думает на этот счет?

– Я не знаю, – грустно пожала плечами Лиа. – Ненавидит Уилла. Но его ненависть внутри, он просто бесится.

– У тебя все в порядке? – спросила Фиби, перебив подругу. Лиа и не заметила, что на ее глазах вновь проступают сле-

зы. Девушка хотела ответить «да», но вместо этого заплакала и тут же оказалась в объятьях Фиби. – Лиа, ну ты чего?

– Я узнала кое-что о Томасе, – сквозь слезы ответила она. – Это секрет, который мне нельзя было знать. Но я сумела не в свое дело, обидела Тома, получила от Рейчел и... чувствую себя такой виноватой. Я думала, что смогу помочь ему, но сделала только хуже.

– Что ты узнала?

– Я не могу это сказать, – прошептала Лиа.

– То, что он трансгендерный? – выдала Фиби.

Девушка отстранилась от подруги, вытерла слезы, ошарашено посмотрела на Фиби. «Она знает? Откуда? Почему?.. Почему она не сказала об этом мне? Кто ей сказал?»

– Но... но... – запинаясь Лиа, трясая головой. – Откуда?

– Мне Уилл сказал, – пожала плечами Фиби. – Я думала, ты знаешь.

– Уилл знает?

– Они учились вместе в одной школе. Он удивлен, что тебе это не коснулось, – Фиби отпила немного чаю и предложила подруге. Девушка согласилась.

– Тогда почему он мне не сказал? – непонимающе спросила Лиа, обхватив двумя руками теплую кружку.

– Говорил, что не думал, что тебе нужно это знать. Ведь ты, по его словам, очень ранимая и нравственная, а так, фактически, Уилл бил бы девочку, – Фиби говорила с долей неловкости в голосе. Она следила за состоянием девушки ак-

куратно, настороженно.

– Сейчас это многое меняет, да, – недовольно проворчала Лиа. – Поэтому он ненавидит Тома?

– Наверное, – пожала плечами Фиби. И тут же обняла подругу снова, заметив вновь подступающие слезы. – Почему ты плачешь?

– Я не знаю, – прошептала она. – Наверное, слишком много эмоций за последнее время. Я смущена тем, кто такой Том, но одновременно мне нет до этого никакого дела.

– Ты влюблена в него, верно?

– С чего ты так решила? – спросила Лиа. Хорошо, что она прижималась к груди подруги, и та не видела ее смущенного лица.

– Он понравился тебе еще тогда, когда вы познакомились, я это сразу заметила. А потом вы начали проводить вместе время. Я знаю тебя не так много, но этого было достаточно, чтобы понять, что ты любишь разгадывать людей. Не понимаю, почему ты выбрала журналистику, а не психологию, – усмехнулась Фиби, глядя подругу по волосам. Лиа улыбнулась. – Он закрыт, и ты посчитала своим долгом открыть его.

– Напомни мне, почему ты тоже учишься на журфаке? – спросила Лиа, улыбаясь.

Девушки посмеялись.

– Что случилось после того, как ты узнала?

– Я легла спать рядом с ним. Тогда меня это вовсе не смущало, или я просто не поняла. А утром на меня напала Рей-

чел, довела до слез, потом пришел Том, и... мы начали припираться с ним. И он назвал меня глупостью. Я видела по его глазам, что не нужна ему, и ушла. Или ушла, потому что боялась разрыдаться при нем. Этого мне еще не хватало.

– Ты просто сдалась? – искренне удивилась Фиби.

– Я не нужна ему, – была убеждена Лиа. – Зачем стараться?..

– Наплюй на него! – выпалила подруга. Ее карие глаза блеснули огоньком азарта. – Как я поняла из всех твоих рассказов, он постоянно говорит не то, что думает. Вспомни хотя бы тот срыв, по который ты говорила. Он просил тебя уйти, но нуждался в тебе больше всего. Если ты считаешь нужным пытаться и дальше, то пытайся. Ты удивительная, Лиа Дэвис, и я уверена, что ты растопишь сердце этого холодного красавчика.

Лиа заулыбалась.

– Ты уверена?

– Ты безнадежно влюбилась в этот кубик льда, так что да, дерзай, – кивнула Фиби.

– Да с чего ты взяла, что я влюбилась?

– Ты постоянно улыбаешься его сообщениям, ходишь каждый день в ожидании выходных, лишь бы поехать к нему, – Фиби подняла глаза к потолку, будто вспоминая все. – Ты вздрагиваешь каждый раз, как кто-то звонит, и расстраиваешься, когда это не Том. Еще нужны доказательства?

Лиа покраснела.

– Не стоит, – опустила она взгляд. – Наверное, ты права.

Фиби оглядела комнату и с интересом остановилась на синтезаторе, на открытой нотной тетради, где были нарисованы свежие ноты, на листе со стихами, который лежал на клавишах. Подруга встала, сделала несколько шагов вдоль комнаты, прочитала, что написано на листе.

– Ребус: ты сильна в этом, а для Томаса это слабость, – Фиби хитро поглядела на Лию. Она точно знала, о чем говорит.

Лиа задумалась на секунду.

– Музыка? – неловко предположила она, и Фибс покивала.

3

Томас знал, куда ему нужно в первую очередь. Теперь, когда жизнь близких для него людей была в опасности. Он все еще винил себя за то, что прогнал Лию, за то, что сказал ей. Но жизнь Рейчел была ему куда важнее, пусть и было так неприятно и больно. Он оставил Рейчел с Булем дома, приказал никуда не выходить. Сам созвонился со Скотти, назначил ей встречу.

По пути к месту парень достал телефон и нашел в истории звонков номер, с которого ему звонил убийца. На свой страх и риск позвонил, приложил к уху, задержал дыхание. «Недоступно... черт».

Том надел на голову капюшон, съезился. Холодный осенний ветер подгонял его в спину, гнал по дороге опавшие листья, нагонял тучи. Со временем небо затянулось, солнце

ушло за горизонт, резко потемнело. Парень продолжал идти, хоть путь и не был близким. Скотти настоятельно просила его оставить машину и прогуляться, сказала, объяснит все потом.

Юноша остановился у указанного Скотти моста, который вел через небольшую речушку. Спустя пару минут, на мосту показалась Скотти. Девушка шла в развалку, в широких шортах, большой куртке. Ветер трепал ее неаккуратные волосы, но она будто бы не обращала на это внимания.

– Привет, Том, – махнула рукой девушка. – Нам туда.

Парень покорно следовал за знакомой. Они шли тропинками через лес, Том шумно ломал ветки на земле, шуршал листвой, в то время как Скотти ступала аккуратно, но вовсе не старалась для этого. Ее походка была вольной, расслабленной, и все равно она ходила, словно кошка.

– Когда придем, ты молчи, – приказала Скотти. – Я вроде как договорилась, но там сначала надо пройти через всех дружков этого парня. Говорить буду я. Деньги с собой?

– Да, – ответил Том.

– Хорошо, – кивнула девушка. – Как там Рейчи?

Томас усмехнулся. В полумраке были видны только светлые волосы Скотти. Несколько капель упало на лицо Тома. Пусть они и шли сквозь деревья, капли начавшегося дождя доставали и до них. Парень поднял глаза к небу: за кронами полуголых деревьев не было видно ни звезд, ни луны – их скрыли темные грозовые тучи.

Похолодало. Том сжался, из его рта вырвалось облачко пара. Парень достал из кармана мод, прокапал вату жижей, сделал затяжку. Густое облако пара улетело за спину, а на языке осталось ягодные нотки послевкусия.

– Рейчи цветет и пахнет, – пошутил Томас. – Когда на свадьбу позовете?

– Иди ты, – бросила через плечо Скотти. – Можно вопросик этой вечно недовольной моське?

– Дерзай.

– Почему ты такой?

– Какой?

– Я знаю, что в твоей жизни много сложностей, а ты такой спокойный и бесстрастный, – Скотти буквально летела вперед, резко меняя тропинку, будто пытаюсь оторваться от Хэйза.

– Я просто в детстве часто пользовался шампунем «без слезок», – ответил Том, делая еще одну затяжку.

– А теперь можно совет? – не дождавшись ответа, девушка выдала: – Не шути больше.

– Слушай, Рейчи пыталась мне тут донести кое-что в пятницу, – вспомнил парень, не обратив внимания на колкую фразу девушки. – Правда, что поступали заказы на ту хрень, что убийца вкалывает жертвам?

– Правда.

– Ты не знаешь, кто?..

– Я не знаю имен, – прервала его Скотти. Она замедлила

шаг, слегка повернув голову. – Все имена у Митча. Он передает мне, сколько и чего надо, если у него нет этого в запасе. Спроси у Шоколадного, в общем.

– Не уверен, что он откроет свои тайны, – пробубнил парень. – А что за штука-то хоть?

– Фенобарбитал, или люминал, – ответила девушка, вновь сворачивая. – Запрещенное в Соединенных Штатах средство от эпилепсии. Передозировка вызывает нарушения ЦНС, в том числе и нарушение координации. Поэтому жертвы падают.

– Ты уверена, что колют именно его? – спросил Том, догоняя девушку.

Они резко остановились. Томас почувствовал, как устали его ноги от пешей прогулки по сырой почве. Они стояли рядом с железной дорогой, слышался приближающийся поезд. Скотти дернула Тома за руку, и они проскочили прямо перед составом.

– Да, уверена.

– Откуда? – прищурился Том, но знал, что девушка этого не увидит.

– У меня дядя в полиции работает, забавно, правда? – усмехнулась Скотти. – Видишь дом? Нам туда.

Они прибавили шаг. Чем ближе они подходили, тем громче становилась музыка, голоса, лай собак. С неба шел назойливый противный дождь, где-то вдалеке слышались раскаты грома. Том посмотрел на часы, они шли больше получаса.

Когда они пришли, Том смог расслышать музыку: играл рэп, хип-хоп. На улице на картонках танцевали молодые ребята, остальные просто сидели и пили пиво под навесом. «Их не смущает надвигающийся ливень?» – подумал Томас, оглядывая танцоров.

Скотти шла уверенно, парень чуть ли не бежал за ней.

– Что это за место? – спросил Том.

– Какой-то старый амбар, – ответила девушка. – Тут обычно тусуются чуваки из гетто, белых нечасто можно встретить. Так что не рыпайся, а то нарвешься. Вид у тебя и без того жалкий.

Томас вспомнил про свой синяк под глазом, про разбитый нос и губы. Наверно, еще никогда его лицо не было столь ужасным, как сейчас. И все же ему нравилось смотреть на себя в отражении таким, нежели смазливый и милым.

И правда, их окружали только черные ребята. Том оглядывался и не нашел никого, отличающегося от них. На входе в амбар стояло несколько людей.

– Эй, чуваки, у меня встреча с Фоулом, дайте пройти, – дерзко крикнула Скотти, намереваясь протиснуться между них.

– Это че еще за хоббит? – глянул один и рукой остановил девушку. Оттолкнул ее обратно к Томасу. Парень сжал кулаки, но Скотти покачала головой.

– Этот хоббит поставляет вам наркоту, которой вы балуетесь, – бросила она. – Так что, если не хотите санкций в ваш

адрес, то дайте мне пройти.

– Имя, – рыкнул второй. – Пропускаем только по записи.

– Скотти Лейдис, – сказала девушка и взяла Тома за руку. – Готов?

– К чему? – шепнул он ей в ответ.

– С двумя «с» на конце, – добавила Скотти. – Смотри где-то в середине, я уверена, что оно где-то в середине.

Когда они отвлеклись, Скотти поймала момент, хитро улыбнулась и, держа парня за руку, побежала к амбару, огибая громил. Они сориентировались не сразу, побежали за парнем и девушкой только тогда, когда те затерялись в толпе.

– Отпад! – воскликнула Скотти. – Сегодня выступают начинающие рэперы, такое себе зрелище. Пойдем, найдем Фоула.

Том не был ценителем рэпа, но от некоторых песен его уши были готовы свернуться в трубочку. Бит был слишком предсказуем, а голос нисколько не обыгрывал его. Тексты были бессмысленными, однотипными. Тому казалось, что ниггерский рэп должен отличаться от рэпа белых, но эти ребята будто бы копировали.

– Парни, вы забыли свои корни! – крикнул в толпу Том, когда музыка стихла. – Рэп пошел от вас, не смотрите на белых.

Скотти ударила его по животу.

– Внимания не привлекай, – приказала она.

Они прошли несколько поворотов, когда встретили поворачивающего из-за стены метиса. Он был невысоким, очень милым, улыбчивым, с ямочкой на одной щеке. В клетчатой красной рубашке и белых брюках он выглядел как типичный ученик старшей школы.

– О, Скотти, – удивился он. – Я думал, ты дольше задержишься у входа.

– Твоих рук дело? – прищурилась девушка.

– Ага, – довольно кивнул парень.

– Засранец, – рассмеялась Скотти и хлопнула его по плечу. – Пойдем?

Они вышли на улицу за амбар. Тут людей не было, по деревянным стенам стучали басы. Дождь не заканчивался, наоборот, расходился. Том вновь натянул капюшон. Фоул снял рюкзак и достал увесистый сверток. Томас расстегнул куртку и достал из-за пазухи пачку денег. Они смотрели друг на друга, не отрывая взгляда, следили за каждым движением. Том протянул деньги, Фоул сверток. Одновременный обмен.

Сверток был увесистый, но не тяжелый. Парень убрал его за пазуху.

– По птицам будешь стрелять? – улыбнулся Фоул.

– Да, – кивнул Том. – По одной птице.

ГЛАВА 8

1

Томас высадил Рейчел возле колледжа. Девушка вышла, закурила, а затем удивленно заглянула в машину. Том не ше-

велился, он держался за руль и ждал, пока Рейч отлипнет от капота.

– Ты чего расселся? – спросила девушка, выдохнув на него табачный дым.

– Я не пойду на учебу, – произнес парень, взглянув на подругу. – Я поеду к Митчу, пока его нет дома. Найду блокнот.

– Он сам не может показать его тебе? – приподняла бровь Рейчел, сделав затяжку.

– Это его бизнес. Он принципиален в таких делах, не покажет, – покачал головой Том. – Даже если от этого зависят наши жизни.

Митч был простаком, но к бизнесу относился чересчур серьезно. Соблюдал анонимность и конфиденциальность, неудивительно, если шифровал имена в блокноте. На вопросы отвечал только за деньги и расплывчато. Строго и свято хранил тайну личности Сахарного человека, только если Скотти сама не соглашалась на раскрытие.

Том никогда не понимал, как ему удавалось торговать и не попадаться, когда к нему неожиданно приезжали полицейские. Скотти вчера все объяснила: ее дядя отправлял зашифрованное сообщение якобы сыну, а на самом деле сообщал Митчу о визите. Продуманная, однако, схема и чертовски опасная.

Сейчас Митч должен быть на работе, ведь его нога уже здорова, а помимо наркоторговли он работал в ближайшем продуктовом магазине. Рейчел покачала головой, сделала

последнюю затяжку, притоптала сигарету ботинком и отошла от машины.

Том уже хотел отъезжать, как Рейчи вновь заглянула в окно.

– Сегодня концерт, надеюсь, ты помнишь? – ее взгляд был довольным. Еще бы, это ее первое сольное выступление.

– Я помню, приеду, – уверенно произнес парень. – Дай угадаю, Скотти там тоже будет?

– А что, туда можно зрителям не только из колледжа? – нахмурилась Рид, задумавшись. – Черт, что-то туплю. Тогда да, думаю, она будет.

Томас улыбнулся и отъехал. Рейчел, явно набирая сообщение Скотти, медленно поплелась по дороге.

Митчелла считали главной шишкой в наркоторговле в городе, потому что Сахарный человек казался всем всего лишь легендой. Многие думали, что Митч и продает, и закупает откуда-то, и делает. Но его небольшой домик позволял лишь прятать заказ перед тем, как сделать закладку, реже передать лично заказчику.

Помимо того, у Митча были братья, которые, в основном, и ходят делать закладки. Их трое, а Митч один. Шоколадный король был самым младшим в доме, не считая детей той бездомной женщины, что они приютили. Но, несмотря на это, распоряжался всеми, как мог. Никто и не протестовал, больший доход в дом приносил именно младший сын.

Они делили со Скотти деньги пополам. Митч когда-то хо-

тел наглеть, выбивая себе 55—60%, но такому простаку, как он, не тягаться с тяжелым, скверным и дерзким характером Скотти. Сахарный человек, как тогда Томас знал девушку, отказал ему в повышении процента и даже на какое-то время уменьшил его. После этого Митчелл не пытался гнуть свою линию, а просто занимался своей работой.

На первый взгляд Шоколадный король казался богатым и состоятельным. Митч даже планировал переехать от семьи, но после того, как их отец начал пить, а мать заболела, все содержание легло на плечи сыновей. Вся выручка с продаж уходила на питание и лекарство матери. Потихоньку он откладывал ей на лечение, и теперь женщина лежит в больнице.

Томас остановился у дома Митчелла, оглядел его. Было тихо и спокойно. Никаких признаков присутствия. Том вышел из машины, но не стал ее глушить. Он убрал пистолет за пояс, прикрыл курткой и пошел к дому. Окно, что было разбито убийцей, все еще оставалось прежним. Его забили парой тонких досок, но Томас с легкостью выбил их.

Поранившись о торчащее стекло, парень выругался. Он, аккуратно ступая, пошел вверх по лестнице. Было даже подозрительно тихо. Возможно, с непривычки, ведь Хэйз никогда не видел этот дом без толпы.

Он со скрипом открыл дверь. В комнате тоже никого не было. Томас выдохнул и принялся искать блокнот. Когда-то он видел его, и если Митчелл купил другой, то парень

запросто его узнает. Он открывал ящики, перебирал бумажки, вырезки, мусор, всякую мелочь. Нигде не было.

Тогда Томас залез в шкаф. В коробках из-под обуви, преимущественно Nike было пусто. Одна лишь по весу напомнила ему бумагу, но вместо блокнота Томас нашел там пачки денег. Парень всегда поражался способности Митчелла экономить деньги. Он откладывал матери на лечение, но Том не знал, что так много. Подпись на крышке гласила: «Маме на операцию». Видимо, что-то серьезное.

Том сжал зубы и убрал коробку на место. Принялся искать дальше. Продолжая осматриваться, парень нашел полку с книгами. Забавно, что Митч хранил свою небольшую библиотеку на свободной полке шкафа. Эта полка дала Томасу надежду, но среди всех книг английской классики и современной литературы не было блокнота. Выругавшись себе под нос, Том продолжил искать дальше.

Теперь он перерывал стопки однотипных рубашек и однотонных футболок. В один момент его рука наткнулась на что-то знакомое, мягкое. Глаза Томаса расширились, он ухватился за знакомую вещь крепче и достал ее. Сердце сжалось.

– Да, это мою бюстгальтер, – прозвучал голос Элисон, Томас вздрогнул. – Мой любимый.

– Что он делает у Митча? – набросился он на галлюцинацию. – Почему ты не ушла? Я видел тебя на церемонии. Ты слышала мои слова. Почему ты не ушла?!

– Ты думаешь, что отпустил меня, но на самом деле смо-

жешь отпустить только тогда, когда убьешь убийцу, – произнесла девушка.

– Ты спала с Митчем? – игнорировал Томас.

– Возможно, нужно спросить у него, – пожала плечами девушка.

Томас трясся. Сжимая в руке бюстгальтер, он схватился за голову. Что же такое? Почему все не может быть проще? Почему за какие-то две недели его жизнь превратилась в большую раздутую драму? Почему Элисон не могла просто не приходить к нему в тот вечер? Или почему он не мог ее просто простить?

Он резко вздрогнул, выхватил из-за пояса пистолет и наставил на вошедшего Митчелла. Они оба не ожидали увидеть друг друга здесь.

– Что ты?.. – спросил Том.

– Ты проник ко мне в дом? – ошарашено смотрел на него Митчелл. – Откуда у тебя пистолет?

– Как давно у тебя в шкафу лежит лифчик Элли? – резко спросил Том, не думая отпускать оружие.

– Отпусти пистолет, Том, – обеспокоенно произнес друг. – Отпусти и мы пого...

Том подался вперед, но продолжал держать руки вытянутыми.

– Как давно? – повторил он.

– Больше года, – махнул рукой Митч.

Томас сделал несколько шагов вперед, прижал Митчелла

к стене, продолжал держать пистолет напротив головы друга.

– Ты спал с моей девушкой, когда мы были вместе? – рявкнул он.

– Вы тогда разбегались, а она мне очень нравилась, – честно ответил парень. – Пожалуйста, Том, отпусти пистолет.

Томас мгновенно поник. Он отпустил оружие, которое, к слову, даже не зарядил. Еще раз поглядел на лежавший на полу бюстгальтер и пошел на выход, будто бы ничего не случилось. Митч продолжал стоять у стены, провожая взглядом все движение Томаса.

– Мне нужно имя того, кто покупал у Скотти люминал, – напоследок бросил Том и побежал вниз по лестнице.

2

Ветер гнал по глади воды опавшие листья. Река была широкая и глубокая, с берега не видно всего, что происходит на противоположной стороне. Слышится лишь отдаленный шум машин, проноссящихся по мосту. Впереди простиралась толстая полоска леса, через который вчера пробирались Томас и Скотти.

Парень смотрел в отражение неба в неровной глади воды. Облака были так низко, что можно было рассмотреть каждое. Они плыли ровно, размеренно, постепенно превращаясь в причудливых зверюшек или замысловатые силуэты. Томас искал там какой-то смысл, но это лишь облака, безвольно плывущие по небу.

Вода казалась теплой, мягкой. Казалось, прикоснешься

и почувствуешь ее шелковистость. Но на самом деле она была ужасно холодной, даже обжигала. Неужели холоднее, чем юноша, стоящий рядом с ней? Неужели холоднее призрака девушки, что уже несколько дней была под землей.

Вокруг слышалось щебетание птиц, которое, по сути, должно было успокаивать. Но оно, наоборот, давило на Тома, раздражало. Все звуки, что окружали его, соединились в один непонятный громкий, эхом отдающийся в голове.

– Я псих, Элли? – спросил он.

– Почему ты так думаешь? – спросила девушка, прикоснувшись к руке парня. Том не почувствовал касания.

– Я разговариваю с тобой, угрожаю своему другу пистолетом... – проговорил Томас. – Не могу поверить, что ты спала с Митчем.

Это не укладывалось в голове. Как Элисон могла так поступить? Теперь Том снова вспомнил свой загон насчет того, что не был достаточно хорош в отношениях. Ему часто казалось, что Элисон скучает по «нормальному» сексу, что то, что делает Том, не удовлетворяет ее. И, вроде бы, девушка говорила обратное, но все равно кинулась в койку к полноценному парню. После этого Томас просто не мог отрицать того, что после расставания она скатилась и начала вести распущенную половую жизнь. Ведь за что-то ее убили. Наверное, не за то, что она курит. Том хотел верить в идеальность девушки, в ее превосходность над всеми, но она была мертва. И вместе с ней мертвы все идеалы парня.

– Если ты считаешь себя психом, то только сам можешь это исправить, – произнесла девушка. – Ты тоже много с кем спал. И спишь.

– Не в моменты, когда мы ссорились и разбегались на пару недель, Элисон! – сорвался Том. – Я стал делать это, когда ты ушла из моей жизни. И то спустя несколько месяцев. Я дал себе время попытаться отпустить тебя, а ты? Ты попробовала отпустить меня прежде, чем глушить горечь расставания?

Девушка молчала. Конечно, что она могла ответить? Она всего лишь подсознание Томаса, она не скажет больше, чем знает сам парень. Но Том ждал от нее ответа, ему не нравилось, что она молча смотрит на него. При жизни она была эмоциональной, а сейчас...

«А сейчас она – мое отражение». Холодная, молчаливая, безразличная. То, что осталось от Томаса – его отрицательные черты. Это было так глупо и неожиданно. Просто в один миг Томас проснулся после очередного срыва каким-то пустым. Мир потерял цвета, стал лишь большой коллекцией оттенков серого. Дни стали одинаковыми, недели повторялись друг за другом. Не было ничего нового, все те же лица, все те же напитки, те же сигареты.

Он засыпал и просыпался, чувствуя, что ничего не изменилось. Что сложно дышать, будто его легкие забиты песком. Что невозможно видеть, ведь он ослеплен тьмой. И он продолжал играть какого-то Томаса, умирая внутри. А затем перестал играть. Просто стал тем, кто есть сейчас. Неживой,

незаинтересованный.

Все изменилось в тот день, когда он узнал о смерти Элисон. Все краски, что прятались долгое время, вспыхнули яркой вспышкой в его груди, но тут же потухли. Теперь Том не различал цвета вообще. Серое называл красным, а желтое черным. Не различал звуки, запахи, собственные чувства. Ведь он испытывал какие-то чувства, но не понимал, какие. Боялся понять, отвык понимать.

Единственное, что заинтересовало его за последнее время – месть убийце его бывшей девушки. Той, что предала его. Той, что, как оказалось, никогда и не была его. Той, что лишила его всех чувств. Нет, нет. Том не мог винить ее за то, что сделал сам. Он добровольно отказался от эмоций, испугавшись слишком сильных.

Но за все остальное парень злился на девушку. Почему она вела себя так? Почему даже после своей смерти она не может просто оставить его в покое? Почему единственное, что движет Томасом, – желание мести и справедливости для той, кто не была справедлива к нему.

Том хотел бы отпустить это, но убийца грозит еще и Рейчел. И хочет или не хочет Томас, он не сможет просто так забыть это дело. Пока убийца на свободе, пока ему и его друзьям грозит опасность, он не выбросит в холодную реку пистолет. Пока он жив, рядом с Томом будет и Элисон. Постоянно напоминающая, наталкивающая, мотивирующая.

Томас боялся, что даже после расправы он не сможет за-

жить нормальной жизнью. Если он убьет человека, то его могут посадить. Если он сойдет с ума быстрее, чем преступник будет пойман, то он ляжет в лечебницу. И никого у него не будет. Только Рейчел, у которой и своих проблем по горло, и своих стремлений, желаний, мечтаний.

Если подумать, у него и сейчас никого нет. Томас всегда славился тем, что у него куча друзей. Каждый, кто приходил в Бар 32 по VIP-билету, считал себя другом Тома. Ведь парень здоровался с ними, выпивал, играл в игры. Когда-то и Томас думал, что все тусующиеся в клубе – его друзья. Но где они теперь, когда он умирает?

Его жизнь изменили три девушки. Элисон, что открыла Томасу глаза на то, что кто-то может полюбить и его. Та, что достала его из депрессии из-за своего тела и пола. Та, что доказала ему, какой он чудесный, какой замечательный. Она научила его любить. Элисон стала его жертвенной любовью.

Рейчел, которая неожиданно ворвалась в его жизнь. Которая крепко держалась за Томаса, не давая ему тонуть. Она была жертвенна по отношению к парню, преданна, благодарна, самоотверженна. Рейчел научила Томаса настоящей дружбе, показала ему, что возможна жизнь «и без всяких там девок». Рид та, кто спас его в самый трудный момент. И спасает до сих пор.

Лиа. Чувства к ней сложны, непонятны, спутанны. Томас хотел бы удержать ее возле себя, но в то же время не хотел привязываться к ней, не хотел нравиться ей. И все же понра-

вился. И привязался. Лиа та, кто непроизвольно, сама того не подозревая, заложила зернышко надежды на возможную счастливую жизнь.

Но нет, Томас любил портить все. Он топтал это зерно, зарывал его глубже, давил или, наоборот, вырывал. Парень трусил, боялся, страшился любых эмоций. Любовь – сильное чувство, перспектива которого заставляла его трястись от страха. Том не был готов открывать свое сердце и принимать чью-то любовь. Возможно, только из-за этого он решился прогнать Лию из своей жизни.

– Почему я сдался, Элисон? – прошептал Том, глядя на свое отражение в воде. Избитое, красно-синее лицо смотрело на него в ответ. – Почему ты забрала всю мою отвагу и смелость вместе с собой?

Девушка молчала.

– Почему из-за тебя я не могу дать шанса другой? – Томас продолжал задавать вопросы в пустоту.

– Ты не хочешь, – ответила Элисон.

Томас встал лицом к девушке, посмотрел в ее прекрасные зеленые глаза, что рисовала его память. Он пытался найти в них ответ на все вопросы, но вместо этого видел лишь свою глупость и слабость. Элли смотрела на него молча, как будто что-то искала в его глазах.

Том не мог сопротивляться злости, его подбородок трясся и непроизвольно опускался. Изнутри, от сердца, из самой души, вылился громкий гортанный крик, напоминающий чей-

то страшный вой. Вой отчаяния. Томас был потерян, все пути казались переплетенными, сбитыми. Его любовь была похоронена вместе с Элисон, и даже если дождь польет эту могилу, на ней не вырастут розы.

– Я хочу, чтобы ты растворилась в воздухе, словно дым, – проговорил Том. – Как ты могла так беззаботно умереть?

– Беззаботно? – переспросила девушка. – Ты думаешь, что я умерла беззаботно?

– Ты целуешь меня, я не чувствую прикосновений, но все равно провожу по губам рукой, – шептал Том. – Все это слишком для меня. Я не могу справиться с этим всем.

– У тебя за поясом билет в один конец, где не будет всех этих проблем, – прямо сказала Элисон.

Том потянулся за пистолетом. Это было гуманно – избавиться себя от страданий? Разве это этично? Но Томас плевал на это. Он позабыл все, ради чего продолжал жить. Ведь после боли приходило время, когда не было сил ни плакать, ни бить стены. Ужасное время, когда Том чувствует себя лишним, ничтожным. Есть только он и ненависть к самому себе, иногда полное безразличие. Как сейчас.

– Ты ведь обманываешь себя, говоря, что не хочешь вернуть меня, – произнесла Элли. – Ты можешь соединиться со мной. И тогда мы будем счастливы, вместе.

В моменты нервных срывов он понимал, что жив, что его сердце продолжает биться. Но сейчас такого не было. У него было два выхода. Вернуться к обычной жизни: напиться, со-

блзнить какую-нибудь девочку. Это расслабляет, но не помогает. Все равно все вернется на свои места. И Томас снова когда-нибудь будет держать в руках пистолет, медленно поднося его к подбородку.

– Тебе не нужно злиться на весь мир, – продолжала девушка. – Ведь твоя проблема – это ты сам.

Том почувствовал холод металла, когда дуло пистолета коснулось его кожи. На этот раз пистолет был заряжен. Ему стоило лишь спустить крючок, и страдания бы оборвались. Его воля к жизни не была зажата в кулаке, его уже ничто, казалось бы, не держит здесь. Слабость и трусость побеждали, забирали его возможность начать жить. Том потерял веру во все.

Он был готов. Парень уже слышал предстоящий выстрел, а Элисон наблюдала за его действиями. Она исчезла, когда зазвонил телефон в кармане. Том несколько раз моргнул. Его буквально выбросило из состояния транса обратно на берег реки. Дрожащими руками Том достал телефон.

Звонила, наверное, единственная его причина жить.

Рейчел.

3

Зал был полным. Том занял свое место ближе к сцене, чтобы лучше видеть Рейчи. Он, казалось, переживал вместе с ней, но на самом деле до сих пор трясся от того, что чуть не натворил на берегу реки. Он был в состоянии, в котором не мог себя контролировать. Теперь Томас боялся самого се-

бя, ведь если бы Рейчи не позвонила, то, наверняка, его бездыханное тело сейчас лежало около реки.

Рейчел выступала десятой с конца. Парень просто попросил девушку написать ему, как стоит обращать на сцену внимание, и ушел в свои мысли. Просматривал ленту в «Инстаграме», совершенно не придавая значения фотографиям и подписям к ним. Поставил несколько рандомных лайков, посмотрел пару видеороликов. Все это было так бесполезно, так скучно. Наконец, концерт начался. Томас отдаленно слышал какие-то песни, игру на гитаре или пианино. Шум аплодисментов после каждого выступления, беготню из зрительского зала с цветами к сцене. Ведущий комментировал все действие глупыми шутками и шаблонными фразами, объявлял выступающих и подбивал всех аплодировать громче.

Том сидел, безразлично уставившись в спинку стоящего напротив кресла. Предстояло прождать около часа перед тем, как на сцену выйдет Рейчел. Томас ее даже не видел, но был уверен, что та будет блистать.

«Интересно, – подумал Том, – кто-нибудь из ее родни пришел на этот концерт?».

Скорее всего, нет. Рейчи была единственной дочерью в семье, а после ухода матери и вовсе единственной девушкой. Если братья относились к ней скептически, не рассматривая никак, кроме сестры, которая готовит им ужин, стирает носки и прячет по дому косяки, то отношения отца было другим.

Он откровенно приставал к ней, несколько раз брал силой. Томас помнил горькие слезы Рид у него на коленях. Он уговаривал пойти в полицию, но Рейчел отрицала, говорила, что ей стыдно признаться в этом кому-то, кроме Тома. Находила тысячу отговорок, лишь бы не возбуждать это дело.

Томас давно предлагал Рейчи переехать к нему. Все равно большую часть времени девушка проводила в Баре. Но она ломалась, сопротивлялась, все равно оставалась наедине с человеком, который ее бил и домогался. Как оказалось, Рейч сломалась только из-за этого. Она была прилежной ученицей в школе, постоянно везде участвовала, занимала призовые места на разных соревнованиях, защищала честь школы. Но после ухода мамы, «мисс совершенство» сломалась, затерялась. На смену ей пришла другая Рейчел Рид. Безбашенная, отбитая от рук алкоголичка и куряга.

Идеальный броманс – разбитый Том и сломанная Рейч.

Вновь зал затих. Спустя пару секунд прозвучал голос, затем мелодия пианино. Том не сразу заметил сообщение Рейчел. На синем фоне большими буквами было написано: «Я НЕ ЗНАЮ, ЧТО ОНА ТУТ ДЕЛАЕТ, НО ПОСМОТРИ НА СЦЕНУ». Томас поднял глаза и впал в ступор.

За пианино сидела Лиа. В белом коротком платье, какой Том ее никогда не видел, а волосы ее волнами лежали на плечах. Глаза Томаса забегали из стороны в сторону: он старался поверить увиденному, но не получалось. Он видел не Лию, он видел чертового ангела.

Девушка играла на пианино так, словно играла сама ее сущность, а пела душа. Ее тонкие пальцы бегали по белоснежным клавишам, Лиа поначалу сидела совершенно спокойно, не двигаясь. Затем стала чутка подаваться вперед, будто бы напирая на клавиши, выдавливая из них звук глубже, чувственнее. А голос... Ее голос был лучшим, что парню доводилось слышать. Он сидел, приоткрыв рот, и не знал, что сейчас происходит в его душе. Там развернулась самая настоящая битва двух состояний.

Он кричал, что ему не нужна эта любовь, что Лие не нужен такой парень, как Том. Такой подавленный, раздавленный, сложный, со своими демонами. А в ответ она пела ему: «В твоих венах течет что-то такое необычное, я бы ничего не стала менять. О, если бы ты мог видеть, каким вижу тебя я, ты бы ожил?»^[1].

Том продолжал настаивать, ведь он со шрамами и на груди, и в душе. Что она не сыщет счастья с тем, кто не может помочь самому себе. Что ее попытки бесполезны, он уже мертв. Но Лиа продолжала пытаться донести до него: «Пойми же, мне не важны твои тени, потому что они растворяются при свете, потому что они похожи на мои».

Сильная песня, заставившая Тома почувствовать что-то сильное кроме страха. Лиа встала, поклонилась. Томас видел, как она тяжело дышит. Видел ее намокшие глаза. Видел, как она улыбается, как на щеках вновь проступили ямочки. Его трясло, он улыбался, пытаясь сдержать какие-то стран-

ные, необъяснимые слезы.

4

Томас поднялся со своего места сразу же, как Лиа покинула сцену. Ему нужно было пройти за кулисы, и он знал, как. Парень несся по коридору, надеясь, что не упустит девушку, что на этот раз сможет удержать ее возле себя.

Он видел ее. Идущую по коридору ему навстречу, миниатюрную, худенькую, в милом белом платье. С щенячьим взглядом больших серо-голубых глаз. Лиа взволнована так же, как и он. Томас не замедлял шага, остановился лишь в последний момент, когда запах ее духов затуманил его разум.

Он вспомнил ту ночь, когда девушка успокаивала его, гладила, шептала слова утешения. А Том прижимался к ней, тихо всхлипывал, вдыхал запах ее духов, что усыпляли, успокаивали. Тогда он не придавал этому значения, но сейчас понял все.

Лиа стала для него всем миром, что построился из развалин. Она медленно, навязчиво, противно докучала, но собирала весь его мир по кусочкам своими руками. Пальцами, что играли ту прекрасную мелодию, в ритм которой билось сердце парня.

Одновременно с постройкой мира девушка разбирала и стену, что Томас возвел вокруг себя. Которую он собирал по кусочкам, Лиа бессовестно разрушала, пытаясь пробиться к его разорванному на куски сердцу.

– Ты сама написала эту песню? – спросил Том. Его глаза бегали по ее лицу, рассматривали каждый сантиметр. Сознание так яростно пыталось запомнить ее милый образ. Так, будто им было суждено навсегда расстаться.

– Да, – кивнула девушка. Томас видел, как она ежится от смущения и волнения.

Они смотрели друг на друга, и парень видел самое восхитительное явление, которое ему доводилось наблюдать. Он был готов тратить свое время на то, чтобы стоять здесь с ней вечно – нет места, где он хотел бы сейчас оказаться больше, чем здесь и сейчас.

Томас коснулся ее руки.

– Лиа? – спросил он, сжимая ее ладонь.

– Томас? – трепетно отвечала девушка. Том чувствовал, как она дрожит.

– Лиа.

– Томас, – он видел, как она теряется в его глазах. Они терялись в своих мыслях и одновременно терялись друг в друге.

– Сколько будет два плюс два? – спросил Хэйз, подойдя еще ближе.

– Томас, – прошептала она. – Поцелуй меня.

[1] Sabrina Carpenter – Shadows

ГЛАВА 9

1

Сказать, что это утро было самым замечательным в жизни

Ли́и – не сказать ничего. «Я ужасно испортилась» – улыбалась девушка. Ведь сегодня она решила пропустить занятия, никого не предупредив. Но Ли́а пропускала не одна и не просто так.

Она проснулась от того, что кто-то целует ее в лоб. Над ней стоял Томас. Вновь с тем горящим интересом в глазах, с легкой ухмылкой. Ли́а облизнула пересохшие губы и улыбнулась. Парень сказал, что завтрак готов и ушел, дав девушке время выпутаться из одеял, привести себя в порядок. Но Ли́а не торопилась. Она просто села на край кровати, свесила ноги и заулыбалась.

После вчерашнего выступления, вся дрожащая, еле сдерживающая слезы волнения, Ли́а шла по коридору. Она хотела вернуться в зал, но продолжала надеяться, что встретит Томаса. Так и произошло.

Ли́а знала, что Томас будет там, ведь пропустить выступление Рейчел он не мог. На деле они простояли неизвестно сколько времени в пустом коридоре, держась за руки, растеряно смотря друг на друга. Девушке пришлось оторваться от его голубых глаз, чтобы напомнить о выступлении Рид.

Они вернулись в зал. Томас выглядел спокойным, но задумчивым. В то время, как у Ли́и подкашивались колени (они еще и не смогли занять сидячие места, пришлось стоять), сама она горела от смущения и постоянно кончиками пальцев прикасалась к губам. «Это правда случилось? – думала девушка. – А что значит его математика?». Ли́а вообще

не сразу поняла, что он что-то спрашивает.

Сейчас они были вдвоем. В комнате Томаса. Парень стоял на маленькой фотосессии, ведь солнце прекрасно освещало комнату. Сначала Лиа смущалась объектива и самого Тома, но спустя пару фотографий она расслабилась и просто веселилась, прыгала на кровати, баловалась, смеялась.

Солнце и правда прекрасно заливало комнату дневным светом. Белые стены показались девушке еще белее, чем обычно. И нарочито чистое белоснежное постельное белье бросалось в глаза. Будто все специально спланировано так, чтобы Том взял в руки камеру.

– Почему ты начал фотографировать? – спросила Лиа, пока Том просматривал получившиеся фото.

– Я иначе вижу мир через объектив, – проговорил Томас. – Я чувствовал себя лишним, и это дело позволяло почувствовать себя частью мира, но с безопасной дистанции.

Раздался лай Бульбуля за закрытой дверью. Томас медленно, не отвлекаясь от просмотра фотографий, подошел к двери и впустил пса. Тот, словно ветер, залетел в комнату, запрыгнул на кровать и игриво напал на Лию.

Девушка пыталась убрать его лапы со своего лица, смеясь от того, как теплый мокрый язык Буля пытался достать до ее лица. Раздался характерный звук затвора камеры, Лиа посмотрела на Томаса, тот улыбался.

– Рейчел прекрасная модель, – сказал Том, поглядев на висящие фотографии. – Но иногда ей не хватает живости,

беззаботности.

Девушка, усмирив пса на своих коленях, глядела на парня.

– Я скину тебе фотографии на почту. Ты ведь не против, если некоторые будут висеть у меня?

– Если я скажу, что против? – улыбнулась Лиа. Том подошел к ней, навис. Она чувствовала его дыхание. От него приятно пахло фруктовой жижей и гелем для душа.

– Тогда придется забрать тебя к себе, потому что мне нужно лицезреть прекрасное, – произнес он, проводя внутренней стороной ладони по ее щеке.

– Ты такой лукавый, – улыбнулась Лиа.

Она видела его взгляд. Живой. По-настоящему живой, заинтересованный. За две недели девушка никогда не видела Томаса таким, замечала лишь проблески, намеки. Но теперь он смотрел на нее совершенно иначе, чем обычно. Это был все тот же Том, но в несколько раз лучше.

– Вчера я почувствовал, что ты влюблена меня, – проговорил парень.

– Почему?

– Ты смотрела на меня иначе, чем обычно.

– Я смотрела на тебя так же, как и всегда, – покачала головой Лиа. – Это ты почувствовал, что влюблен в меня.

Том улыбнулся, пожал плечами. А затем, приподняв пальцем подбородок девушки, прильнул губами к ее. Лиа чувствовала, как земля уходит из-под ее ног, внутри предательски начинали порхать бабочки. Парень сводил ее с ума.

И все равно она не верила в то, что происходит. Он отрицал отношения так яростно. Стоял на своем, был готов ругаться, лишь бы не обсуждать возможность влюбиться. А теперь парень целовал ее, обнимал так, будто боялся отпустить. Это казалось каким-то безумным сном, но очень приятным.

– Лиа, – прошептал Том, все так же нависая над ней. – Я обещаю, что мы станем обычной парой, но тогда, когда убийца будет пойман.

Девушка мгновенно расстроилась. Это была не забота Тома, но Лиа понимала: он не мог отпустить Элисон просто так. Ему нужна была справедливость, и до этого времени он не сможет жить спокойной жизнью. Даже если в его жизни теперь есть она.

Том вздохнул, видя поникшее лицо Лии.

– Я должен извиниться, – Томас опустился на диван рядом с девушкой.

– За что?

– В субботу, во время драки, кто-то схватил меня и сказал, – Лиа видела, что парню было тяжело говорить, – чтобы я прекратил с тобой общение, иначе Рейчел будет следующей.

Девушка напряглась.

– погоди, – помотала она головой, растрепав волосы. – Ты поэтому тогда был так рассержен на меня?

Ее взгляд молил об ответах.

– Да, – кивнул Том. – Но и мне было тяжело от того, что ты узнала. Узнала не от меня.

– Но я бы все равно это узнала, да?

– Наверное.

– Как, наверное?

– Я боялся тебе это говорить, – проговорил Том, глядя на развешенные фотографии. – Боялся, что тебя это спугнет. Кого угодно такое спугнет.

– Единственное, чего я могла бы бояться, это осуждения, – произнесла Лиа, взяв его за руку. Его пальцы были холодными, а костяшки до сих пор синими. Девушка быстро рассмотрела их: выбитые, смещенные, кривые. «Ты перестанешь этим заниматься» – подумала она. – Но ты внешне парень, по поведению парень. И никто не будет заглядывать тебе в штаны. Даже я, если не хочешь.

Том молчал.

– Теперь ведь уже неважно, чего я могла напугаться, верно? – спросила Лиа. Теперь она стояла над ним, держала его за руку, заглядывала в глаза.

– Я очень сложный, Лиа, – сомнение снова брало верх над парнем.

– Пойми же, – пропела девушка, – мне не важны твои тени... Помнишь?

Томас покивал.

– Ты мой ангел, Лиа, – прошептал он. – Я уже близок к убийце. Дай мне немного времени.

– У тебя есть подозрения?

Том выдержал паузу.

– Я думаю, это Уилл. Но действует он не один.

2

Лиа вернулась в общежитие к вечеру. Окрыленная, светящаяся от времени, проведенного с Томом. Но озадаченная его словами. Он подозревал Уилла, говорил, что тот действует не один. Все его слова были полны смысла, выстроены логические цепочки, и все доводы приводили именно к Симмонсу. Одно смущало Лию – Уилл никогда не умел стрелять.

Меньше всего Лие сейчас хотелось встретить друзей, ведь ей предстояла долгая ночь с заданием, что нужно было сделать еще давным-давно. Но по пути в корпус она встретила много людей, сидящих на улице. Кто-то украшал стены общежития к Хэллоуину, кто-то делал домашнее задание на свежем воздухе, наслаждаясь последними теплыми днями. Всю следующую неделю обещали дожди.

Среди всех сидели и ее друзья, Уилл в том числе. Лиа хотела проскочить незаметно, но Калек обкликнул девушку. «Черт», – фыркнула она себе под нос и, улыбаясь, повернулась к друзьям.

– Привет, – помахала Лиа, подходя к скамейке. Она с недоверием глянула на Уилла. Тот смотрел на нее недовольно, обиженно.

Девушка все еще злилась на него за то, что он позвонил ее родителям, за то, что затеял ту драку. А теперь еще и он

был главным подозреваемым, к которому вели все ниточки. Садится рядом с ним Лие не хотелось, поэтому она просто остановилась напротив.

– Где ты сегодня была? – спросил Калев.

«Говорить правду опасно, Уилл не спускает с меня глаз».

– Ты была у Тома, да? – воодушевленно спросила Фиби.

«Черт, Фибс!»

– Нет, – покачала головой девушка. – Я была у родителей.

Сегодня годовщина смерти моего брата.

«Прикрываться смертью брата очень плохая затея, Лиа, – мысленно поругала себя она. – Хорошо, что никто, кроме меня, не знает точной даты».

– Прости, Фибс, что не предупредила, – добавила девушка. – Все вышло очень сумбурно.

Она следила за каждым. Кажется, все получилось, ей поверили. Нужно было тут же перевести тему. Но взгляд Уилла, который она чувствовала на себе, был такой тяжелый и жуткий.

На самом деле, он всегда смотрел на нее так. Но после осознания его возможной виновности было совсем не по себе. Парень достал сигарету, зажал одну между зубов и прикурил. Лиа сделала шаг в сторону.

– У вас очень обеспокоенный вид, – заметила Лиа. – Что-то случилось?

Они переглянулись.

– Вчера вечером пропало дело нашего убийцы, – произ-

нес Калев. Лиа напряглась, глаза ее округлились. «Неужели Уилл... то есть, убийца украл дело, потому что полиция начала побираться к нему?» – Все до самых малейших записей. Все улики, все имена. Ничего не осталось.

– Но вы ведь многое уже знаете, – проговорила Лиа.

– Без улик в суде нечего будет делать, – качнул головой Калев. – Убийца поступил очень опрометчиво, но неплохо так подорвал все надежды на раскрытие дела.

Лиа с сожалением поглядела на Калеба. Он так много сил вложил в это дело, помогая отцу, и все пошло коту под хвост. Интересно, до какого места дошло дело? Были ли у них подозреваемые?

Но девушка видела в глазах Кэла что-то еще. Что-то, чего его очень беспокоило, но он не говорил. Возможно, не говорил даже Фиби и Уиллу. Лиа выжидающе, как бы говоря ему: «Ты можешь рассказать, мы ведь твои друзья», смотрела на него. Калев заговорил:

– А еще вчера вечером мой отец попал в аварию.

– Как так? – пискнула Фиби.

– Он в порядке? – спросил Уилл, туша сигарету.

– Да, он в порядке, – кивнул Кэл. И добавил: – Это просто авария, ничего больше. Отец очень устал за последнее время, скорее всего, не справился с управлением в темноте.

– Слава богу, – вздохнул Уилл. – Он в больнице?

Калев кивнул.

– Отшучивается, что хотя бы отдохнет, – улыбнулся па-

рень. – Но все равно настаивает на скорейшей выписке, считает, что с ним все в порядке и дело куда важнее. В общем, все пошло коту под хвост.

Лиа со злостью посмотрела на Уилла. Не верила она, что шериф просто не справился с управлением. Авария и пропажа дела в один вечер было слишком подозрительным совпадением. Лиа хотела проведать шерифа в больнице.

3

Мистер Экли был любезным, добрым человеком. Лиа лично была с ним знакома после ужина, на который он пригласил друзей Калеба. Как оказалось, у Кэла никогда не было друзей. Были знакомые, какой-нибудь один друг, с которым он постоянно гулял, но не было таких, как компания, появившаяся в университете.

Лиа быстро добралась до больницы, взволнованно поднялась на лифте и подошла к столу регистрации.

– Добрый вечер, – улыбнулась медсестра, сидящая за компьютером.

– Добрый вечер, – ответила Лиа. – В какой палате лежит шериф Экли?

Девушка пробежалась глазами по списку.

– В 887. Посещения заканчиваются через двадцать минут, – предупредила она. – Кто вы мистеру Экли?

– Я близкая подруга его сына. Он не смог приехать, попросил передать кое-какие вещи, – улыбнулась девушка.

– Хорошо, – кивнула медсестра. – Вам по коридору прямо

и направо.

– Спасибо.

Отойдя, Лиа выдохнула. «Ты лгунишка, Лиа Дэвис». Она быстрым шагом шла мимо одинаковых дверей, глазами ища нужный номер. Девушка еще даже не повернула направо, но уже боялась, что пропустила палату.

По коридору ходили врачи в белых халатах, на скамейках сидели люди. Из некоторых комнат доносились разговоры, смех. Откуда-то тихие всхлипы. Рядом с палатами стояли люди, разговаривали по телефону или обсуждали что-то с врачами. Лиа давно не была в больнице, даже отвыкла от того, что обычно тут так много народу.

Первый и последний раз девушка лежала в больнице, когда сломала руку. Это были времена, когда ее семья еще жила в Калифорнии. Ей было так грустно от того, что из всех ее знакомых к ней пришла лишь одна девочка. И то для того, чтобы принести домашнее задание, которое требовали учителя. Зато родители приезжали каждый день, окружая дочь заботой и вниманием.

Лиа до сих пор удивлялась, как она не привыкла за восемнадцать лет к постоянной заботе и решила уехать из дома, начать жить самостоятельно. Ей неожиданно стало интересно, а сколько раз Томас лежал в больнице? С его любовью к дракам, нервными срывами, операциями.

Лиа повернула направо и ускорила шаг, заметив число 868. До палаты шерифа оставалось совсем немного, и Лиа

заволновалась. Снова она совала свой нос, куда не просили. Но считала, что если шериф что-то расскажет, то это может помочь личному расследованию Тома. И одновременно она в глубине души металась между желанием: ей хотелось, чтобы шериф подтвердил виновность Уилла, но и хотелось, чтобы опроверг. Лиа отказывалась верить, что ее друг со школы может быть тем, что всех убивает.

Девушка остановилась у двери, несколько раз передумала входить, но все же постучалась. Раздался голос шерифа, и Лиа открыла дверь. Палата была вычурно светлой, аккуратной. На кровати в белой сорочке лежал мистер Экли. Он был удивлен, но рад.

– Лианна? Неожиданный визит, – сказал мужчина.

В волосах, что всегда были прикрыты шляпой, давно пробились ниточки седины. Усы были аккуратно, как и всегда, подстрижены. Кaleb меньше всего был похож на отца. Лиа видела лишь однажды его мать на фотографиях. И Кэл был точной копией своей мамы. Жаль, что они не жили вместе.

– Я услышала от Калеба, что случилось, – проговорила девушка, прикрыв за собой дверь. – Соболезную. Я принесла вам вкусенького.

– Я тебе когда-нибудь говорил, что ты очень милая девочка? – улыбнулся шериф.

– Да, пару раз бывало, – Лиа открыла рюкзачок, достала оттуда плитку шоколада, яблочный сок и пару бананов. – Я знаю, что вы любите это. Насчет сока не была уверена.

– Все хорошо, – сказал мужчина, сев поудобнее. – Спасибо, Лианна.

– Просто Лиа, – поправила девушка. – Можно... задать пару вопросов по делу?

Мужчина, отломив кусочек шоколада, положил его на язык. Предложил гостье, но та отказалась.

– Ты тоже заинтересована в этом деле? – спросил он.

– Кaleb часто говорит об этом, держит в курсе всех событий, – Лиа опустила на край кровати. – У меня есть... друг, который потерял дорогого человека из-за этого убийцы. И он буквально одержим тем, чтобы его поймали.

«Друг», – повторила она. Почему Лиа не смогла назвать Томаса своим молодым человеком? Парнем? Она не могла поверить в это, ведь все произошло так быстро. Том не предлагал ей встречаться, просто целовал, просто обнимал, будто они уже несколько месяцев вместе.

А может, Томас и не хотел быть парнем Лии? Может, он нашел в ней новое отвлечение? Нет, это глупо. Лиа чувствовала, что он становится другим рядом с ней. Становится собой? Он напуган, смущен, озадачен. И все же он ее молодой человек. Не сейчас, так через какое-то время, когда убийца будет пойман. У них все впереди.

– Дело пропало, его украли, – проговорил шериф Экли. – Ты наверняка об этом знаешь. Мы были близки хотя бы к подозрениям, но все исчезло, – он вздохнул. – Пропали лишь бумаги, но мысли остались. Я не знаю, как думали другие,

но у меня есть подозреваемый.

– Кто? – приподнялась Лиа.

«Скажите, что Уилл. Нет, скажите, что это не Уилл».

Шериф побледнел.

– Я думаю, что это мой сын.

Лиа чувствовала, как ее колени подкашиваются. Она упала обратно на кровать. Девушка не могла вымолвить ни слова, просто сидела и смотрела на шерифа: ее разум не в состоянии был до конца принять то, что она услышала.

– Что? – переспросила она. – Но почему?..

– Я отрицал это до вчерашнего вечера. Он единственный, кто имел доступ к делу: оно находилось в моем кабинете дома, – тяжело проговорил мужчина. Глаза его поблекли.

– А вчерашняя авария? – прошептала Лиа.

– Наверняка подстроена, – ответил шериф. – Кэл последний, кто прикасался к моей машине. Менял масло, потому что я был занят. А потом я решил доехать до магазина.

Над ними повисла тишина. Шериф молчал, опустив взгляд и рассасывая дольку шоколада. А Лиа была слишком подавлена услышанным. В это она тем более отказывалась верить. Спустя несколько секунд, мистер Экли сказал:

– Мне тяжело говорить об этом, потому что это всего лишь догадки. Но я подозреваю его еще давно, возможно, Калев понял это, – он тяжело вздохнул.

– Если это правда, вы сможете арестовать собственного сына? – еле слышно спросила девушка, не сводя глаз с ше-

рифа.

– Если это правда, то он смог подстроить аварию собственному отцу, – твердо ответил мужчина.

Лию захлестнули эмоции: облегчение, стыд, чувство вины, страх. Она была рада тому, что это не Уилл, но чувствовала себя виноватой за то, что даже после услышанного считала его виновным. Страх за то, что она доверяла Калебу. Неуверенность и нежелание верить шерифу, ведь Кэл казался ей невинным песиком, который просто хотел помочь отцу.

– Томас говорит, что убийца может действовать не один, – добавила Лиа.

– Мы допускали это, но по поводу соучастника нет никаких доказательств, – разочарованно пожал плечами мужчина.

– Может, Калев просто игрушка в чьих-то руках? – предположила девушка.

– Даже если так, то его вина не оправдается.

4

Томас был уверен в виновности Уилла. Ему хотелось докопаться до правды как можно быстрее, чтобы завершить этот эпизод жизни, начать новый, счастливый. Митч так и не сообщил ему имя того, кто покупал люминал. Но и без этого было достаточно фактов, указывающих хотя бы на причастность Уилла.

Том знал, что у него сегодня тренировка. Знал, во сколько она заканчивается. Поэтому оставил машину недалеко от по-

ля, засунул за пояс пистолет и пошел выжидать уставшего парня после тренировки.

– Ты совсем с ума сошел, Томас Хэйз, – прозвучал голос Элисон из-за спины. Том вздрогнул.

– Когда ты исчезнешь? – недовольно буркнул парень.

– Когда Уилл будет наказан. Когда Рейчел будет в безопасности. А ты уверен, что Уилл и есть убийца?

– Все ведет к нему, – проговорил Том, выглядывая из-за угла.

С этого места было видно всю площадку перед тренировочным полем. Стояло несколько машин, но у Уилла не было прав. Никто не станет его подвозить, потому что он любит прогуливаться пешком. От поля до общежития меньше километра, поэтому Симмонс наверняка пойдет пешком, в наушниках и с сигаретой.

Томас часто видел его таким, когда учился в школе. Том любил гулять вечерами в одиночестве и проходил мимо школы, на поле которого тренировалась футбольная команда. Наверное, Том гулял там, чтобы погрузиться о том, что ему никогда не стать спортсменом, никогда не быть таким же популярным красавчиком, как они.

Уилл выходил в одно и то же время, отказывался от предложений друзей подвести его, доставал свои большие наушники, прикуривал и медленно двигался в сторону дома. Том обходил его стороной, потому что не хотел нарываться. Но всегда настороженно провожал взглядом.

– А если ты ошибаешься? – спросила Элли, навалившись на стену. Ее черные волосы были переброшены на одну сторону, а зеленые глаза блестели в свете фонарей.

– Вот сейчас и узнаем, – произнес Хэйз. – Я ведь не собираюсь его сразу убивать, сначала допрошу.

– Ты сходишь с ума, – жалобно прошептала девушка, – остановись.

– Я делаю, как знаю. Как всегда. Не учи меня жить, если сама не смогла выжить.

– Ты упрекаешь меня в том, что я умерла? – удивилась Элисон.

– Замолчи! – приказал Том. – Он идет.

Томас насчитал дюжину человек, образовавших неплотный круг на стоянке. Все были крупными, высокими, молодыми. Один лишь выделялся – тренер. В потасканной кепке, с небрежно торчащими из-под нее волосами, редкой растительностью на лице. Он говорил о чем-то, шутил, спортсмены смеялись. Их смех смешался в единый гогот, это отозвалось у Тома неприятными ощущениями в груди.

Том плелся по темным улицам возле школы, возвращаясь домой. У лестниц, у самой дороги, стояла толпа парней. Томас знал их всех по именам, ведь видел их лица каждый день в школе, слышал, как они звали друг друга, чувствовал, как они приближаются сзади.

Они жарко спорили о чем-то, ругались. Их голоса звоном отзывались в ушах Хэйза. Утяжка сдавливала его ребра,

или становилось трудно дышать из-за волнения? Том хотел пройти мимо них незаметно, словно тень, какой он и притворялся каждый день в школе. День ото дня скрываясь среди одноклассников, среди толпы, лишь бы его не увидели. Но теперь парень был один, заметен. Чертовски.

– Эй, парнишка, – крикнул один. – Ты ведь парнишка?

Томас игнорировал, пытался не показывать страха, скрыть лицо под глубоким черным капюшоном. Пару дней назад ему крепко ударил Уилл, темные грязные синяки только расцветали. Уилл пытался выбить из него мысли о новенькой Лие, но вместо этого лишь обратил внимание Тома на нее еще сильнее.

Том прошел мимо, как чья-то тяжелая рука упала ему на плечо. Некто резко развернул парня к себе, Томас, трясясь, поднял голову. Ему нельзя было показывать страх. Каждый раз он что-то говорил, пытался выглядеть сильнее, но это не работало. За его наигранную дерзость он получал по лицу.

– Что ты такое? – усмехнулся парень. – У тебя есть член?

– Я ведь не спрашиваю, есть ли он у тебя, – ответил Том. – Потому что мне кажется, что нет.

«Дурак».

Парень рассмеялся, поглядев на друзей. Его пальцы крепко сжимали плечо Тома, казалось, что еще немного, и треснет ключица. Спортсмен резко свободной рукой схватил Тома

между ног. Все расхохотались, и их смех, больше похожий на гром, слился со звоном в ушах.

Тяжелый кулак, взявшийся из ниоткуда, прилетел Томасу в щеку. Парень оступился, чуть не упал. Толпа пугала его настолько, что он не мог взять себя в руки просто для того, чтобы убежать.

– погоди, это же девчонка, – усмехнувшись, бросил один.

– Но он ведь так не считает, верно? – Том видел насмехающуюся улыбку и нездоровый блеск в глазах.

Том, выглядывая из-за угла, примерно прикинул, что может сделать. Уилл отошел от всех, направился в сторону Томаса. Парень спрятался в тени и прижался к стене. Тяжелые, шаркающие шаги Уилла откликались в сознании Тома. «Сейчас или никогда».

Уилл прошел мимо, не заметив темную фигуру за углом. Томас огляделся, никого на парковке не осталось. Подстроившись под шаг Симмонса, Том пошел следом за ним. За Уиллом тянулась тонкая ниточка сигаретного дыма. Томас не спускал с него глаз.

Они шли недолго, прежде чем Симмонс стал едва заметно оборачиваться. Сердце Тома пропускало удары каждый раз, как голова Уилла поворачивалась. Парень потянулся к поясу, к пистолету. Его движения были уверенными, но тихими, аккуратными.

Они завернули за угол, когда Том достал оружие. Уилл остановился.

– Ты преследуешь меня? – спросил он.

Том молчал.

– Чего ты хочешь? – продолжал Уилл. – Денег?

– Ты убил Элисон Херст? – спросил Том. Симмонс тяжело вздохнул и повернулся.

Его лицо с недовольного и уставшего резко переменилось на испуганное, стоило ему увидеть оружие в руках преследователя.

– Отпусти пистолет, – проговорил он, поднимая руки вверх.

– Я спросил, – процедил Том. – Ты убил Элисон?

Томас сделал шаг навстречу, Уилл отступил. Том сделал еще один, более широкий и уверенный. Уилл отступил.

– Я спрашиваю, ты убил? – уже громче проговорил парень. – Я знаю, что ты. Зачем?

– Я не убивал.

– Лжешь! – рыкнул Том.

Он подошел к Уиллу быстро, упирая пистолет в живот.

– На колени, – приказал Томас. Уилл послушно опустился, все так же держа руки над головой, не спуская глаз с Тома. – Я знаю, что ты убил. Все ведет к тебе.

– Я не убивал, – настаивал Уилл. – Я считаю, что Элисон заслужила, как и все, кто погиб за последнее время, но я не убивал.

– Ты заботишься о Лие, ты высокий, ты ненавидишь меня и мою компанию, – проговорил Том. – У тебя есть мотив.

– Если бы я был убийцей, я бы избавился от тебя в первую очередь, – смело заявил Уилл. – Но ты жив. Это не моих рук дело.

На миг Томас ощутил легкое волнение и смятение. Слова Уилла были справедливыми, но Том отрицал их. Он видел, как рядом с беззащитным парнем появилась Элисон. Она провела по волосам Уилла, поглядела на него предвзято, недовольно.

– Что ты медлишь, Том? – спросила она. – Ты уверен в том, что убийца именно он. Убей его.

Том держал пистолет на вытянутых руках. Тяжесть оружия увеличивалась с каждой секундой. Сердце колотилось, а на глаза опустились шоры страха, что сузили его восприятие до одного лица Уилла.

– Я клянусь, что это не я, – проговорил Симмонс. – Ты мне не нравишься, не нравится то, что Лиа выбрала тебя. Я презираю тебя, но я бы ни за что не стал убивать людей.

– Ну же, стреляй! – настаивала Элисон.

Томас ломался. Просто смотрел в напуганные глаза Уилла, не двигался. Парень видел, как его губы трясутся. Как дергается от волнения подбородок. Он был беззащитен, слаб, уязвим.

«Убив убийцу, количество убийц не сократится, – подумал Том. – Я буду убийцей».

Он продолжал стоять и смотреть на Уилла. Его душа пуста, сознание в пустоте. Он не шевелился, лишь холодный

пот стекал по его вискам. Холодный, как бред, что крутился в его голове. Становилось тяжело дышать. Том опустил палец на спусковой крючок, сжал зубы.

– Стой, Том, – проскулил Уилл. – Я не убивал, клянусь. Не убивал.

– Убей его, что ты медлишь? – напирала Элисон. – Вот он, беззащитный, перед тобой. На коленях, его судьба только в твоих руках. Стреляй.

– Замолчи! – приказал Том.

В кармане зажужжал телефон. Томас, держа пистолет одной рукой и не спуская глаз с Уилла, принял звонок. Он не мог игнорировать Рейчел, хоть и был уверен, что теперь, когда Уилл на его прицеле, девушка в безопасности.

– Томас! – прокричала Рид, задыхаясь. – Где ты?

– Рейчел? – смутился Том. – Ты бежишь или кричишь?

– Я бегу и кричу, – парень слышал всхлипы Рейч. – Томас, где ты?

– Что случилось? – нервно спросил он.

– На меня только что напал убийца, – отчаянно прокричала в трубку девушка.

5

Томас летел по пустой темной дороге, инстинктивно ведя машину. Путь казался нескончаемым, предательски длинным. Будто дорога вытягивалась со скоростью, с которой мчался парень. Его заносило на поворотах, но он тут же выравнивал машину и продолжал гнать до момента, пока не за-

метил бегущую навстречу Рейчел.

Том резко ударил по тормозам, машина со свистом остановилась. Рейчи влетела в машину быстрым движением. На лице была паника, слезы. Она тряслась и пыталась вымолвить хоть слово. Старалась отдышаться, перевести дыхание. Томас никогда не видел ее такой бледной.

Он облегченно вздохнул. Девушка была рядом, в безопасности. Теперь ему требовались подробности. Как это могло случиться, если Уилл стоял перед ним на коленях в этот момент? Либо Симмонс был действительно не виновен, либо все было спланировано так, чтобы оправдать его.

– Рейчел, – позвал Том. Девушка не отзывалась. Ее губы тряслись, пытаясь вымолвить хоть слово, но не получалось. Она была буквально оторвана от реальности. – Сколько будет два плюс два?

– Четыре, чертов ты Томас Хэйз, – выдала она, спустя секунду. – Меня только что чуть не убили, а ты со своей математикой!

– Что произошло? – спросил Том, держа бледное лицо подруги в ладонях. – Расскажи мне, что случилось.

– Я пошла гулять с Булем, потому что тот уже начал вредничать, – начала Рейчел, прерываясь, судорожно лоя воздух ртом, смахивая слезы дрожащими пальцами. – Я думала, ничего не случится за десять минут. Он подошел сзади, тихо, словно тень. Я почувствовала, как в кожу вошла игла, вскрикнула, и если бы не Бульбуль, то была бы сейчас мерт-

ва.

Томас выжидающе смотрел на девушку, но не требовал.

– Бульбуль начал лаять, а тот, видимо, собак боится. Буль кинулся на него, а я удрала, как трусиха, оставив своего пса один на один с этим убийцей. Буль погнал его в другую сторону, лая, рыча. Я слышала, как он отпугивал этого урода от меня, а потом, когда отбежала дальше, то услышала выстрел.

Сердце Тома сжалось.

– Он убил Буля, понимаешь? – прохрипела Рейчел, вновь заливаясь слезами. – Этот чертов урод убил мою собаку.

– Бульбуль спас тебя, – вымолвил Том, прижимая подружку к себе. Он чувствовал, как его плечо намокает. Но это было ничто по сравнению с тем, как колотилось его сердце.

Уилл не убийца. Тогда кто?

ГЛАВА 10

1

Всю пару Томас лежал головой на столе и прокручивал случившееся. Со всей этой беготней он совсем забыл, что близился Хэллоуин, что сегодня намечалась костюмированная вечеринка в Баре 32. Том не хотел откладывать ее только из-за Рейчел, которая молила его оставить все, как есть.

Весь вчерашний вечер Рейчел проплакала на коленях у Томаса, а тот сидел, вполуха слушая девушку, и думал о том, что чуть не натворил. Его больное сознание толкнуло парня на преступление, и если бы не звонок Рейч,

то Уилл был бы мертв.

Тома все равно напрягало то, что все зацепки, ведущие к Уиллу, оказались ложью. Он так притянул за уши все его слова, его действия, его рост. Да черт, если основываться только на росте, то половина их колледжа подходила. Большинство парней были высокими и крепкими, даже удивительно.

Он совершенно не слушал, что говорил лектор, не записывал. Если так продолжится, то его учеба пойдет насмарку. Его лишат стипендии, может, отчислят. Еще и это подогрело интерес Тома к делу. Точнее, к его завершению.

Парень пугал сам себя. За последние несколько дней он чуть не убил сначала себя, а затем другого, ни в чем не виновного человека. Как бы Том не ненавидел Уилла, тот не заслуживал смерти. Ни за все обиды, ни за избиения, ни за грязные слова про Элисон. Закрывая глаза, Томас видел либо полные первобытного ужаса глаза Рейчел, либо переполненные страхом Уилла.

– Все в порядке? – спросил кто-то, сидящий рядом. – У тебя болезненный вид.

– Сложная ночь выдалась, – буркнул он.

«Почему всем всегда есть до меня какое-то дело? – недовольно подумал Том. – Здесь, в стенах колледжа, я простой начинающий фотограф, который не хочет ничего, кроме как учиться и умереть. Почему всем так сложно разделить меня „на учебе“ и „в клубе“. Я не друг им здесь, даже если пью

с ними вечером».

Если так подумать, то всем сейчас хотелось думать только о Хэллоуине, о костюмах, но никак не об учебе. Все ждали конца последней пары, чтобы пойти домой наряжаться, краситься, брать с собой корзиночки и доставать соседей. «Вы уже не дети!» – говорят им взрослые. «Но пока у нас нет своих, так что сладость или гадость».

Томас тоже делал так в школе и на первом курсе. Это его первый Хэллоуин, который он хочет провести без сознания. Нужно было написать Скотти, чтобы захватила чего-нибудь покрепче. Ему нужно было уйти из этого мира хотя бы на ночь, расслабиться, повеселиться.

Или нужно встретиться с Лией. Да, ее объятья чертовски нужны были парню. Только Томас не знал, что сказать девушке. «Милая, привет, я вчера вечером чуть не убил парня, а на днях чуть не застрелился сам»? Ему не хотелось начинать отношения со лжи, но и не хотелось показаться ей совсем отшибленным, ведь он и так шел в комплекте с галлюцинациями, нервными срывами и безрассудной идеей найти убийцу.

Никто не знал о том, что он собрался убивать этого урода. Скотти он сказал, что для самообороны, ведь наступили сложные времена и для Тома, и для Рейчел. Услышав, что Рейчи в опасности, Скотти, не раздумывая, согласилась помочь парню. Рид не знала, даже не подозревала о том, что в рюкзаке парня постоянно лежит оружие. Питер не знал.

Лиа не знала. Знал Митч, но от того ни слуху, ни духу.

Том поклялся себе, что когда убийца будет пойман или убит, то оружие окажется на глубоком дне реки, где никто и никогда его не найдет.

Открылась дверь в аудиторию. Томас не поднимал головы, думая, что пришел какой-нибудь опоздавший. Как обычно. Но следующие слова его подняли:

– Томас Хэйз, пройдите в мой кабинет, – прозвучал голос директора.

Том взял вещи, накинул на плечо тяжелый рюкзак и спустился к двери. Директор смотрел на парня разочарованно, в какой-то мере даже презренно. Он пошел вперед, Томас поплелся за ним следом. Думая о том, что могло произойти, парень перебрал все.

Оправдалось самое худшее. Когда директор открыл дверь, то увидел из-за его плеча сидящего на стуле Уилла, а рядом с ним офицера полиции. Томас напрягся, но тут же взял себя в руки. Ему нужно было сделать что-то, чтобы его не привлекли к ответственности. Но что он мог поделать с этим?

– Это он? – спросил офицер у Уилла.

Парень глянул на Тома. Из-за нависающего над ним полицейского Уилл выглядел спокойнее, смотрел на Томаса с недоверием, опаской и презрением. Он кивнул.

– Томас Робб Хэйз, вы обвиняетесь в вооруженном нападении на Уилла Честера Симмонса.

– Я ничего не делал, – заявил Томас. – Вчера я весь день

просидел дома за обработкой фотографий к дипломной работе.

– Кто может это подтвердить? – спросил офицер.

– Моя подруга, Рейчел Рид, – проговорил Том. «Надеюсь, это сработает. Рейчи сообразительна и должна защитить меня».

– Это ученица нашего колледжа, – пояснил директор.

– Пригласите мисс Рид, директор, – приказал мужчина. –

А ты пока сядь.

Томас сел на стул рядом с Уиллом, но не смотрел на него. Сжимая руки в кулаки, чтобы сдержать дрожь, Том надеялся, что все обойдется. И мысленно корил себя за это. Какой черт дернул его сделать это? Чувство справедливости и желание мести. Том чувствовал себя отвратительным человеком, оказавшимся не в менее отвратительном положении.

– Какого черта, Хэйз? – произнес Уилл.

– Что ты имеешь ввиду? – повернулся к нему Том.

– Я не знаю, что ты затеял, но я точно уверен, что это был ты, – голос Уилла был громким. Офицер с интересом наблюдал за ними. – Я знаю твое лицо со школы, тебя сложно с кем-то перепутать.

– У тебя есть доказательства? – спросил Том. – У меня есть алиби, Рейчел подтвердит.

«Уилл не знает, что случилось с Рейчел, если убийца не он. Рейчи вытащит меня из этой передраги. Верить одному слову Уилла безосновательно».

– У тебя есть пистолет. Ты живешь в районе преступников, уверен, что достать его не составило у тебя проблем. Обыщите его рюкзак, офицер, прошу вас.

Том напрягся. Теперь могли обыскать его рюкзак, а там, на дне, лежало оружие. Рука Томаса дрогнула к ляжке, но он просто поглядел на Уилла.

«Черт возьми, – подумал он. – Если у меня найдут пистолет, то мне несдобровать».

– Покажите вашу сумку, Томас, – скомандовал офицер.

Том послушно подал рюкзак.

«Если что, скажу, что он для самозащиты, ведь моей подруге угрожает убийца. Это вряд ли сработает, но попробовать стоит. Это единственное, что есть у меня».

Офицер медленно, со скрипом открыл молнию на сумке, выложил оттуда все учебники и тетради. Достал мод, баночки с жижей. Тео, сжимая пальцы одной руки другой, провожал все движение мужчины. Уилл наблюдал тоже, время от времени поглядывая на Тома.

– Ничего, – заявил офицер.

Томас нервно сглотнул. Облегчение не нашло на него, ведь он был уверен, что брал оружие с собой. Где же оно теперь?

– Обыщите его машину, дом! – сорвался Уилл.

– У вас нет ордера на это, – произнес Томас.

– Давайтеждемся мисс Рид и тогда посмотрим, – спокойным голосом проговорил офицер.

Уилл, поджав губы, поглядел на парня. Том видел, как раздуваются крылья его носа. Но сам парень не ухмылялся, он был обеспокоен.

Дверь открылась, на пороге стояла Рейчел. Она выглядела так, будто ничего не произошло. Вчера ночью они нашли тело Бульбуля, закопали его в лесу около реки и несколько часов просидели там. В отличие от Тома, Рейч, что бы ни случилось, оставалась самой собой. Напивалась, курила, веселилась. Лишь бы забыться. Она не была склонна к саморазрушению и пыталась тем же путем вести Тома.

Парень молящими глазами поглядел на подругу.

– Рейчел, скажи им, что я весь вечер вчера провел за рабо...
рабо...

– Молчать, – приказал офицер. – Мисс Рид, где вчера вечером был ваш друг?

Рейчи сообразила молниеносно.

– Дома, – сказала она. Девушка присела на край стола директора и совершенно игнорировала его недовольный взгляд и просьбу встать.

– Чем он занимался? – продолжал офицер.

– Томас очень собранный и ответственный. С самого поступления он то и дело работает над дипломом, который будет защищать в следующем году, – Рейчи включила все свое очарование и, стреляя молодому офицеру глазами, стала заговаривать ему зубы.

– Вы всю ночь провели с ним? – спросил офицер.

– Да.

– Вы живете вместе?

– Да.

– Вы пара?

– Нет, офицер, и мое сердце свободно, – она улыбнулась, наклонила голову и откинула волосы, показывая шею. – Он мой хороший друг, который просто помогает мне с жильем. А в чем проблема?

– Томас Хэйз обвиняется в вооруженном нападении на Уилла Симмонса, – словно читая с листа, проговорил офицер. Он будто игнорировал весь флирт Рейчел, однако не спускал с нее глаз.

– Томас и мухи не обидит, – пожалала плечами девушка, закинув ногу на ногу. В этой юбке ноги Рейч выглядели чертовски сексуально, и если бы Том мог влюбиться в нее, то он бы обязательно это сделал.

– А как же синяки на его лице? – вскинул брови офицер.

– Он безобидный, но его обижают, – бархатным голосом отвечала Рейч. – Как раз-таки Уилл.

Девушка недовольно поглядела на Симмонса. Тот на нее.

– Ты обвиняешь Тома в нападении, но не думаешь, что это просто твоя ненависть, подпитанная каким-нибудь галлюциногенным эффектом?

– Что ты несешь? – прорычал Уилл.

«Что она творит?»

– Советую вам обыскать сумку мистера Симмонса. Уве-

рена, вы найдете там что-нибудь интересное, – Рейчи обворожительно улыбнулась.

«Что происходит?»

Офицер вопросительно посмотрел на Уилла.

– Обыщите мою сумку, – махнул рукой Уилл. – Там ничего такого, о чем говорит эта сумасшедшая.

«Что она задумала?» – думал Том, осматривая довольное лицо Рейчел.

Офицер быстрыми движениями выложил учебники и застыл. Том напрягся, слегка приподнялся со стула. Уилл даже не смотрел, прожигая Рид недовольным взглядом. Офицер аккуратно достал со дна сумки пакетик с двумя белыми таблетками.

«Рейчел?»

– Что это? – спросил директор.

Уилл ошарашено посмотрел на пакетик, на офицера, на Тома, на Рейчел. Томас удивленно наблюдал за его реакцией.

– А вы сами как думаете, директор? – спросила Рейчи. – Наркотики. Да, Уилли?

– Это не мое... – задержался Уилл.

– Пройдемте со мной, мистер Симмонс, – офицер положил руку на плечо Уилла. – Вы задержаны за хранение наркотических веществ до проведения экспертизы.

– Ты, – прошептал Уилл, глядя на Рейчи.

– Когда-нибудь все бы узнали правду, – невинно прогово-

рила Рид. – Увы, Уилли, такова жизнь.

– Прошу прощения за доставленные неудобства, – проговорил офицер, похлопав Тома по плечу. – Всего доброго.

Томас выдохнул. Директор смотрел на Тома и Рейчел удивленными глазами.

– Хорошо, что он учится не в нашем колледже, правда? – лукаво промурлыкала Рейчел. – Иначе бы неплохо подорвал бы репутацию.

Они вышли из кабинета, прошли вглубь коридора. Том припал к стене, тяжело вздохнул. Рейчел стояла напротив, недовольно скрестив руки на груди. Парень поднял на нее глаза. Стоило все рассказать. Но для начала у него были вопросы.

– Как?..

– Вчера ночью, когда ты уснул, я искала таблетки от головы у тебя в сумке, – проговорила Рейчел. – А нашла там пистолет. У меня куча вопросов к тебе, Хэйз.

– Я все объясню, просто скажи мне, как? – непонимающе, растягивая слова, проговорил Том.

– Помнишь сегодня утром я села в машину, пока ты парил? – Том кивнул. – Я аккуратно достала пистолет и спрятала тебе в бардачок. Потом, в перерыве, я увидела Уилла с офицером в коридоре. Тебе повезло, что я чертовски умная, смышленная и решительная. Я подошла к нему, пока офицер наливал себе кофе, спросила время, поболтала. Начала расспрашивать, что он тут делает. Он отвечал грубо.

И мне повезло подсунуть в открытую сумку пакетик и кинуть одну таблетку ему в кофе, – Рейчел, довольная собой, заулыбалась. – Офицер молодой и неопытный, заговорить ему зубы было легко.

– Что за таблетки хоть? – спросил Том.

– Экстази, – пожала плечами девушка. – Действует спустя минут двадцать, так что Уилл сейчас в машине наверняка ловит кайфушки. Ты мой должник, Хэйз. И я тобой очень недовольна.

– Ты совершенство, Рейчел Рид, – проговорил Томас.

– Я знаю.

2

Было неожиданно получить от Рейчел сообщение. Девушка пригласила Лию в Бар пораньше, чтобы подготовиться к Хэллоуину. Говорила, что у нее есть много костюмов, если кто-то еще не решил, кем нарядится. Это было актуально для Лии. Среди приглашенных была и Скотти. Девушка горела от предвкушения того, какими будут эти посиделки, а затем и сама вечеринка.

Это был первый веселый Хэллоуин Лии. Когда родители держали ее дома, то она не ходила даже собирать конфеты по соседям без их компании. Конечно, первое время было весело, ведь отец наряжался Франкенштейном, а мама вампиршей, но со временем стало надоедать. Ей хотелось нарядиться самой и пойти пугать стариков и маленьких детей, выпрашивать конфеты, а потом с единственной подружкой отъ-

едаться ими до диатеза.

Лиа грустила каждый Хэллоуин от того, что ее отпускали только до девяти вечера максимум, а затем загоняли домой. Но ведь после десяти начиналось самое интересное: еще больше людей выходило на улицу, на площади возле самого страшного дома начинались концерты, конкурсы, веселье. Лиа лишь отдаленно слышала шум.

Потом, лет в пятнадцать, к ней приехала кузина, с которой они весь вечер наряжались, фотографировались, а потом выставляли фотографии в социальные сети. Родители покупали им много вкуснятины, но это все равно было не то.

И теперь намечалась вечеринка в Баре. Лиа примерно представляла, что будет. Много пьяных, обдолбанных людей, громкая музыка. Девушка и сама была не против выпить в этот вечер, но придерживалась того, чтобы не попробовать наркотики. Еще и заразилась идеей удерживать Томаса от соблазна.

Она вызвала себе такси через полчаса, как вернулась с учебы. Выгрузила рюкзак, взяла с собой сменную одежду на ночь. Если бы теперь Лиа не подозревала Калеба, то попросила бы его подвести. Девушка слышала, что Фибс с мальчиками тоже хотели поехать на эту вечеринку, но Лиа не стала интересоваться. Если она хотела видеть там Фибс, то Уилла и Калеба нет.

Таксист оказался приятным мужчиной. Он весь путь рассказывал ей о своей жизни, спрашивал про нее; говорил, что

ему нравится, что нынешнее поколение не боится самовыражаться, что веселится, пока есть время и силы.

Они доехали быстро, без пробок. Весь путь девушка любовалась в окно украшенными домами, атмосферой наступающего праздника. Даже в бедном районе все было украшено. Повсюду стояли тыквы, на окнах были приклеены летучие мыши, где-то газон был украшен скелетами и маленькими статуями всяких животных. Но самым жутким оказался старый дом, который создавал впечатление, что вот-вот развалится, и выставленные там чучела животных.

Рейчел встретила Лию радушно. Быстро подхватив ее под руку, повела в комнату Томаса. Там девушка первым делом увидела свои фотографии на натянутой веревке. Это смутило ее, засмуцало, бросило в краску. Рассмотрев их, Лиа еще раз отметила, что Томас очень хороший фотограф.

Скотти сидела на полу вновь со своим «сука-лицом» и все движения девушки провожала взглядом. Рядом с ней стояла бутылка пива. На полу лежали разные вещи, сумка, полная косметики, и гримировальные краски.

– А где Том? – спросила Лиа.

– Внизу, украшает все с Питером, – ответила Рейчел. – Я попросила его о мини-девичнике.

– Почему ты решила позвать меня? – с прищуром спросила девушка.

– Ты вроде как девушка Тома, – развела руками Рид.

– Только из-за этого? – улыбнулась Лиа.

– На самом деле, ты классная, – махнула руками девушка. – Я сначала тебя недооценила, но ты правда как-то повлияла на Тома.

Лиа довольно улыбнулась.

– Я совершенно не знаю, кем мне быть на празднике, – вздохнула она. – Так что я целиком и полностью отдаюсь в твои руки, Рейчел.

Девушка радостно похлопала. Она подошла к Лие, осмотрела ее, обошла кругом. Задумчиво покивала, присмотрелась к ушам, коснулась сережек.

– Отлично, – заключила Рид. – У Тома есть две любимые Рейчел: я и Эмбер из Странной жизни. Если выпрямить тебе волосы, надеть на тебя рубашку... – задумчиво проговорила Рид, – ...то будет идеально. У меня как раз есть такая сережка, как у нее. Не знаю, зачем покупала. Понравилась, но я ее ни разу не надела. Мне не идет.

– А вы кем будете? – спросила Лиа.

– Буду медсестрой из психбольницы, – заулыбалась Скотти. – Буду с укольчиком ходить.

– Зная, с каким укольчиком ты можешь ходить, становится жутко, – заметила Лиа.

Скотти зловеще рассмеялась.

– Гарри Поттером! – восторженно выдала Рид. – Ну, его женской версией. Лучшей версией.

Они приступили к делу. Включили музыку, стали подбирать вещи. У Рейчел и правда было много разных вещей, ко-

стюмов, будто она когда-то занималась косплеем. На деле же оказалось, что она просто любила быть в разном образе каждый год. Покупала вещи, а они потом оставались.

С образом Лии было проще. Он был незамысловатый, но Рейчел уверяла, что Томас будет ужасно доволен. Однако секрет костюма самого парня она не выдавала. Они нашли серые джинсы с дырками, которые, со слов Рид, «не налезали на ее задницу», но Лие были как раз. Красную футболку, поверх нее синюю рубашку в клетку. Пришлось у той разорвать правый рукав, и Рейчи рвала его с удовольствием.

– Ты ведь из Калифорнии? – спросила Рид.

– Да.

– Там все говорят слово «жесть»?

– Не знаю, – усмехнулась Лиа. – С чего ты это взяла?

– Говори сегодня это слово, а если кто-то спросит, кто так говорит, отвечай: «Все в Калифорнии». Ты ведь Рейчел Эмбер.

Лиа не понимала, о чем говорила девушка. Эта игра обошла ее стороной, она видела лишь какие-то картинки и арты по ней, знала пару саундтреков, но не была фанаткой компьютерных игр. «Может, стоит наверстать упущенное?».

– Рейчел умерла, – хитро бросила Скотти, отпив пива.

– Не пугай девочку, – фыркнула Рид. – У нас все Рейчел будут жить.

Впервые в жизни Лиа выпрямила волосы. Ей нравились ее естественные, слегка кудрявые локоны, но и с прямыми

она выглядела хорошо. Лицо Рейчи светилось. Она приказала Лие стоять на месте и не шевелиться, даже не дышать. Она вернулась быстро, держа в руке серьгу с синим пером.

– По-моему, это на левое, – прищурилась Рид. – Снимай свои сережки.

Лиа покорно достала из ушей два гвоздика, и Рейчел быстрым движением надела ей на ухо перышко. Оно непривычно висело и щекотало шею, но выглядело отпадно. Рид достала из кармана телефон, нашла фотографию Рейчел Эмбер и сравнила. Что-то ее смущало.

– Убери волосы за левое ухо, – сказала она. И когда Лиа сделала это, Рейчел покачала бердами, как бы танцуя. – Идеально.

Прошло несколько часов, когда девушки были готовы. Рейчел, довольная проделанной работой, настояла на общей фотографии. Скотти, повеселевшая от пива, начала пританцовывать, а Рейчел, как хищный зверь, наблюдала за ней.

– Хороша чертовка, – произнесла она, закусывая губу.

– У тебя хороший шанс спойть ее сегодня и поцеловать, – пошутила Лиа.

– Я этим и займусь, – серьезно ответила Рид.

Они вздрогнули, когда открылась дверь. В комнату бесцеремонно вошел Томас. Его лицо было раскрашено наполовину грязным белым, один глаз обведен черным. Волосы растрепаны так, будто его только что ударило током. На шее с двух сторон были белые полосы, так же на плечах. Руки

по локоть были как будто в грязи. Одет он просто: в потрепанную футболку, рваную в некоторых местах, подвязанную каким-то шнурком на поясе. В рваных штанах по колено, не хватало только босых ног, но, к счастью, на нем были кеды. Только потом Лиа подметила, что на нем были еще эльфийские уши.

Его хмурость переменилась на удивление, когда он увидел Лию.

– Рейчел Эмбер? – довольно проговорил он, подойдя к девушке. Он аккуратно провел рукой по волосам, а затем приподнял сережку. – Выглядишь потрясающе.

Его глаза были такими живыми, блестящими. Он сводил девушку с ума. Лиа замирала от каждого его прикосновения, задерживала дыхание, чувствовала, как подкашиваются колени.

– А ты кто сегодня? – улыбаясь, спросила Лиа.

– Калибан, – ответил он. – Из «Бури» Шекспира.

– Томас, ну я же просила, – обиженно простонала Рейчел. – Какой черт тебя побрал сюда прийти?

Том снова нахмурился, поглядел на девушек, но ничего не сказал про их костюмы. Лиа предчувствовала что-то неладное. Она попыталась заглянуть в глаза стоящему к ней боком Тому и увидела там обеспокоенность.

– Митч звонил, – сказал парень. – Вы не поверите, кто покупал люминал.

Лиа видела, как напрягаются его скулы, как он сжимает

кулаки.

– Кто? – одновременно выпалили все трое.

Он помедлил, покачал головой. И на выдохе сказал:

– Питер.

3

Весь вечер Томас пристально наблюдал за Питером. Буквально не спускал с него глаз, ходил по пятам, звал его играть в игры, приглашал выпить, лишь бы он был рядом. В то же время следил за Лией и Рейчел. Но в такой толпе было сложно найти хоть кого-то, а заставлять сидеть их на месте не получалось. Том настоял на том, чтобы девочки следили друг за другом. Каждый раз, как Томас смотрел на Лию, его сердце непроизвольно сжималось. Она выглядела потрясающе. Но не от того, что была одета, как Рейчел Эмбер. С каждым разом Том замечал в ней все больше и больше прекрасного. Ему нравилось это чувство, но одновременно беспокоило и настораживало.

Когда-то ему придется рассказать о том, что произошло между ним и Уиллом, ведь держать это втайне было невыносимо. Парню не хотелось обманывать девушку, таить от нее что-то, что она может узнать от кого-то другого.

Лиа уже несколько раз пыталась сказать что-то Тому, но их не оставляли наедине ни на секунду. Наконец, когда Том сидел на диване и прокапывал вату жижей, девушка подседела к нему. По ней было видно, что она подвыпила, повеселела, набралась смелости первой поцеловать его.

– Как делишки, малышка? – подмигнул он ей. Девушка засмузилась.

– Ты что-то хотела мне сказать?

– Да, ты только не ругайся, – проговорила она ему на ухо. – Когда я узнала, что шериф попал в больницу, то сходила его навестить. Он признался, что подозревает Калеба.

– Твоего друга, что постоянно тебя подвозил? – спросил Том.

– Да, именно его. Это звучит очень глупо, на него почти ничего не указывает, – девушка пожала плечами. – Прости, что не сказала тебе этого раньше.

– Мне тоже есть, что сказать, но я расскажу позже, когда мы будем вдвоем и в тишине, хорошо? – набрался смелости Том. Ему следовало, как можно раньше, признаться Лие в содеянном.

– Хорошо, – кивнула она. – Я пойду, жду тебя играть в «алкопонг».

Она уже поднялась, как Том схватил ее за руку и наклонил к себе. Он немного помедлил, а затем поцеловал ее. Как же ему нравились ее губы. Ему стоило расслабиться. Что может произойти в этот вечер, если Питер уже достаточно пьян, а Калеба и близко нет? Том пытался сопоставить все, что происходило с этими двумя личностями, но что-то постоянно не сходилось. Особенно то, что они не были знакомы.

В тот вечер Питер всегда был на глазах, а Калек смущенно сидел на одном месте, иногда лишь поднимался на ноги,

чтобы отойти в туалет или взять еще выпивки. Фиби, правда, шутила, что нашла парня для Калеба, но они не знакомились. Даже не смотрели. Да и Том знал, что у Пита есть девчонка, какой из него гей?

Том, пробираясь сквозь толпу, уверенно шел к туалету. Люди толкались, пытались затянуть его во всеобщее веселье, приглашали играть в игры, но Томас отказывался. Первостепенной задачей был разговор с другом, а затем уже все остальное.

Он залетел в прохладный светлый туалет и с ходу схватил Питера за куртку и прижал к стене. Они смотрели друг на друга: Том со злостью, Питер с непониманием.

– Я знаю, что ты покупал люминал, – резко сказал Хэйз.

– Что? – переспросил Пит. – Ты про фенobarбитал?

– Да, – рыкнул Том.

– Не отрицаю, что покупал, – ответил Питер. Томас сильнее вдавил его в стену. – Мой брат болеет эпилепсией, а это лекарственное средство, если ты не знал.

– Оно запрещено в США, есть и другие, – отвечал Том.

– Ага, которые стоят бешеных бабок, – с пренебрежением бросил Пит. – Чувак, расслабь очко, дешевле и проще купить это у Скотти, чем бегать по больницам за рецептами, а потом выкладывать тонну денег за одну ампулу. Я всего лишь студент, а брат вообще школьник.

Томас слегка ослабил хватку. Он и правда слышал, что брат Питера болеет чем-то, из-за чего самому Питу прихо-

дится работать после учебы. Их семья еле тянула обучение старшего сына в колледже, и парень помогал всем, чем мог.

– Родители не одобряют этого, но и не запрещают, – продолжал Пит. – Они же понимают свои возможности, что не могут обеспечить двух сыновей. Мы живем в районе, где приходится выживать, Том. Пойми меня.

Хэйз кивнул и отпустил друга.

– Прости, – проговорил он. – Ты же знаешь, я на нервах весь.

– Знаю, – Пит хлопнул его по плечу. – А теперь, если не возражаешь, мне надо отлить. Ты знатно меня напугал.

Томас покивал и вышел обратно.

Ему, правда, стоило расслабиться. Хорошим способом была игра «алкопонг», в которой сейчас побеждала Рейчел. Но это ненадолго, Томас уже в шутку разминался. И в момент, когда Лиа передавала мячик следующему, парень схватил его.

Не целясь, кинул, попал в один из стаканчиков, стоящих по центру. Ученик превосходил учителя: Рейчел показала ему эту игру, научила бросать, сделала из него чемпиона, который «улетает» самый первый.

Том опрокинул стакан, и жгучая жидкость обожгла его горло. Он поморщился, достал мокрый шарик и передал следующему. Парень подошел к Лие сзади, обнял ее, положил подбородок на плечо. От нее чертовски вкусно пахло.

– Я поговорил с Питером, – сказал парень ей на ухо. – Он

покупает люминал брату, который болеет эпилепсией.

– Точно?

– Да, это правда, – проговорил Том. – Но я все равно его подозреваю. Убийца явно действует не один.

– Значит, остается только Кaleb? – спросила Лиа.

– Получается так, – проговорил Томас, принимая мокрый шарик обратно. Он кинул его, не отходя от девушки, но на этот раз не попал. Рейчел разочарованно поглядела на него, но затем отвернулась и стала кидать сама. – Он же внизу?

– Я не знаю, – пожала плечами девушка. – Фиби говорила что-то про это, но я не уверена.

– Ладно, на сегодня, наверное, стоит отложить все это, – проговорил Том. – Надо немного развеяться.

– В этом ты прав, – улыбнулась Лиа.

Они простояли так еще пару минут, пока Рейчел не начала шутить над ними. Лиа показала ей язык, а Томас наигранно закатил глаза. Рид сделала обиженное лицо и отошла подальше. Музыка стихла на пару секунд, а затем прозвучал голос диджея:

– В честь праздника я решил немного разбавить музлу, – протянул он. – Так что, дамы-чудища и господа-чудища, этот медленный танец для вас.

Заиграла приятная уху мелодия, Томас выпрямился, готовясь пригласить девушку на танец, но Лиа подняла указательный палец вверх и проговорила:

– Я сейчас вернусь.

Она быстрым шагом ушла к Рейчел, взволнованно смотрящей на Скотти. Что-то сказала ей, приободрила и, кивая, направила ее. Лиа быстро вернулась к Тому и поглядела на Рейч. Та, будто бы влюбленный подросток, медленно подбиралась к девушке. Рид не успела ничего сказать, лишь протянула руку, как Скотти уже набросилась ей на шею.

Томас и Лиа улыбались, глядя на них, и затем Том ненавязчиво наклонился к уху девушки:

– Думаю, пришел и наш черед, – прошептал он, не переставая улыбаться одним уголком губ.

Девушка поглядела на него удивленно, смущенно, часто моргая. Проектора отражались в ее чистых и невинных голубых глазах.

«Она идеальна» – подумал Том, беря ее за руку.

Его взгляд сменился на более нежный, заботливый. Так не смотрят на тех, с кем ничего не связывает. Так смотрят на любимую девушку. На ту, которой дарят танец. Так не касаются временной партнерши, встреченной в зале. Так не прижимаются к едва знакомым, ненужным. И так не сбивается дыхание от простого контакта бедер, что разорвется через пару минут.

Это было чувственнее и интимнее, чем любой секс, что был у Томаса за этот год. Это было спокойнее и умиротворяющее, чем любой сон, не прерывающийся кошмаром. Это было желаннее, чем несбывшееся танго. И лишь завершаю-

щие аккорды песни заставляли вспоминать, что это все – реальность. Что всему наступает конец.

Это был второй в жизни медленный танец Томаса. И, наверное, первый осознанный. Когда он приглашал Элисон, то он был взволнован, думал, что услышит отказ. Сейчас он знал, что Лиа согласится. Знал, что она растает в его объятиях, а он в ответ утонет в ней.

Том остановился, взял лицо Лии в руки, приподнял. Взглянул в ее глаза, робко улыбнулся. Да, он точно знал, что хочет быть с ней. С ней одной, которая была способна достать до его сердца. В глазах девушки он видел чистые непорочные чувства, видеть которые боялся так долго.

– Том? – прошептала она.

– Лиа? – ответил он, вспоминая поцелуй в коридоре.

– Я люблю тебя.

– Ты не любишь, – покачал он головой. – Но я сделаю все возможное, чтобы ты полюбила.

Томас уже изрядно выпил, но еще стоял на ногах. Давно не было таких вечеринок, чтобы Том где-то участвовал, веселился. Он слышал, как внизу вновь произошла какая-то драка, и хотел спуститься, надавать кому-нибудь по роже, но стоило взглянуть на Лию, тянущую его к игре «достань яблоко из воды без рук», как желание улетучивалось.

Парень был уверен, что завтра голова будет чертовски болеть, потому что он, казалось, смешал все, что было в их ба-

ре. Однако он все равно оставался трезвее, чем та же Рид, которая снова взобралась на барную стойку. Она танцевала, крутила бедрами, подпевала, будто пытаясь побить всех в караоке.

– Я хочу тебя, Рейчел Рид! – прокричала Скотти, рупором сложив руки у рта.

– Ее долго уговаривать не придется, – шепнул Том на ухо девушке, проходя мимо.

Томас искал свободное место на диванчике, чтобы расслабиться и протянуть ноги. И нашел рядом с гостем, который даже не предупредил, что придет. Митч сидел в костюме белой смерти, курил косяк и в одиночестве смеялся. Том сел рядом с ним.

– Ты не говорил, что приедешь, – проговорил парень.

Митч посмотрел на него, сделал затяжку, закашлялся, рассмеялся. Тому пришлось ждать, пока Шоколадный король придет в себя: он то ли задыхался, то ли смеялся, то ли вообще плакал. Шли секунды, а парень никак не мог успокоиться. Поэтому Томас достал свой мод, сделал затяжку и стал терпеливо ждать.

– Прости, брат, – сквозь утихающий смех проговорил Митч. – Убойная вещь, хочешь?

Томас отказался.

– Прости за то, что пробрался в твой дом и угрожал пушкой, – нехотя проговорил Том.

– Да я понимаю, что ты искал блокнот мой, – махнул рукой

друг. – Одно не понимаю: ты не мог просто спросить?

– А ты бы мне сказал? – приподнял бровь Том. – Ты обычно не раскрываешь имена покупателей.

– Да ты бы все равно ничего не понял, – хмыкнул Митч. – Там все зашифровано так, что я иногда путаюсь. Но я бы сказал. Скорее всего. Так что там с Питером?

– Он тебе не говорил, для чего покупает? – спросил Томас в ответ.

– Да вроде нет, а должен был?

– Просто спросил, – качнул головой парень. – Оказалось, он для брата. Это же средство при эпилепсии.

– То есть, с него подозрения спадают? – спросил Митчелл. Том кивнул. – А то было бы обидно, хороший парень.

Напротив них из воздуха возникла Элисон. На ней не было костюма, она была все так же просто одета, как в тот вечер, когда Том прогнал ее. Она сидела, закинув ногу на ногу, и глядела на парней.

– Ты не хочешь до него еще раз докопаться за то, что он спал со мной? – спросила девушка. – Может, в смехотворном угаре он расскажет больше?

Томас игнорировал.

– Тебе ведь не все равно, – продолжала она. – Тебе ведь обидно, неприятно...

– Мне нужно отойти, – бросил Том и пошел по направлению к туалету.

Девушка шла за ним, и Томас чувствовал, как она давит

на него своим присутствием. Он зашел в туалет, огляделся: никого не было. Том посмотрел на Элисон, стоящую напротив него.

– Слушай, я отпускаю тебя, все, лети, – проговорил он. – Мне ужасно грустно от того, что ты умерла, но ты ушла из моей жизни задолго до этого. Дай мне жить спокойно.

– Занимательно, что ты решился на новые отношения. Думаешь, она не предаст тебя? Думаешь, не сбежит, напугавшись?

– Я сам разберусь с этим, ладно? Это не твое галлюциногенное дело, так что катись к черту, Элисон.

Девушка обиженно поглядела на него.

– Я уйду, когда ты действительно сочтешь нужным, – произнесла она.

– Я прогоняю тебя, уходи!

– Ты не можешь отпустить мысли обо мне, – продолжала Элли. – Не отпустишь, пока не отомстишь.

Том, схватившись за голову, прорычал.

В этот момент в туалет вошла Рейчел. Нет, залетела. Перепуганная, буквально протрезвевшая за мгновение.

– Томас! – позвала она, хватая его за руку. – Это передал мне какой-то парень, сказал, что его попросили. Но не сказал, кто.

Том потряс головой, думая, что это поможет. Поглядел на записку. На ней был написан номер и слово: «Позвони мне».

– Это чья-то шутка? – спросил парень.

– Том, позвони, – настаивала Рид.

– В чем дело? – не понимал Томас.

– Я не могу найти Лию, – выпалила Рейчел, будто слова сами сорвались с ее языка.

Томас достал телефон, быстро набрал номер. Руки начали дрожать, казалось, вместе с холодным потом вышел и весь алкоголь. Трубку взяли моментально:

– Привет, Томас, – раздался голос, Том узнал его. Этот же человек звонил ему, когда напал на Митча. – У меня Лиа и Питер. Меняю их жизни на твою. У тебя двадцать минут до первого выстрела. Мы на берегу реки рядом с могилой чертовой собаки.

4

Томас вжимал педаль газа в пол, мысленно ругаясь, что эта машина не может ехать быстрее. К нему вернулся трезвый рассудок, но моментально затмился первобытным страхом. Том поглядывал на лежащий на пассажирском сидении заряженный пистолет. Пришло время использовать его по назначению. И на этот раз парень не дрогнет.

Он не взял с собой Рейчел, напрашивающуюся с ним. Не сказал никому ничего, лишь успел забежать в комнату, взять пистолет, ключи и быстро уехать. Зато Элисон сидела на заднем сидении, Том видел ее в зеркале. Сердце было готово выпрыгнуть из сердца, а желудок стягивало от волнения в тугий узел. Томас гадал, когда же его разорвет изнутри

от страха.

Ему нельзя было бояться, нельзя было сомневаться. В его руках жизнь девушки, которую он хотел полюбить, и жизнь друга, которого он бесполезно подозревал. Время было на исходе, оставалось буквально десять минут, а впереди еще треть пути. Том яростно смотрел на дорогу, боясь только того, что не справится с управлением.

Он чуть ли не на ходу выскочил из машины, схватив пистолет. Понесся по темному лесу, интуитивно надеясь, что найдет путь. А сердце стучало, дыхание сбивалось, стало больно бежать от покалывания в боку, забились ноги. Но Томас продолжал сквозь боль, сжав зубы. Его временные страдания не стоили того.

Раздался первый выстрел. За ним крик. Томас, испугавшись, встал, как вкопанный. Но сорвался с места через секунду, летя еще быстрее.

Он увидел темную фигуру, стоящую возле реки, прибавил шагу. Вышел из леса, держа пистолет наготове, но снова застыл, увидев, кто стоит перед ним.

– Рад видеть тебя, Томас, – проговорил Калейб. – Ты искал меня, верно?

– Ты...

– Удивлен? – улыбнулся он. – Вам наверняка интересно, почему. Позвольте мне в жанре глупого конца всех фильмов, когда злодей раскрывает свои планы, рассказать и о себе.

Томас поглядел на Лию. Она была привязана к дереву, вся

в слезах. Сердце Тома не выдерживало видеть ее такой, но он не мог пошевелиться, не мог поднять пистолет. Он так ненавидел себя за трусость и бессилие.

Том опустил взгляд на землю. Питер лежал с дырой в голове возле ног Калеба. Убийца тоже глянул на него.

– Хороший любовник, полезный прислужник, – с пренебрежением буркнул он. – Помешался на мне, я стал тем, кому он был готов услуживать. Даже странно. Однако, на этом его служба и закончилась. Так вот, слышали ли вы когда-нибудь о Клинке, что в этом же городке несколько десятков лет перерезал всех грешников? Я слышал.

Томас молчал, пытаясь поднять пистолет. Но он, казалось, весил целую тонну. Том слышал всхлипы Лии, но не мог справиться со своим ослепляющим страхом.

– Я с детства презирал наркоманов, шлюх, воров... И история Клинка меня вдохновила. Мне захотелось продолжить его дело, – его взгляд был безумным. Он ходил из стороны в сторону, размахивал пистолетом, играл с Томом, выжидая, когда же тот сделает хоть что-то.

– Ну, стреляй же, – подстрекала Элисон. – Чего ты ждешь?

– Ты заигрался, – вымолвил Томас.

– Да что ты говоришь? – рассмеялся Кaleb. – Заигрался ты, дружок. Со своей шайкой собутыльников и наркоманов. Сначала умрешь ты, а потом каждый, кто тебе дорог: Скотти, Митчелл... Рейчел. Придется даже Лию убить. Мне стало до боли обидно, когда я узнал, что она пошла по наклонной.

Лиа плакала, опустив взгляд на землю.

– Еще эта чертова собака, – Кaleb ботинком наступил на могилу Бульбуля. – Укусила.

Он поднял пистолет, навел на Лию красный лазер. Да, это то, о чем говорил Митч.

– Выбирай, кто первый: ты или она? – спросил пареньь.

– Стреляй! – скомандовала Элисон.

Томас резко поднял пистолет, не целясь, нажал на пусковой крючок. В этот же момент Кaleb неожиданно перевел лазер на лоб Томаса. Прозвучали два выстрела друг за другом. Последнее, что видел Том: кричащую Лию. Но уже не слышал ее крика...

ЭПИЛОГ

День был солнечным, жаль, что этого света больше не было в жизни Лии. Ее солнце затухло несколько дней назад на берегу реки. Было лишь четыре фигуры в черном, стоящих возле закрытого гроба. Солнце отражалось от него с блеском. Точно так же блестели глаза Тома в последние дни.

Святой отец что-то говорил, но Лиа не слушала его. Она стояла, опустив глаза. Ее сознание отрицало, что в гробу лежит первый пареньь, в которого девушка влюбилась. Первый, с кем она хотела прожить незабываемые годы. Тот, кого она спасла.

Ей вспомнились слова Рейчел: «Он никогда не скажет „спасибо“. Он будет помнить, он оплатит, но никогда не ска-

жет». Да, так и случилось. Том не сказал, лишь спас ее от неминуемой смерти ценой собственной жизни.

Краем глаза девушка заметила, как Рейчел, пытаясь сдержаться, жалась к Скотти. Посмотрев вперед, куда-то вдаль, вытирая слезы со щек, она увидела неловко прячущуюся за деревьями фигуру Уилла. Увидеть его тут было неожиданностью.

Пришло время, когда все могли попрощаться с Томасом. Лиа стояла в стороне, надеясь, что все отойдут, оставят ее наедине с ним. Девушка следила за каждым.

– Пошел ты, Томас, – пытаясь улыбаться, проговорила Рейчел. – Можешь не переживать, я пригляжу за Лией.

– Мы были мало знакомы, но я буду скучать, Серьезное лицо, – сказала Скотти.

– Я всегда знал, что ты чертовски смелый парень, – качая головой, произнес Митч. – Ты не заслужил этого.

Рейчи подошла к Лие тихо, незаметно.

– Наверное, Томас хотел бы, чтобы это было у тебя, – безэмоционально проговорила она.

Девушка опустила взгляд на руки подруги. Та протягивала мод Тома – черную матовую трубку, немного стертую в каких-то местах. Лиа молча приняла его, сжав в руке. По сердцу ударил образ того, как Том, заинтересованно глядя на девушку, передавал ей мод каждый раз, когда они сидели рядом.

Она сделала затяжку, выдохнула. Пар улетел в небо, по-

степенно растворяясь, сливаясь с цветом облаков. На языке осталось послевкусие фруктов. Послевкусие их последнего поцелуя. Лиа провожала пар взглядом, а слезы так произвольно скатывались по ее щекам.

Все отошли, понимая, что девушке нужно побыть наедине с парнем. Черный гроб отталкивал, Лие не хотелось даже приближаться к нему. И все же она подошла ближе, положила руку на пригретую осенним солнцем крышку.

– Ты показал мне, что такое жизнь, – прошептала она, всхлипывая. – Я никогда не забуду тебя, Томас Хэйз. Никогда.